

4
1.~~1990~~~~1960~~Николай Белдинкій.54
1416**ОЧЕРКИ****ВИШЕРСКАГО КРАЯ.***Посвящаются Ю. И. Т.*

П З Р М Ъ.

Типо-Литографія Губернськаго Правлінія.

1899.

~~406.~~

221. 4 - 4

~~193~~

~~1060~~

ОЧЕРКИ ВИШЕРСКАГО КРАЯ.

Посвящаются Ю. И. Т.

I.

Экскурсия въ область прошлаго.

Трапперы американскихъ лѣсовъ вели суровую, исполненную всевозможныхъ лишений, жизнь. Охота на дикихъ звѣрей составила ихъ главный промыселъ.

Фениморъ Куперъ.

Среди чудной панорамы горъ, скаль и лѣсовъ мчить быстро кристалльныя воды свои холодная красавица Вишера. Вытекая почти изъ самаго сердца Урала, она все время мчится «по дну изъ камней разноцвѣтныхъ», сопровождаемая то высокими лѣсистыми холмами, то обнаженными скалами, отвѣсной стѣной подступившими къ самой рѣкѣ. Воды ея необыкновенно чисты и прозрачны и позволяютъ на значительной глубинѣ различить каждый камушекъ, каждую песчинку. Шумящими водопадами впадаютъ въ нее многочисленные притоки съ такой-же кристальной и холодной водой. Чтобы видѣть Вишеру во всей ея красотѣ, нужноѣхать туда въ іюнь мѣсяцѣ, когда поднимаются травы, среди которыхъ разсыпаны красные піоны «Ивана да Марыи», когда прибрежныя березки одѣваются молодой, яркозеленої одеждой и когда солнце съ безоблачного неба щедро проливаетъ свое тепло на молчаливые хвойные лѣса въ долинахъ, а солнечные лучи отражаются въ снѣговыхъ вершинахъ каменныхъ гигантовъ.

Тогда осторожные лоси и олени, томимые жаромъ, тихоѧко пробираются къ рѣкѣ, гдѣ и спѣшатъ утолить свою жажду. Какъ красивы, какъ грациозны эти

животныя! Особенно хороши громадные лоси со своими вѣтвистыми рогами и наклоненными къ землѣ головами. Они осторожно выходятъ каждый слѣдъ и обращаются въ бѣгство при малѣйшей опасности...

Пернатое царство въ это время совершенно замираетъ. Всѣ тетерева, глухари и рябчики забираются въ глубь темнаго лѣса, гдѣ въ прохладѣ и проводятъ жаркое время.

Даже рыба ищетъ себѣ болѣе низкой температуры. Кристалльныя воды позволяютъ видѣть, какъ стаи благородныхъ харизовъ спѣшатъ къ переборамъ, гдѣ воды холоднѣе и течение стремительнѣе.

А солнце съ безоблачного неба продолжаетъ посылать свои жгучіе лучи. Но чѣмъ ближе къ вечеру, тѣмъ становится прохладнѣе и, наконецъ, жаркий день смѣняется холодной бѣлой ночью. Съ блѣдно-голубого неба льется на землю мягкой бѣлой свѣтъ и кладетъ свой отпечатокъ на окружающую природу. Бѣлые, нѣжные тона царствуютъ кругомъ. Обильная роса покрыла траву, а также и листья деревьевъ. Тихо. Лишь ласкающій шумъ воды на переборахъ, такъ гармонирующій со всей этой обстановкой, нарушаетъ торжественную тишину іюньской ночи. Какой чудный видъ открывается съ каждой прибрежной скалы! Внизу прихотливыми зигзагами вѣтятся Вишера. Она то омываетъ отвѣсную скалу самой причудливой формы, то приымкаетъ къ крутой, лѣсистой горѣ, то разбѣгается среди небольшого луга. Съ верху видно, какъ рябитъ вода на переборахъ и какъ спокойно течетъ она по

тихому плесу. Со всѣхъ сторонъ Вишеру обступили громадныя горы, рельефно выдѣляющіяся на блѣдо-голубомъ небѣ. Нѣкоторыи изъ нихъ острыми вершинами поднялись высоко къ верху, а другія похожи на круглые гигантскія шапки. Можно различить, гдѣ кончается полоса лѣсовъ и начинается царство камня и мха. Бѣлый снѣгъ ярко выдѣляется полосами на сѣроватомъ фонѣ каменныхъ гигантовъ. А въ долинахъ темной массой стоять мрачные хвойные лѣса, среди которыхъ можно увидѣть серебряную извилистую ленточку — то вѣтвьется какою-нибудь притокъ Вишеры.

На верху уже почти ничего не нарушаетъ торжественной тишины. Развѣ по-рою съ сосѣдней скалы раздастся дикий хохотъ филина и опять надолго все смолкнетъ.

Взоръ зрителя всего больше приковываетъ къ себѣ вершины гигантскихъ камней, такъ гордо поднявшихся надъ землей. Не даромъ народная фантазія опозтизовала ихъ, придала имъ жизнь. Каждый значительный камень на Вишерѣ имѣетъ свою легенду, свою исторію. Къ величайшему сожалѣнію, въ послѣднее время, подъ на-тискомъ ворвавшейся сюда цивилизациіи, наивныя преданія старины почти исчезли и рѣдко-рѣдко можно встрѣтить теперь такого вишерскогоaborигена, въ памяти которого уцѣльло бы нѣсколько старинныхъ легендъ. А между тѣмъ, легенды эти очень любопытны и не лишены поэзіи и, по всей вѣроятности, историкъ могъ бы прочитать въ нихъ, сквозь ихъ сказочный элементъ, и историческую правду.

Давно, очень давно, еще «при старыхъ царяхъ», — такъ гласить вишерская сага, — краемъ этимъ владѣлъ поганый чудской народъ. Не даромъ онъ названъ поганымъ, ибо происхожденіе его не чистое. Легенда о происхожденіи чудского народа, наивна, но въ высшей степени цинична... *)

Жилище себѣ чудь не строила разсказываетъ преданіе, аукрылавась въ пещерахъ. Потомъ въ этотъ край стали проникать русскіе люди и началась у нихъ ожесточенная война съ чудью. Но чуди было много, а русскихъ

мало. Къ счастью, на помощь русскимъ явились богатыри. Въ памяти вишерскаго народа остались имена двухъ богатырей: Полюда и Пели; каждый изъ нихъ жилъ въ громадныхъ камняхъ, первый обиталь въ камѣ его-же имени — Полюдѣ, а другой въ Кваркушѣ. Камни эти росли вмѣстѣ съ богатырями.

Великое множество поганой чуди истребили богатыри. Кроме того, они помогали въ войнахъ русскимъ царямъ съ невѣрными народами. Промышляли богатыри охотой, особенно удачный охотникъ былъ Пеля. Захотѣлъ его русскій царь наградить за его великія услуги, призвалъ передъ свои свѣтлыми очи. — «Ну, Пеля, много ты мнѣ помогъ въ битвахъ съ невѣрными народами и хочу я тебя наградить. Проси, что пожелаешь. серебра-ли, золота-ли, камней-ли самоцвѣтныхъ, всего дамъ». — «Не надо мнѣ, надежа царь. — отвѣтчаетъ ему Пеля, — ни золота ни серебра, ни камней самоцвѣтныхъ, куда я съ ними въ лѣсу дѣвлюсь! А дай ты мнѣ, государь-батюшка, шелковыя тенета, чтобы соболей, да куницъ я могъ ими ловить и чтобы не рвались они». Подарилъ ему царь шелковыя тенета, крѣпкія, не рвучія и многое множество стало добывать богатырь всякой пушиной. А того больше стрѣлялъ онъ изъ лука соxатыхъ и медвѣдей. Не понравилось это лѣсному и задумалъ онъ погубить Пеля. Но какъ это исполнить? Хотя и силенъ былъ лѣсной, а противъ Пеля ему все-таки не устоять. У богатыря одна ступня была 7 четвертей! Кинуть за десять верстъ камень въ 100 пудовъ для него было простой забавой.. Гдѣ ужъ, тутъ бороться силой, падо пуститься на хитрости. Вотъ, лѣсной, разъ и спрашивается у Пеля: «Ты, Пеля, какъ спиши?» Смыкнуль богатырь въ чемъ дѣло, но и виду не подалъ, что проникъ хитрый замыселъ лѣсного и добродушно отвѣтчаетъ ему: «Спилю я, такъ у меня дымъ изо рта идетъ; а ты, лѣсной, какъ спиши?» — «Когда я сплю — хвоя съ деревьевъ валится! отвѣчалъ лѣсной. Послѣ этого разговора какъ-то бродили они въ лѣсу вмѣстѣ. Настала

*) Въ тѣ далекія времена гласить эта легенда въ одномъ селеніи жила дѣвица. Ея зазорный образъ жизни возмутилъ всѣхъ сосѣдей и рѣшено было прогнать ее изъ селенія. Стала она ски-

таться въ лѣсу, гдѣ и родился у неї сынъ. Устроила она логово и укрывалась въ немъ отъ непогоды и холода со своимъ незаконнымъ дѣтищемъ. Между тѣмъ сынъ ростеть не по днямъ, а

ночь; сдѣлали «подью» и легли подъ огонька спать. Лѣшій скоро заснул и захрапѣлъ: хвоя съ деревьевъ посыпалась отъ этого храпа. Пеля хитръ, Целя не спить. Положилъ онъ подъ свой азямъ бревно, какъ есть богатырь спить; около изголовья головешку положиль, дымится она. А самъ спрятался за большую сосну и ждеть, что будетъ. Лѣшій проснулся, смотрить туда, гдѣ богатырь лежать долженъ и видеть, что изъ-подъ азяма дымокъ идетъ, значитъ, спить Пеля. Вотъ лѣшій тихонько поднялся и выстрѣлилъ прямо въ бревно. А Целя изъ за сосны пустилъ въ лѣсного калену стрѣлу. Только ногами взмахнулъ лѣшій и повалился на землю, а Пеля подбѣжалъ къ нему и добилъ его. Долго послѣ того еще жилъ Целя, охотился на звѣрей, былъ невѣрную чудь. Но, вотъ, начали переводиться на русской землѣ богатыри, отошла имъ пора и на Вишерѣ. Вошли вишерскіе богатыри въ свои камни и спрятались тамъ вмѣстѣ съ сокровищами разными. Тогда-же прекратился ростъ камней и остались они такими-жѣ, какими ихъ можно видѣть и сейчасъ. Но богатыри живы; выйдутъ изъ камней они, когда зазвучитъ труба архангела и представутъ со всѣми людьми на страшный судъ Господень...

Таковы обрывки вишерскихъ «преданий старины глубокой».

Въ настоящей же главѣ своихъ очерковъ я коснусь того образа жизни, какой вели вишерскіе обитатели до развитія въ ихъ краѣ горной промышленности, т. е. десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

Рѣка Вишера, одинъ изъ главныхъ притоковъ Камы, беретъ свое начало въ сѣверной части Чердынского Урала, изъ подъ камня «Вишерскаго». Нѣсколько ключей образуютъ изъ себя быстрый холодный ручеекъ, принимающій въ себя еще нѣсколько такихъ же пѣлящихся ручеекъ и об разующихъ уже рѣчку, все болѣе и болѣе увеличивающуюся на своемъ стремительномъ пути къ югу. Рѣчка прихотливо извиваясь среди громадныхъ утесовъ, среди горъ, шумитъ на переборахъ, страшно изъ-

по часамъ. Когда онъ подросъ, она соорудила ему лукъ и стрѣлы и стала сыновъ пострѣливать звѣрей и птицъ и тѣмъ прокармливать себя съ матерью. Мясо фли сырьемъ и совершенно озвѣ-

нится на порогахъ и, наконецъ, принявъ въ себя достаточное количество притоковъ, обращается въ довольно солидную горную рѣку, хотя и съ быстрымъ, но уже болѣе спокойнымъ теченіемъ.

Всего Вишера имѣетъ протяженія около 500 верстъ. Изъ этого числа она 400 верстъ несетъ среди горъ и скаль и только послѣднія сто верстъ передъ впаденіемъ въ Каму, принять въ себя притокъ р. Вижайху, а потомъ рѣку Колву, оставлять скалы Урала и, какъ-бы уставъ отъ своей бѣшеной скачки, спокойно течь среди обширныхъ луговъ и хвойныхъ лѣсовъ.

По теченію Вишеры расположились селенія четыреъ волостей: мошевской, пянтежской, морчанской и сычунической. Изъ нихъ двѣ первыя расположены уже послѣ впаденія Колвы и жители ихъ занимаются, главнымъ образомъ, хлѣбопашествомъ. Жители-же сычунической и морчанской волостей занимаются охотой и рыболовствомъ. Въ своихъ наброскахъ я буду имѣть въ виду лишь жителей послѣдніхъ двухъ волостей, а подъ именемъ «вишерскаго края» надо разумѣть бассейнъ Вишеры до впаденія въ нее Колвы. На этомъ протяженіи она принимаетъ въ себя четыре значительныхъ притока: Мойву, Велсъ, Улъ и Языву, берущихъ свое начало съ уральского хребта.

Первое селеніе морчанской волости д. Морчаны, отъ города Чердыни отстоитъ по прямому направленію верстахъ въ 30, а послѣднєе селеніе сычунической волости въ верховьяхъ рѣки Усть Улъ, верстахъ въ 150. Слѣдовательно, еще оставалось верстъ 250 совершенно незаселенного берега рѣки. Всего въ морчанской и сычунической волостяхъ насчитывалось 33 селенія съ 4,000 душъ обоего пола. Изъ числа этихъ деревень только 19 расположены по берегамъ Вишеры, а остальная въ боку.

Вишерскія селенія, большую частью, ются между холмами въ узкихъ долинахъ, а иногда взираются и на верхъ холма. Избы разбросаны какъ попало, правильныхъ улицъ нѣтъ, да и нужды въ

рѣли они. Людей сынъ и не видалъ ни разу. Когда онъ пришелъ въ возрастъ, то материю овладѣли похотливыя вожделенія... И вотъ вѣдѣла она своему сыну прийти въ извѣстное мѣсто, гдѣ

нихъ не ощущается. Типъ построекъ почти вездѣ одинъ и тотъ же: крытое крылечко варужу, а потомъ сѣни, отдѣляющія собой избу отъ кѣти; въ избѣ главное мѣсто отводится для русской печи, рядомъ съ которой настланы полати, играющія роль кроватей. Вдоль стѣнъ идутъ толстяя плахти лавокъ; въ переднемъ углу столъ; око-ло-же печки устроена западня для спуска въ подвальное помѣщеніе, но мѣстному выраженію въ «голбецъ». Вотъ и вся обстановка. Кѣть — повтореніе избы, лишь съ тѣмъ отличіемъ, что тамъ пахнетъ совсѣмъ нежилымъ помѣщеніемъ, такъ какъ въ кѣти переселяются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ избѣ морозятъ таракановъ и клоповъ. При этомъ надо замѣтить, что чистотой помѣщенія не отличаются.

Съ задней стороны къ избѣ примыкаетъ скотный дворъ и сѣноваль.

За селеніемъ идетъ небольшая полоска полей, а за ними тотчасъ же начинается темный хвойный лѣсъ.

Главныя занятія жителей вишерскаго края десять лѣтъ тому назадъ были охота и рыбная ловля.

Хлѣбопашествомъ здѣсь, по причинѣ суровости климата, занимались немногі и рѣдко у кого хватало своего хлѣба на годъ. Кромѣ суровости климата успѣшному развитію хлѣбопашства мѣшали и почвенныя условія. Здѣсь изстари велось «подсѣчное» хозяйство. Поступали такъ: выбирали сухое мѣстечко, рубили лѣсъ, складывали его въ костры и зажигали; черезъ годъ это мѣсто вспахивали и засѣвали. Такая земля давала довольно хорошие урожаи въ продолженіе четырехъ лѣтъ, а затѣмъ истощалась и такъ какъ удабривать ее было нечѣмъ, то она и забрасывалась и современемъ заростала березникомъ. Конечно, подобное веденіе хозяйства гибельно отражалось на лѣсѣ; многое его погибало на подсѣкахъ, но въ тысячу разъ большее количество истреблялось лѣсными пожарами, происходящими отъ тѣхъ-же подсѣкъ: часто огонь перебрасывался на цѣлый лѣсъ и гибли сотни десятинъ его.

Огородничество было развито слабо и

онъ долженъ встрѣтить еще невиданного имъ зѣбря, у которого будутъ двѣ руки, двѣ ноги, а тѣло черное. Струйить въ этого зѣбря она крѣпко-на-крѣпко запретила, а, напротивъ вѣлья

садили, главнымъ образомъ, картофель, да и то далеко не всѣ. Не процвѣтало и скотоводство; въ среднемъ на каждый дворъ приходилось: лошадей 1—2, коровъ 1—3, овецъ 5—10, свиней 1—5, куръ 2—5. Сѣна ставили немногі, расчищать покосы было некогда. Служалось, что кормили скотъ корой рябины.

При такихъ условіяхъ существованіе было бы немыслимо, но вишерцевъ выручали рыболовство, охота и лѣсные промыслы.

Стремительное теченіе Вишѣры, ея переборы, пороги потребовали созданія особаго типа лодокъ, которая въ Чердынскомъ краѣ носитъ название «вишерскихъ душегубокъ». Лодки эти отличаются необыкновенной длиной — бывають 10 и болѣе аршинъ, въ ширину же всего одинъ аршинъ, а иногда и менѣе. Дѣлаются они изъ цѣльнаго ствола осины, изъ котораго внутренность выковыривается, а бока разгибаются, къ нимъ прикрѣпляются наборъ и лодка готова. На приготовленіе ея требуется дней 5—6. Управлять веслами въ такой лодкѣ, а главное, по такой быстрой водѣ, особенно противъ теченія, — нечего и думать, а потому для этой цѣли здѣсь существуютъ особые шесты, длиною до 2 сажень. Чустой, ничѣмъ не нагруженной лодкой, свободно можетъ управлять одинъ человѣкъ, а если-же приходится что-нибудь везти, то необходимо двое. Одинъ изъ нихъ становится на корму, а другой на носъ и начинаютъ, какъ здѣсь говорятъ, «неходитьсь» шестами. При этомъ стараются одновременно упираться ими въ каменистое дно рѣки и отталкиваться; стоящей на кормѣ въ то-же время даетъ лодкѣ надлежащее направленіе. Благодаря своей длины душегубки очень легки на ходу и свободно скользятъ на быстрыхъ переборахъ. Всѣ вишерцы, не исключая дѣтей и женщинъ, прекрасно управляютъ своими лодками и привыкаютъ по цѣлымъ днямъ дѣйствовать шестами. Но все-же не даромъ эти лодки получили название «душегубокъ»: даже умѣлые и опытные вишерцы не всегда, въ опасныхъ мѣстахъ, могутъ сохранить равновѣсіе и бывали случаи, что

дѣлать, что онъ прикажеть. Сынъ послушался и пошелъ въ указанное ему мѣсто, а мать вымазалась сажей и явилась туда сама и развратила своего сына... Черезъ девять мѣсяцевъ родила она

во времея половодья, когда течеи Вишеры еще стремительне, они теряли равновесие и опрокидывались въ пынящийся потокъ, гдѣ и находили себѣ смерть. Малѣшее невѣрное движение шестомъ на переборахъ, можетъ имѣть весьма плачевныя послѣдствія и, вообще, лодки эти, при перемѣщении центра тяжести, обыкновенно переворачиваются.

И вотъ, такія душегубки являлись единственнымъ средствомъ передвиженія по Вишерѣ и онѣ же служили при рыбной ловлѣ.

Въ бассейнѣ рѣки Вишеры водится, главнымъ образомъ, одинъ сортъ рыбы — харіузъ, достигающій иногда вѣсу до трехъ фунтовъ. Кромѣ харіузовъ, въ небольшомъ количествѣ водятся налимы и лени; кромѣ того, масса мелкой рыбешки, извѣстной здѣсь подъ именемъ «вандышей», которые въ громадномъ количествѣ держатся около берега рѣки.

Рыболовный сезонъ начинался обыкновенно съ 1 июля и кончался при заморозкахъ. Прежде, чѣмъ начать ловлю, вишеры составляли артель, человѣкъ въ 20, въ составѣ еї входили женщины и дѣвушки. Артели составлялись произвольно, иногда сковаривались жители разныхъ деревень. Передъ выступленіемъ на ловлю готовились сухари и хлѣбъ, а изъ кухонной посуды захватывали съ собой, главнымъ образомъ, котелокъ; чаю тогда не знали и въ чайникахъ нужды не было. Затѣмъ, когда все было готово, припасы и рыболовные спаси складывались въ лодки, прикрывались сверху отъ дождя берестой и артель, лодкахъ на 15—20, съ молитвой пускалась въ верхъ по Вишерѣ. Забирались, обыкновенно, въ самыя ея верховья, а по пути, въ извѣстныхъ мѣстахъ, производили ловъ рыбы. Ловили двумя способами: сырпами и неводами. Сырпъ представляетъ изъ себя громадный сакъ, въ длину до 3 саженъ, концами прикрепленный къ двумъ длиннымъ шестамъ. Для ловли сырпомъ требуется 10—15 лодокъ; сначала выѣзжаютъ на двухъ лодкахъ и рыболовы въ нихъ втыкаютъ шесты сырпа въ дно и

громадное яйко и вѣлья сыну выстрѣлить въ него изъ лука. Сырпъ пустилъ стрѣлу, яйко лопнуло и высыпалось изъ него великое множество какихъ-то уродцевъ быстро разбѣжавшихся по

держать ихъ между лодками, перегораживалъ, такимъ образомъ, рѣку. Остальные же лодки поднимаются въ верхъ по рѣкѣ и саженахъ въ ста отъ сырпа раздѣляются на два крыла и рыбаки начинаютъ колотить воду шестами и кричать, спускаясь въ то же время до сырпа. Харіузы, испуганные шумомъ, бросаются въ низъ по рѣкѣ и попадаютъ въ сырпъ, который, затѣмъ, осторожно вытаскиваютъ въ лодку. Ночной ловъ сырпами производился нѣсколько иначе, чѣмъ дневной, да и сырпы для ночного лова меньше и называются «сырпиками»; этотъ способъ ловли требовалъ всего двѣ лодки, между которыми растягивалась сѣть сырпа и шесты не втыкались въ дно, а лодка свободно плыла по теченію; харіузы сами натыкались въ темнотѣ на сѣть.

Для ловли неводомъ выбиралось тихое плесо, по большей части идущее за переборомъ, и по этому плесу полукругомъ закидывали его, причемъ концы невода приходились на берегу и за нихъ тихонько тянули всю снасть къ себѣ на берегъ.

Въ дневной сырпъ иногда заразъ попадало до $1\frac{1}{2}$ пудовъ харіузовъ, а въ неводѣ случалось и по 20 пудовъ.

Покончивъ ловлю, рыбаки приставали къ берегу, устраивали шалашъ, разводили огни, сушились, приготовляли себѣ обѣдъ, чистили пойманную рыбу. Для вычищенной рыбы они дѣлали изъ кедровъ бочки и оставляли ихъ въ кустахъ, а на обратномъ пути захватывали съ собой.

За весь рыболовный сезонъ на каждого рыбака, въ среднемъ количествѣ, приходилось отъ 15 до 25 п. рыбы.

Рыбачили, такимъ образомъ, не по одной только Вишерѣ, но и по ея притокамъ: Велсу, Улсу, Кутиму и др.

Охота у вишерцевъ производилась два раза въ году — весной и осенью. Предметы охоты изъ звѣрей составляли: лоси, медведи, соболи, куницы, бѣлки, росомахи, горностаи; изъ птицъ же, главнымъ образомъ, рабчики.

Около Покрова дня, передъ тѣмъ, какъ льды скуютъ стремительное теченіе Виш-

ерской стороны... Вотъ отъ этихъ-то поганыхъ существъ и произошелъ чудской народъ, живший на подобіе дикихъ звѣрей.

ры, охотники составляли артели, на этот разь меньшія, чѣмъ при рыболовствѣ: въ охотничью артель входило человѣкъ шесть, а иногда и всего двое; женщины, конечно, отсутствовали. Снова заготовлялись припасы, главнымъ образомъ, черные сухари, масло, крупы. Починивались лыжи, ружья, одежда и когда все было готово, въ лодкахъ поднимались къ верховьямъ рекъ, до куда только можно было пробраться. Къ тому времени нападалъ снѣгъ и охотники, въ сопровожденіи собакъ, на лыжахъ переваливали Уралъ и начинали свою охоту. Припасы и снаряды имъ приходилось тащить за собой на длинныхъ и узкихъ санкахъ, носящихъ название «нарты». Въ нарты багажу накладывалось до 8 пудовъ.

Въ лѣсу, въ извѣстныхъ мѣстахъ, они строили балаганы и начинали охотиться. Осенью больше всего стрѣляли рабчика бѣлку и пушину. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода не замерзала и тамъ водились выдры, которыхъ охотники старались подкараулить. Самая трудная охота въ осенний сезонъ была на соболя; его выслѣживали и ставили тенета.

Осенью не забирались далеко въ горы и ограничивались большей частью лѣсами долинъ, главнымъ пристанищемъ рабчика и бѣлки. Къ 6 декабря старались возвратиться въ свои деревни и осенний промыселъ заканчивался. Въ среднемъ количество осенний промыселъ давалъ на каждого охотника: рабчиковъ 100—150 паръ, пушини 3 пары, бѣлки 100—300 шт.

По возвращеніи домой вишерцы занимались своимъ несложнымъ хозяйствомъ: молотили хлѣбъ, мололи его, щедили за сѣномъ и вообще исправляли разную работу около дома.

Въ февралѣ же мѣсяцѣ готовились къ самой серьезной и трудной охотѣ на лосей, оленей и медведей. Опять начинались сборы и по окончаніи ихъ на лошадяхъ отправлялись въ путь. Были опять же рѣкой, где снѣгъ не такъ глубокъ и старались добраться до оставленныхъ осенью лодокъ. Иногда вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ имъ сдѣлать этого не удавалось и они принуждены были оставлять лошадей, а сами на лыжахъ продолжать дальний путь, водоча за собой тяжело нагруженныя нарты.

Къ концу зимы снѣга на восточномъ

склонѣ Урала бываютъ гораздо глубже, чѣмъ на западномъ. Лоси и олени перекочевываютъ тогда на сторону болѣе мелкихъ снѣговъ и вишерские охотники, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, начинали свою охоту. На лыжахъ, при помощи собакъ, они разыскивали звѣрей по слѣдамъ и старались открыть ихъ присутствіе. Лоси, при видѣ охотника, стремительно бѣгутъ отъ него. Начинается погоня. Трудно приходится звѣрю: ноги проваливаются въ снѣгу, разъяренные собаки кусаютъ его; онъ нарягаетъ всѣ свои силы и все свое спасеніе видеть въ быстромъ бѣгѣ. А за нимъ скользить на своихъ лыжахъ Немвродъ чердынскихъ лѣсовъ—охотникъ-вишерецъ. Несмотря на страшный морозъ — жарко ему. Онъ на бѣгу скидываетъ съ себя свой «лузанъ», бросаетъ его на снѣгъ и мчится все впередъ и впередъ за убѣгающимъ звѣремъ. Сорокъ градусовъ морозу, а потъ струится по лицу охотника, онъ весь мокрощенекъ отъ поту; опять на бѣгу растегиваетъ онъ свою «гуню» и въ снѣгъ ее; туда же летить мѣховая шапка; охотникъ мчится въ одной рубашкѣ. Пульсъ усиленно бѣтъся, съ трудомъ переводится дыханіе; еще немного и преслѣдованіе становится невозможнымъ... Но и звѣрь утомился страшно, собаки еще яростнѣе одолѣваютъ его, разстояніе между нимъ и охотникомъ уменьшается. Выстрѣль. Какъ вкопанный останавливается звѣрь, валится на снѣгъ и бѣтъся въ предсмертной агоніи. Подбѣгаешь къ нему охотникъ и отъ усталости валится на свою добычу. Морозъ сразу леденитъ его мокрую рубашку и она дѣлается твердой, какъ кора. Но для же лѣзной натуры вишерца-охотника это пустяки. Вскорѣ къ нему подбѣгаешь его товарищъ, подобравшій на пути сброшенныя принадлежности туалета и охотникъ имѣть возможность вновь согрѣться.

Убитаго лося или оленя, конечно, не мыслимо сразу доставить до временнаго кочевья охотниковъ и они его разрѣзали, обыкновенно, на 12 частей. Затѣмъ, возвозвращались къ своимъ становищамъ за нартами и при помощи ихъ перетаскивали свою добычу иногда за громадныя разстоянія. Трудна была эта перевозка, тѣмъ болѣе, что приходилось тащить тяжелыя нарты черезъ крутыя горы и черезъ лѣса.

Но все преодолевали вишреские молодцы и часто съ восточного склона, куда убегалъ преслѣдуемый лось отъ охотника, его приходилось перетаскивать на западный.

Около становьевъ охотники устраивали, такъ называемые, «лабазы», это—помѣщенія на высокихъ столбахъ; въ эти помѣщенія клали шкуры и мясо добытыгъ звѣрей. На одномъ мѣстѣ охотники жили недолго; по охотившись въ окрестностяхъ стана, направлялись дальше къ сѣверо востоку. Такимъ образомъ, добыча ихъ оказывалась разбросанной въ разныхъ мѣстахъ. Къ концу охоты (въ серединѣ марта) предстояла трудная работа: изъ лабазовъ доставить добычу къ верховьямъ рѣкъ, гдѣ были оставлены лодки въ осеннюю охоту. Опять вишерцы запрягались въ нарты и тащили за 100—150 verstъ свою добычу по частямъ къ лодкамъ. Здѣсь для мяса и шкуръ устраивали особое помѣщеніе—«чамью», состоящую изъ деревянного сруба дливою около сажени, шириной аршина два и высотою сажень. Срубы эти ставились прямо на землю и въ нихъ, какъ въ ящики, клали мясо; сверху прикрывали чамью въ защиту отъ хищниковъ толстыми плахами.

Кромѣ оленей и лосей зимой добывали немного пушнины, россомахъ, рысей и медведей. Но охота на послѣднихъ носила случайный характеръ. Обыкновенно гдѣ нибудь въ лѣсной трущобѣ встрѣчали берлогу (которую легко отличить по закурже вѣвшему отъ дыханія звѣря снѣгу); охотники всякими способами тревожили сонного Мишку и заставляли его вылезать на свѣтъ Божій, гдѣ и кончали съ нимъ.

Нерѣдко у вишерцевъ, во время ихъ охотничихъ экскурсій, происходили встрѣчи съ вогулами и остиками, кочующими въ камняхъ Урала. Встрѣчи эти носили всегда мирный характеръ и даже доставляли выгоды обѣимъ сторонамъ. Такъ какъ нерѣдко дикарь и вишерецъ соединялись вмѣстѣ для охоты на сохатыхъ. Дикари—прекрасные охотники и всегда давали вишерцамъ указанія относительно нахожденія лосей. Бывали случаи, что вишерцы, во время жестокихъ мятелей, находили себѣ пріютъ и спасеніе въ чумахъ кочевниковъ. Болѣе нежелательны для вишерцевъ были встречи съ русскими охотниками вер-

хутурского уѣзда, тѣмъ болѣе, что вишерцы частенько забирались въ районъ своихъ сосѣдей и тѣ требовали съ нихъ половину добычи, причемъ, иногда происходили серьезныя столкновенія.

Къ концу апрѣля вся добыча вишерцевъ доставлялась къ верховьямъ Вишеры или ея притоковъ. На лодки весь грузъ не помѣщался и охотники заранѣе устраивали себѣ плоты изъ бревенъ. Лѣсу кругомъ было множество и недостатка въ материалѣ не представлялось. Вмѣстѣ съ весеннимъ лѣдомъ плыли и охотники, на сооруженныхъ ими плотахъ, къ своимъ пенатамъ. Къ Николину дню (9 мая) вся оказывалась дома и охота прекращалась до осени.

Весенний промыселъ давалъ въ среднемъ количествѣ на каждого охотника: лосей—3—5 штукъ, медведей— $1/2$ —1 шт., пушнины—2 пары, рысей—1—2 шт., оленей—3—5 шт.

Мясо сохатыхъ и оленей въ большинствѣ случаевъ солилось и истреблялось самими обитателями Вишеры, а шкуры звѣрей сдавались чердынскимъ купцамъ, отъ которыхъ вишерцы получали, въ свою очередь, охотничіе припасы и хлѣбъ. Обыкновенно мелкие чердынскіе торговцы самиѣздили на Вишеру для обмѣна товаровъ, а крупные фирмы съ этой цѣлью посылали довѣренныхъ лицъ. Въ тѣ времена рѣдко Чердынь видала лузанъ вишерца на своихъ улицахъ, а еще того рѣже появлялись на Колвѣ вишерскія «душегубки». Вишерцы жили своей самобытной жизнью и многіе изъ нихъ, особенно изъ дальнихъ деревень, и попутія не имѣли о городской жизни. Да и въ продуктахъ цивилизации, за исключениемъ боевыхъ припасовъ, они не имѣли никакой нужды. Одежду себѣ они приготавливали изъ самодѣльныхъ тканей, материаломъ для которыхъ служилъ ленъ и шерсть съ овецъ. Большинство тканей окрашивалось кубовой краской въ синій цветъ. Обувь тоже была самодѣльная; материалъ для нея давали шкуры лосей и оленей; дѣлались на подобіе котовъ, къ нимъ пришивались голенища вершковъ въ шесть и такая обувь, на мѣстномъ языке «порубни», прекрасно служила своему назначенію. Для зимнихъ охотъ шили «пры» изъ шкуры оленя. Пры напоминали лапти и были незамѣтны при гонь-

бѣ за лосиами на лыжахъ. Основную же одежду вишерцевъ составлялъ «лузанъ», онъ служилъ и зимой и лѣтомъ. Лузанъ шился изъ самодѣльного сукна изъ овечьей шерсти и представлялъ изъ себя полотенце (съ поперечными черными и бѣлыми полосами). ширина которого подгонялась къ ширинѣ плечъ охотника, а длина око ло трехъ аршинъ. Эта кусокъ сукна съ исподу подшивался толстымъ холстомъ, а въ серединѣ его дѣлалось отверстіе для головы; лузанъ подпоясывался поясомъ и за пазуху вишерецъ клали разные припасы иногда до пуда въсомъ.

Для чердынскихъ торговцевъ было весь ма выгодно имѣть дѣло съ вишерцами, но сношенія затруднялись плохими путями сообщенія, а главное тѣмъ обстоятельствомъ, что купцы должны были сами доставлять для своихъ задатчиковъ хлѣбъ и припасы.

Въ сороковыхъ годахъ среди вишерцевъ явился свой торговый человѣкъ, уроженецъ деревни Колчима, нѣкто Терентій Б-въ. Смѣтливый и бойкий мужикъ, съ задатками заправского кулака, онъ сообразилъ, какъ выгодно явиться ему посредникомъ между чердынскими торговцами и вишерцами. Началь онъ помаленьку скучать у вишерцевъ шкуры и сдавать ихъ чердынцамъ. Обороты его торговли увеличивались все болѣе и болѣе и кончились тѣмъ, что купцы перестали показываться на Вишерѣ, имѣя дѣло исключительно съ однимъ Б., который въ концѣ концовъ закабанилъ въ съ вишерской край и получилъ название «вишерского князя». Не добрую память оставилъ по себѣ Б. Тѣмъ больше росло его благосостояніе тѣмъ жаднѣе становился онъ и тѣмъ сильнѣе притѣснялъ своихъ земляковъ-задатчиковъ. Вишерцы почти уже не показывались въ Чердынь, имѣя дѣло со своимъ кулакомъ, которому должны были сдавать всю добычу и получать взамѣнъ припасы, качество и количество которыхъ зависѣло отъ воли «князя». Страшная бѣда грозила тому дерзкому охотнику, который возмущался несправедливостью Б. и осмѣшивался самъ доставлять свои продукты чердынскимъ купцамъ.

— Я тебя прижду, подлеца! обыкновенно говорилъ Б. И, дѣйствительно, «прижи-

далъ» удобный случай и тогда былъ безпощаденъ. Всѣ вишерцы должны были исполнять у него домашнія работы безъ всякой платы.

— Привезешь этому живодеру,—разсказываютъ старики-вишерцы.—рыбу, али шкуры, али мясо и ждешь. колды тебя допустятъ до него. И нолды по недѣльѣ живешь даромъ: все не принимать—некогда, говорить. А какое тутъ некогда, такъ нздравъ свой показывать. Заставить работить на своемъ сѣнокосѣ, ну, и робишь, хоща дома своя работа приспѣла. А принимать зачнетъ—каку цѣну назначить, ты и не прекословь. Жестокій былъ человѣкъ. А около господь страсть какой былъ добродѣтельный и господа его руку держали. Гащивали у него въ хоромахъ большие ба ре, самъ исправникъ бываль. А на кого осердятсяшибко и въ солдаты сдастъ не въ очередь, потому съ господами компанию вель.

Дѣти Б. продолжали дѣло отца и оказались такими же кулаками. Въ настоящее время фамилія эта въ мужскомъ колѣнѣ вся вымерла и объ имени Б. въ памяти вишерцевъ остались одни тяжелыя воспоминанія.

Кромѣ охоты и рыболовства, вишерцы еще имѣли заработки и на лѣсномъ промыслѣ. Раньше, до заводовъ, лѣсопромышленники заготовляли лѣсъ строевой и для солеваренныхъ заводовъ на Вишерѣ, чѣмъ доставляли обитателямъ этого края небольшой заработка. Обыкновенно лѣса рубились зимой, а къ веснѣ доставлялись до сплавныхъ рѣкъ и соединялись въ плоты, которые крестьяне обязывали быть выгонять большей частью до Усолья. Но частенько плоты, особенно дровяные, разбивались, и тогда крестьянинъ лишался всего заработка, такъ какъ большая часть денегъ имѣть выдавалась по доставкѣ лѣса.

Въ числѣ продуктовъ, добываемыхъ вишерцами, надо упомянуть и про кедровые орѣхи. Въ урожайные годы на долю каждого сборщика приходилось 10—15 пудовъ орѣховъ. Къ сожалѣнію, крестьяне для сбора ихъ рубили столѣтніе кедры и обирали шишки на землѣ. Вообще къ лѣсу сѣверные жители относятся безпощадно. По ихъ понятіямъ, разъ Богъ паса-

диль деревья, Онь же ихъ и выростить, а потому руби и жги сколько угодно.

Вишерцы до заводовъ отличались замѣчательной честностью и чистотой нравовъ. На всей Вишерѣ тогда и понятія не имѣли о замкахъ, такъ какъ воровства не было и въ поминѣ. Можно было съ спокойнымъ сердцемъ оставить на ночь безъ караула нагруженный возъ и къ утру все оказывалось въ цѣлости. Украсть у своего ближняго для вишерцевъ представлялось чѣмъ то несуразнымъ, дикимъ. Честность ихъ простидалась до того, что во время охоты, забредя въ чужую охотничью избушку, они оставляли тамъ деньги за истребленные припасы, а въ каждой избушкѣ всякий охотникъ оставлялъ крупу.

соль, сухари... Вишерцы отличались такъ же и гостепріимствомъ; правда, они были дики и суровы на видъ, какъ и ихъ природа, но подъ этой оболочкой скрывалась нешодкунная честность и радушіе. Раскольниковъ на всей Вишерѣ не было ни одного человѣка, потому и нравы ихъ были строги, не то что у ихъ со-сѣдей — колвиццевъ, гдѣ раскольѣ внесъ жизнь обитателей страшную распущенность ..

И вотъ въ этомъ дикомъ краѣ неожиданно развилось горное дѣло и вишерцы, неподготовленные и ошеломленные, оказались перенесенными въ обстановку, чуждую ихъ характеру, понятіямъ и образу жизни...

II.

Развитіе горнаго дѣла.

«Берегись! сказалъ Казбеку Сѣдовласый Шать,
Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онь настроитъ дымныхъ келей
По уступамъ горъ,
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загнемитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Brѣжеть страшный путь»...

Лермонтовъ.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда чердынскій уѣздъ былъ объявленъ открытымъ для частной золотопромышленности, сюда нахлынула масса людей, жаждущихъ легкой наживы. Всѣ почему-то были уверены, что эта часть Урала представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ Эльдорадо, гдѣ золото валяется чуть не на поверхности. Но на первыхъ-же шагахъ рыцарей легкой наживы ожидали горькія разочарованія. Отдаленность края, отсутствие путей сообщенія и опытныхъ рабочихъ — все это мало способствовало развитію золотого дѣла въ чердынскомъ Уралѣ. Большинство золотоискателей больше закопало своего золота, нежели нашло его. Немногимъ счастливцамъ удалось ваткнуться на богатыя розсыпи. Самое содержательное золото оказа-

лось по рѣчкѣ Сайменѣ, притокѣ р. Кутима. Но описание золотопромышленности не входить въ программу настоящей гла-вы, а потому ограничусь сообщеніемъ, что въ шестидесятые годы на Вишеру начали проникать золотопромышленники и въкоторые вишерцы стали работать на золотыхъ приискахъ. Но прииски эти находились въ сторопѣ, рабочихъ требовалось немного и потому золотопромышленность мало отразилась на экономическомъ и общественномъ быту жителей вишерского края.

Въ эти годы одинъ изъ золотоискателей, пѣкто Леонидъ Поповъ, производившій шур-фовку на золото по ручейку, впадающему въ рѣку Кутимъ, въ 5 верстахъ отъ виадуна послѣдняго въ Ульсъ, случайно наткнулся на присутствіе въ этихъ мѣстахъ желѣзного блеска. Блестящій видъ этой руды, дотолѣ неизвѣстной на Уралѣ, поразилъ Попова и онъ показалъ ее въкоторымъ свѣдующимъ лицамъ; по ихъ совѣту онъ поставилъ въ той мѣстности столбы и сдѣлалъ заявку о своемъ открытии уральскому горному правленію. По тогдашнимъ законамъ Поповъ обязанъ былъ, для сохраненія за собой объявленныхъ площадей, въ теченіе года произвести разрѣдку на найденную руду и о результатахъ разрѣдки донести горному правленію. Поповъ этого не сдѣлалъ и право его на собственность

площадей рушилось. Повидимому, Поповъ не придавалъ своему открытию практическаго значенія и, увлекшись золотомъ, забылъ о желѣзномъ блескѣ. Затѣмъ, потерпѣвши на золотѣ неудачу, онъ скрывается съ чердынскаго горизонта. Слухъ же о богатой рудѣ достигъ нѣкоего Грана, довѣренного екатеринбургскихъ купцовъ Савостьяновыхъ. Черезъ два года, послѣ Чопова, Гранъ дѣлаетъ на этомъ-же мѣстѣ болѣе подробная развѣдка. Хотя коренного рудорожденія онъ не обнаружилъ, но встрѣтилъ богатые ся валуны и въ 1861 году поставилъ два столба. Во время развѣдки Гранъ держалъ при себѣ, въ качествѣ надсмотрщика надъ работами, чердынскаго мѣщанина Ивана Щеголихина. Савостьяновы открытиями своего довѣренаго не интересовались, тѣмъ болѣе, что въ это время онъ перешелъ на службу въ другое мѣсто и кутимская руда была вновь заброшена и оставлена безъ вниманія.

Въ то время на сѣверномъ Уралѣ гремѣло имя счастливаго золотопромышленника Колчина, почти сразу составившаго себѣ громадное состояніе открытиемъ богатыхъ залежей золота. Онъ велъ свое дѣло въ компаніи съ горнымъ инженеромъ Аносовымъ. Мѣщанинъ Щеголихинъ, послѣ неудачи Грана, поступилъ къ немъ на службу. Случилось это въ началѣ 70-хъ годовъ. Своимъ новымъ хозяевамъ онъ показалъ образцы кутимской руды. Аносовъ, какъ горный инженеръ, сразу обратилъ на нее вниманіе, былъ пораженъ богатствомъ руды и объявилъ объ этомъ Колчину. Было решено составить новую компанію, состоящую изъ трехъ лицъ: Колчина, Аносова и Щеголихина, а послѣднему поручено было бхать на Вишеру и сдѣлать пять заявокъ на рудной мѣстности. Въ 74 году Щеголихинъ исполнилъ данное ему порученіе, а черезъ четыре года, т. е. въ 78 году, изъ горнаго департамента компаніонамъ пришло разрѣшеніе и планы пяти рудниковъ по Кутиму, носящихъ названія: Александровскій, Ивановскій, Благодатный, Игнатьевскій и Родіоновскій. По полученіи плановъ компаніоны приступили къ дѣйствіямъ и начали производить детальныя развѣдки, давшія самые блестательные результаты. Коренное мѣсторожденіе руды было найдено и опредѣлено его простира-

ніе на пространствѣ цѣлой десятины. Количество руды оказалось настолько солидно, что безъ опасеній можно было ставить работы. Колчинъ въ то время владѣлъ капиталомъ около миллиона рублей и рѣшилъ начать постройку небольшой доменной печи, для чего и была составлена смета, а въ Петербургъ компаніоны отправили человѣка для хлопотъ передъ правительствомъ объ отводѣ лѣсовъ. Правительство къ этому начинающему дѣлу въ дикомъ и пустынномъ краѣ отнеслось сочувственно и хлопоты компаніоновъ были уважены. Оставалось только приступить къ работамъ; но и на этотъ разъ не суждено было развиться заводскому дѣлу на Вишерѣ: Колчинъ рѣшилъ почему-то прекратить всѣ свои дѣла и удалиться на покой. Его компаніоны одни не могли и думать вести заводское дѣло по недостатку средствъ. Рудники рѣшили продать. Надо замѣтить, что компаніоны владѣли имѣниями на слѣдующихъ законтрактованныхъ условіяхъ: Колчинъ не имѣлъ права продать рудники безъ согласія Аносова и Щеголихина, а эти послѣдніе могли совершилъ продажу помимо Колчина. Въ 82 г. Аносовъ умеръ, оставивъ малолѣтнихъ наследниковъ и Колчинъ съ Щеголихинымъ условились совершилъ продажу, хотя по смыслу контракта они не могли этого сдѣлать безъ согласія наследниковъ Аносова, по, въ виду несовершеннолѣтія ихъ, компаніоны рѣшили выдать имъ, неофициально, причитающуюся имъ часть.

Въ 85 году рудники возымѣль желаніе купить московскій купецъ Овсянниковъ, будущій герой скандального процесса о сожженнѣ мельницѣ. Онъ лѣтомъ прибылъ на Вишеру для осмотра площадей. Первое его посѣщеніе этого края вышло крайне неудачнымъ: въ тотъ годъ было сильное мелководіе и вишерцы въ своихъ душегубкахъ едва могли доставить до мѣста Овсянникова съ сопровождавшими его лицами. Вслѣдствіе засухъ тогда кругомъ свирѣпствовали лѣсные пожары; впечатлѣніе получилось до того удручающее, что Овсянниковъ даже не сталъ осматривать площадей и поспѣшилъ возвратился обратно. Но мысль о покупкѣ рудниковъ его не оставила и онъ въ слѣдующемъ году повторилъ свое посѣщеніе. На этотъ разъ

привѣтливо встрѣтила его Вишера. Стояли чудные лѣтніе дни и красота вищерской природы подѣйствовала самымъ ободряющимъ образомъ на московскаго негоціанта. Онъ рѣшилъ произвести пробныя работы, а также узнатъ, насколько возможенъ сплавъ руды по рѣкамъ Кутиму и Улсу. Сдѣланы были шитики и въ каждый на-грузили по 500 пудовъ руды. Руду благополучно сплавили до Вищеры, а шитики съ кладью оказалось возможнымъ поднять обратно до рудниковъ. Такимъ образомъ, благополучно разрѣшился важный вопросъ о возможности сплава. Запасъ же руды оказался довольно богатымъ, именно въ 40 миллионовъ пудовъ. Овсянниковъ, довольный результатами своихъ развѣдокъ, рѣшилъ купить дѣло и давалъ компаніонамъ 40,000 руб. Но тѣ запросили сто тысячъ. Овсянниковъ дать такую сумму не согласился и опять кутимская руда осуждена была на забвение..

Изъ этого сухого перечня фактовъ читатель наглядно можетъ убѣдиться какъ ви-ло, какъ неумѣло ведутся на Руси дѣла, требующія частной инициативы и нѣкото-раго подъема энергіи.

Быть можетъ, долгіе и долгіе еще годы кутимская руда не подверглась бы эксплуатации, но въ 1887 г. устраивается ека-теринбургская выставка и Щеголихинъ экспонируетъ тамъ свою руду. На нее обращается всеобщее вниманіе. Тутъ-то московскій купецъ Шписъ увидалъ ее и такъ какъ опять уже ранѣе мечталъ завести свое дѣло на Уралѣ, то, не мышкая долго, онъ въ то-же лѣто явился на Вищеру для осмотра рудниковъ. Онъ сразу сообразилъ, какихъ громадныхъ результатовъ можно достичь въ этомъ дѣлѣ и пріобрѣлъ его у компаніоновъ за 100 тысячъ рублей.

Человѣкъ энергіи и широкой инициативы, Шписъ дѣятельно припялся за горнозаводское дѣло. Въ ту-же зиму началась добыча руды, къ веснѣ ее доставили до деревни Усть Улстъ на Вищеру и здѣсь произвели пробный сплавъ по этой рѣкѣ. Руду, въ количествѣ 50,000 пуд., нагрузили поровну въ двѣ барки и посредствомъ ло-това сплавили сначала до рѣки Колвы, а потомъ и до Нижнаго Новгорода. Такимъ образомъ, на практикѣ убѣдились, что Ви-шера удовлетворяетъ требованіямъ сплав-

ной рѣки и Шписъ рѣшилъ тогда присту-пить къ постройкѣ первой доменной печи. Заводъ рѣшено было поставить около рудо-рожденія по р. Кутиму, въ пяти верстахъ отъ впаденія ея въ Улсъ.

Шписъ, хотя и практическій человѣкъ, допустилъ большую ошибку, поставивъ за-водъ на мѣстѣ рожденія руды, въ мѣст-ности, лишеннай сплавныхъ рѣкъ для до-ставки дровъ на заводъ. Ошибка эта яв-ляется, тѣмъ болѣе, странной, что пожары кругомъ истребили хороше лѣса и ясно было, что въ горючемъ матеріалѣ вскорѣ явится недостатокъ, могущій парализовать дальнѣйшую заводскую дѣятельность. Самымъ подходящимъ мѣстомъ для завода являлось селеніе Усть-Улстъ, куда по сплав-нымъ рѣкамъ—притокамъ Вищеры—Улсу, Кутиму, Велсу—можно доставить лѣса въ громадномъ количествѣ. Руду-же можно было, какъ то доказалъ опытъ Овсяннико-ва, доставлять по Улсу до Вищеры. Ошибка эта дала вскорѣ себѣ почувствство-вать: лѣса въ окрестностяхъ вскорѣ были истреблены и пришлоось ихъ доставлять на лошадяхъ за большія разстоянія...

Постройка домны была вскорѣ окончена и 19-го мая 1890 года состоялся первый выпускъ чугуна изъ первой доменной печи въ вищерскомъ краѣ.

Расходы по устройству завода потребо-вали со стороны Шписа затраты всего ка-питала, которымъ онъ могъ располагать и Шписъ оказался въ весьма затруднитель-номъ положеніи. Оставался одинъ исходъ—приискать богатыхъ компаніоновъ. Кромѣ того, онъ не зналъ объ условіи, какое было заключено между Аносовымъ, Колчи-нымъ и Щеголихинымъ относительно права продажи рудниковъ. Наслѣдники умершаго Аносова къ этому времени достигли совер-шенномѣтія и подали на Шписа искъ. По-ложение его сдѣгалось весьма критиче-скимъ... Въ Москвѣ ему удалось войти въ соглашеніе съ двумя тамошними тузами относительно составленія компаніи. Тузы въ качествѣ эксперта пригласили вѣко-го Г., поручивъ ему осмотрѣть заводъ и со-ставить отчетъ о положеніи дѣла. Г., имѣвшій въ то время самъ небольшой гвоздедѣлательный заводъ и человѣкъ весь-ма свѣдующій въ заводскомъ дѣлѣ, не за-медлилъ прибыть на Кутимъ. Здѣсь, въ

административномъ отношенииі, онъ засталъ большиe непорядки, особенно хромала бухгалтерія. Компанионы ассигновали сумму на поставовку правильной отчетности и послали опытного бухгалтера. Г. поразила также не подходящая мѣстность для завода по причинамъ, изложеннымъ выше. Направивъ бухгалтерію, онъ вернулся въ Москву.

У Шписа въ это время въ качествѣ развѣдчика рудорожденій служилъ пѣкто N, человѣкъ, вся жизнь которого прошла на Уралѣ въ службѣ горному дѣлу. Его также засадили за отчетность. Привыкши больше находиться въ лѣсу, N былъ крайне не доволенъ такимъ обертомъ дѣла и у него вышло серьезное столкновеніе съ хозяиномъ; онъ даже вынужденъ былъ оставить службу у Шписа. Объ этомъ узналъ Г. и сообразилъ, что такого слу-чая упустить не слѣдуетъ. Онъ немедленно телеграфировалъ N, чтобы тотъ явился въ Москву для переговоровъ. Въ Москвѣ Г. заключилъ съ N условіе, по которому тотъ долженъ дѣлать по Вишерѣ развѣдки на руду и ставить столбы. А такъ какъ Г. французъ, то развѣдки рѣшили дѣлать на имя нѣкоего Клейста. По возвращеніи на Вишеру N составилъ партію изъ опытныхъ уральскихъ развѣдчиковъ и принялъся за поиски рудъ, неимовѣрное количество которой облегчило его задачу.

Вполнѣ понятно негодованіе Шписа при такомъ маневрѣ со стороны Г... И онъ пустилъ въ ходъ всѣ средства, какія считаются съ точки зрењія горнозаводской этики дозволительными, чтобы только подорвать кредитъ неожиданнаго конкурента. Чердынскому купечеству, у котораго происходилъ заборъ припасовъ для N-ской партіи, было внушено, что Г. простой авантюристъ, человѣкъ безъ всякихъ средствъ, ведущій дѣла на-авось. Но N, человѣкъ энергичный и опытный, продолжалъ дѣйствовать очень успешно. Онъ, во-первыхъ, научилъ нѣкоторыхъ вишерцевъ какъ слѣдуетъ замѣтать рудныя мѣста, какъ распознавать руду, а главное, внушилъ имъ такое довѣріе, что они несли ему показывать всякий замѣтительный камушекъ. За открытие руды онъ платилъ имъ хорошия деньги и разжигалъ ихъ аппетиты. Тогда-то были открыты: Юбрышки,

Чувалъ, Шудья, богатства которыхъ поразительны. Такой успѣхъ вскружилъ всѣмъ головы и на Вишерѣ началась знаменитая «желѣзная горячка». Не говоря о томъ, что почти всѣ вишерцы бросили свои дѣла и сдѣлались рудоискателями,—сюда нахлынула толпа постороннихъ лицъ, мечтавшихъ объ открытияхъ въ родѣ Юбрышки. Рудоискателями сдѣлались совершенные профаны въ этомъ дѣлѣ. Сдѣланы были сотни заявокъ и вся Вишера обставилась заявочными столбами... Но достигнувъ своей кульминаціонной точки, «желѣзная горячка» начала быстро остывать и напрасные поиски большинства лицъ охладили и другихъ. Г. захватилъ въ свои руки всѣ важныя заявки и оказался единственнымъ хозяиномъ ихъ. Всего больше его вниманіе привлекла гора Юбрышка, гдѣ залеганіемагнитнаго желѣзника оказалось громадно и запасъ руды можно считать сотнями миллионовъ пудовъ. Магнитный желѣзникъ въ этой горѣ, возвышающейся надъ уровнемъ Велса на 300 саженъ, идетъ пластами отъ 1,5 до 6 саженъ толщины, хотя достоинство руды неособенно высоко, не свыше 45%, такъ какъ руда эта представляетъ изъ себя вкрапленность гнѣздъмагнитнаго желѣзника въ габбро. Но положеніе Юбрышки между Велсомъ и Вишерой удобно для постройки завода. Кроме того, недалеко отъ Юбрышки, въ 9 verstахъ, обнаружены прекрасныя руды бураго желѣзника съ содержаніемъ желѣза свыше 50%.

Всѣ эти обстоятельства утвердили Г. въ мысли построить заводъ именно при устьѣ Велса, или на Вишерѣ, недалеко отъ Юбрышки. Г. самъ не обладалъ достаточнымъ для такого дѣла капиталомъ, и вступилъ въ компанию съ русскими ногоціантами—Морозовымъ и Крестовниковымъ. Начались подготовительныя работы для постройки Велсинскаго завода. Тутъ пришлось счи-таться съ громадными затрудненіями отъ недостатка рабочихъ рукъ. Вишерцы были неспособны къ такимъ работамъ, а пришли рабочие находили себѣ заработокъ на заводѣ Шписа. Пришлось дѣлать вызовъ рабочихъ изъ другихъ губерній и платить имъ двойныя деньги. Но все-же у подножия Юбрышки со стороны р. Велса былъ выстроенъ цѣлый поселокъ, къ рѣкѣ про-

ведена прекрасная дорога, произведена осушка болотъ. Работы эти обошлись очень дорого, а потому, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, оказалось, что заводъ нужно ставить на другомъ мѣстѣ, именно на Вишерѣ, въ уроціщѣ, носящемъ название „Бѣлыя Мхи“. Такимъ образомъ, громадны затраты и работы оказались совершенно непроизводительными. Начали снова строиться на «Бѣлыхъ Мхахъ»... Но русские компании испугались дальнѣйшихъ расходовъ и у нихъ вышла крупная размолвка съ Г., грозившая дойти до суда. Но дѣло покончили домашнимъ способомъ и компания распалась. Г. снова остался единственнымъ владѣльцемъ рудниковъ...

Такъ отзвѣло, не успѣвши расцѣсть, «Общество привишерскихъ горныхъ заводовъ»...

Шпісъ, между тѣмъ, продолжалъ свое дѣло. Въ 1895 году онъ пустилъ въ дѣятельность вторую доменную печь, при которой была установлена отдельная горизонтальная двуцилиндровая паровая воздуходувная машина въ 160 силъ, съ двумя котлами, съ двумя воздухонагрѣвателыми аппаратами и рудодробилкой. Обѣ доменныхъ печи даютъ въ сутки свыше 3,000 пудовъ чугуна. Въ то же время увеличивалось и заводское населеніе; на Кутимъ уже насчитывалось 50 домовъ, не считая заводскихъ строеній. Отъ завода до рѣки Вишеры была устроена конная желѣзная дорога, на протяженіи 35 верстъ. Но, въ общемъ, дѣла Шпісашли далеко не близительно; главное затрудненіе представляло вопросъ транспортный.

Оставленный компаніонами Г. убѣдился, что среди русскихъ капиталистовъ онъ не найдетъ поддержки замышляемому предпріятію, а потому отправился во Францію проагандировать свое дѣло. Тамъ онъ нашелъ людей болѣе энергичныхъ и не боящихся приложить трудъ и капиталы на такое многообѣщающее предпріятіе. И вотъ въ Парижѣ составилось общество для эксплоатации вишерскихъ богатствъ. Общество образовалось на акціяхъ и получило официальное название «Вишерско-волжское акціонерное общество металлургическихъ заводовъ». Русское правительство отнеслось къ нему сочувственно и, благодаря хлопотамъ Г., отпускъ лѣса для новыхъ заво-

довъ былъ облегченъ и дѣятельность ихъ была пріурочена къ положенію посессіонныхъ заводовъ на Уралѣ, что, конечно, на первыхъ-же шагахъ значительно упростило и удешевило постановку дѣла. Основной капиталъ общества составляетъ 18 миллионовъ рублей, раздѣленныхъ на три выпуска.

Кромѣ Вишеры рѣшено построить сталелитейный заводъ на Волгѣ, около Казани, куда желѣзо будетъ доставляться съ вишерскихъ заводовъ.

Шпісъ, понятно, не могъ бы выдержать такой конкуренціи, а потому онъ продалъ свой кутимскій заводъ французы за 2.100,000 рублей; изъ этой суммы онъ 500,000 рублей получилъ за имѣющейся на лицо миллионъ пудовъ чугуна. Такимъ образомъ, французское общество оказалось полновластнымъ распорядителемъ всего вишерского края и его богатствъ.

Первымъ долгомъ французы начали прискивать мѣсто, где можно было бы поставить новый обширный заводъ, по возможности въ низовьяхъ Вишеры, чтобы захватить побольше сплавныхъ притоковъ, по которымъ сплавъ лѣса не имѣлъ бы препятствій.

По ихъ соображеніямъ такимъ условіямъ удовлетворяла мѣстность при устьѣ рѣки Вижайхи, противъ деревни Бахарей, отъ Чердыни по прямому направлению въ 28 верстахъ. Тотчасъ же начались дѣятельные работы и постройка завода быстро подвигается.

Теперь невольно является вопросъ: какъ отнеслись къ условіямъ новой жизни и какъ она отразилась на аборигенахъ вишерского края? Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, я предлагаю вамъ, читатель, пропутешествовать вмѣстѣ со мной по вишерскому краю и взглянуть воочию на ту картину, какую въ настоящее время представляетъ этотъ край. Путешествіе будетъ не изъ легкихъ и намъ предвидятся всевозможны затрудненія. Но пусть насы не устрашитъ — ни перспектива возможной голодовки, ни встрѣча съ лѣсными звѣрями, ни быстрота Вишеры, и что́́ всего опаснѣе, не устрашимся подозрѣнія, что принадлежимъ къ числу корреспондентовъ, этихъ вреднѣйшихъ микробовъ современной жизни... Итакъ — руку, читатель, и въ путь!

III.

На пароходѣ.

Пароходъ тронулся и мимо насть замелькали берега пустынной рѣки съ признаками пробуждающейся здѣсь жизни.

Изъ дневника туриста.

На землю спускались сумерки, тѣ майские сѣверные сумерки которые являются предшественниками бѣлой ночи. Я ѿхалъ чистенькими улицами Чердыни, этой древней столицы Біарміи, а нынѣ просто уѣзднаго города пермской губерніи. Онъ былъ видѣнъ весь, какъ на ладони. Съ юга онъ замыкался тюрьмой, съ сѣвера кладбищемъ съ запада небольшой полоской полей, а дальше темнымъ лѣсомъ, съ восточной же стороны рѣка Колва тихо катила свои воды. Несмотря на довольно еще раннюю пору, на улицахъ не было замѣтно никакого признака жизни. Ворота купеческихъ домовъ были заперты крѣпкими засовами, а изъ дворовъ, при малѣшемъ шорохѣ, раздавался хриплый лай цѣпныхъ собакъ. Съ улицы видно, что во всѣхъ углахъ домовъ благочестивыхъ обитателей Чердыни горѣли лампадки, свѣтъ которыхъ расплывался въ сумеркахъ бѣлой ночи. Среди этой торжественной тишины какимъ-то диссонансомъ раздавались звуки духовой музыки, несущіеся изъ самаго центра города. Жиденькій оркестръ старался исполнить какую то польку, а раздраженные псы, въ болѣе чувствительныхъ мѣстахъ, аккомпанировали ей протяжнымъ завыва- ниемъ.

— И выдумаютъ-же эти баре, чтобы имъ пусто было, по начамъ на музыкѣ на-яривать, добрымъ людямъ спать не даютъ! сердито промолвилъ мой ямщикъ и даже плонулъ въ сторону. Онъ, видимо, не понималъ духовой музыки и не понималъ того, что она составляетъ гордость мѣстныхъ клубистовъ...

Я мысленно перенесся въ садъ, гдѣ теперь происходитъ „гулянье“. Тамъ на про-стѣнѣстѣ пѣсколькихъ квадратныхъ са-женъ интеллигентный или, вѣрѣе, бюро-кратическій элементъ общества съ созна-ніемъ собственного достоинства прогули-вается по аллеямъ. Шесть человѣкъ до-мо-рошенныхъ музыкантовъ напрягаютъ всѣ

усилія, чтобы угодить господамъ. Для под-крѣпленія силъ своихъ они частенько при-бѣгаютъ къ возліяніямъ и часамъ къ 12 становятся неспособными издать никакихъ звуковъ и „гулянье“ заканчивается. Болѣе важные бюрократы удаляются въ клуб-ное помѣщеніе и здѣсь, за винтомъ, глу-бокомысленно проводятъ время до утра. Есть и буфетъ, но, вирочемъ, читатель эти «родныя» картички такъ хорошо из-вѣстны, что всего лучше не останавливаться на нихъ, а продолжать начатое по-вѣтствованіе.

Сопровождаемый звуками польки, я про-ѣхалъ улицы и приблизился къ спуску на Колву. Съ высоты холмистаго берега передо мной развернулся настоящій сѣверный пей-зажъ, во всей его дикой красотѣ. Внизу, прихотливо извиваясь, текла Колва; за ней шли луга, среди которыхъ, подобно ку-скамъ зеркала, блестѣли озера; дальше шелъ темный, хвойный лѣсъ до самой ли-нии горизонта; а тамъ, гордо поднявшись кверху, высился отрогъ Урала — Полюдовъ камень, синій, синій при свѣтѣ бѣлой ночи... Какъ уроженецъ сѣвера, я люблю нашу сѣверную, суровую въ своемъ одно-образіи, природу. Не блеститъ она оби-ліемъ красокъ, не подавляетъ богатствомъ ландшафта, но за то все въ ней такъ спокойно, такъ величаво - безпредѣльно; тутъ чутся несокрушимая сила и невольно передается она человѣку, кладется въ осно-ву характера сѣверянина, помогая ему вести тяжелую борьбу за существованіе...

Пристань оказалась болѣе оживленной, чѣмъ сонный городъ. У Ржевинской пристани стоялъ одинъ изъ пассажирскихъ пароходовъ, совершающихъ рейсы между Чердынью и Пермью. Электричество рабо-тало и изъ окопъ освѣщенной рубки вы-рывались на свѣжій воздухъ голоса и слы-шался порою звонъ стекла; тамъ иѣкото-рые изъ чердынцевъ, рѣшивши «провести эту ночь веселѣй», выпивали и закусывали къ великому неудовольствію заспаннаго офиціанта.

Конторка французскихъ заводовъ оказа-лась тутъ-же по близости. Небольшой чистенький пароходикъ «Василій», состав-ляющій собственность Василія Васильевича Черныхъ, разводилъ пары и готовился къ путешествію на Вишеру. Шла дѣятельная

нагрузка товаровъ. Кладъ была всевозможныхъ родовъ, особенно много какихъ то желѣзныхъ трубъ, очевидно для заводской надобности. «Василій» поведѣть за собой двѣ баржи съ заводскими товарами и небольшой шитикъ золотопромышленника Алина съ сѣйствными припасами на присткъ. Уже по одному этому можно было судить о томъ оживленіи, какое теперь царить на Вишерѣ. Капитанъ, огъ же и хозяинъ, сообщилъ мнѣ, что его пароходъ совершаеть теперь рейсы до Усть-Улса и будетъ ихъ совершать до тѣхъ поръ, пока позволить вода; Василій Васильевичъ очень доволенъ своимъ пароходомъ, построеннымъ этой зимой.

Хорошій работникъ оказался, какъ разъ для такой рѣки. Вотъ говорили, что по Вишерѣ нельзя быть правильному судоходству, а я два раза сходилъ до Усть-Улса, да еще съ двумя баржами и буду ходить до куда можно. Заводскіе жена очень одобряютъ и обѣщаютъ не оставлять безъ клади.

Пассажировъ до Вижайи въ третьемъ классѣ набралось очень много; это были большей частью, все рабочіе изъ татаръ казанской губерніи. Многіе пришли сюда безъ гроша денегъ и теперь не могутъ заплатить за проѣздъ. Вотъ кучка ихъ, снявши шапки, подошла къ капитану съ просьбой о скидкѣ. Вас., Вас., благодушно приказалъ имъ прощутить и осчастливленіе бѣднаго разсыпались въ благодарностяхъ. Въ первомъ классѣ чашъ оказалось всего два пассажира. Спутникъ мой лѣсопромышленникъ, Фхаль только до Вижайи. Кажется еврейскаго происхожденія, это былъ типичный представитель лѣсныхъ хищниковъ, опустошившихъ наши сѣверные лѣса. Онъ жаловался, что на Вишерѣ частной лѣсопромышленности наступилъ конецъ и что французы прибрали все къ своимъ рукамъ.

А любопытные лѣсочки есть тамъ! вздыхалъ онъ.

Грузка кончилась. Пароходъ забуксировалъ свои баржи, что при небольшой ширинѣ Колвы было дѣломъ, требующимъ большой снаровки и осторожности. Раздался свистокъ на молитву.

Молись Богу! по обычаю властно крикнулъ капитанъ.

Еще прощальный свистокъ — и мы послѣсь по теченью Колвы.

Вѣлая ночь была такъ тепла, что, несмотря на позднюю пору, мы не хотѣлись сходить съ трапа. Я слѣдилъ какъ постепенно отдалялся отъ насъ городъ, раскинувшійся на семи холмахъ. Мы шли между низменными луговыми берегами и скоро миновали село Серегово, въ 3-хъ верстахъ отъ Чердыни. Еще черезъ версту показалась Вишера. Нѣкоторое разстояніе обѣ рѣки текутъ почти параллельно, раздѣлены узкой полосой берега. Сдѣлали заворотъ и вошли въ Вишеру. Вверхъ по теченью пошли, конечно, не съ такой быстрой. Характеръ береговъ напоминаетъ Колву и я зналъ, что вплоть до Вижайи ничего интереснаго не встрѣтится и что видъ будетъ одинъ и тотъ-же: рѣка, катящаяся между невысокими лѣсистыми берегами, а потому удалился спать.

Часовъ въ семь утра, освѣженный сномъ, я опять вышелъ на верхъ. Великолѣпное майское солнце сіяло въ небесной синевѣ: Хвойные лѣса, стѣнной подошедшіе къ берегу, выглядѣли гораздо привѣтливѣе, чѣмъ ночью. Пароходъ бодро разсѣкалъ кристальныя воды Вишеры. Воздухъ былъ чистъ и живителенъ.

На трапѣ сидѣли капитанъ и лѣсопромышленникъ.

— Посмотрите-ка, — обратился ко мнѣ капитанъ, — Полюдъ-то гдѣ!

Въ самомъ дѣлѣ, Полюдъ, вмѣсто того, чтобы быть впереди насъ, оказался позади. Теперь онъ принялъ иную форму, чѣмъ въ Чердыни. Онъ напоминаетъ гигантскую кону сѣна; вся его поверхность покрыта лѣсомъ.

— Вы спали, — продолжалъ Василій Вас., — а онъ тутъ все время передъ нами вертѣлся, то сзади покажется, то спереди, а то съ боковъ.. Страсть, какъ Вишера извилиста.

Вскорѣ показалась первая пристань французскихъ заводовъ — «Черная», расположенная на правомъ берегу рѣки. Здѣсь грузятъ чугунъ, доставляемый изъ Усть-Улса въ вишерскихъ шитикахъ; сюда-же доставляется изъ Чердыни часть товаровъ, которые накладываются въ пустые шитики и поднимаются вверхъ по Вишерѣ. Около берега стояло нѣсколько такихъ посудинъ

и рабочие вытаскивали куски чугуна на берегъ, гдѣ складывали его въ видѣ полѣнницъ.

Отъ Черной до Вижайхи всего 5 верстъ и черезъ часъ передъ нами предсталъ этотъ вновь строившійся заводъ.

Говорить о Вижайхѣ мнѣ еще будетъ представляться случай, а потому на этотъ разъ я ограничусь немногими фразами.

Если слова «американская дѣятельность» составляютъ синонимъ словъ «кипучая» дѣятельность, то лучшаго выраженія для характеристики теперешней Вижайхи не подыскать. Воистину здѣсь свидѣствуетъ американская дѣятельность. Заводскія зданія растутъ съ поразительной быстротой; дымъ отъ обжиганія извести, голоса тысячи рабочихъ — русскихъ, татаръ, зырянъ, носятся въ воздухѣ... Рѣка особенно оживлена. Десятки шитиковъ, баржъ, нѣсколько пароходовъ придаютъ оживленный видъ недавно пустынной Вишерѣ, черезъ которую нынче французы перекинули телефонную проволоку.

Пролавировавъ среди разныхъ судовъ, мы подошли къ вижайхинской конторкѣ, покрытой массой народа. Тутъ находились заводскіе служащіе и рабочіе для выгрузки клади. Всѣ страшно сутились, кричали. Какія лица тутъ были!.. Болѣе важные служащіе первымъ долгомъ справились у капитана на счетъ буфета.

— Погодите господа! умоляю осажденный Вас. Вас., въ слѣдующій рейсъ обязательно съ буфетомъ явлюсь, нынче не успѣлъ еще...

Сдавши кладь, мы намѣревались продолжать наше путешествіе, какъ вдругъ приѣхалъ запыхавшійся служащий и объявилъ, что съ нами поѣдутъ французы до Усть-Улса. Пришлося подождать. Вскорѣ показалась телѣга, до верху нагруженная чемоданами; то былъ багажъ французовъ. А вотъ и сами хозяева вишерского края. Три господина, въ черныхъ круглыхъ шляпахъ, въ изящныхъ, но простыхъ костюмахъ, спускались по сходнямъ конторки, на которой мгновенно воцарилась тишина и самъ собою очистился широкій проходъ. Какой-то мужчина, съ лицомъ итальянскаго браво, до того времени осыпавшій рабочихъ нецензурными ругательствами, теперь быстро застегнулся на всѣ пуговицы,

изобразилъ на лицѣ своеемъ подобострастную улыбку, подошелъ къ французамъ и сообщилъ, что багажъ внесенъ въ каюту.

Раздались звуки французскаго языка и три джентльмена обмѣнялись рукопожатіями. Одинъ изъ нихъ — monsieur R., управляющій Вижайхинскаго завода, неѣхалъ съ нами, а только провожалъ своихъ товарищѣй: главноуправляющаго заводами т. Р., и, кажется, инженера т. N.

Мы тронулись. Ясная погода позволяла оставаться на верху и любоваться видами. Мѣстность около Вижайхи довольно заселена. Мы прошли мимо деревни Морчана, съ волостнымъ правленіемъ, на противоположномъ берегу (левомъ) раскинулось село Бахари, немного дальше деревни Ничкова и Митрокова.

Видъ Полюдова камня, находящагося въ шести verstахъ отъ Морчанъ, возбудилъ tolki между пассажирами 3-го класса.

— Вотъ, братцы мои, — говорилъ одинъ изъ рабочихъ своимъ товарищамъ, — въ этой самой горѣ великанъ, сказываютъ, жилъ И спряталъ онъ, братцы вы мои, кладъ и найти его никакъ нельзя, слово надо знать. А про это мнѣ сказывалъ старикъ-вишерецъ, вѣрный человѣкъ.

— Ну, французы, тѣ и безъ словъ найдутъ, потому дошлий народъ! вмѣшался другой рабочій.

— Нѣть, братъ, врешь! Хитры они, а кладъ-то хитряе ихъ: они рыть будуть, а онъ все въ землю уходить и ништо тутъ не подѣлашь, это ужъ вишерцы такъ говорятъ.

— Этимъ подлецамъ вишерцамъ слова нельзя вѣрить! прервалъ разглагольствованія рабочаго какой-то «спинжакъ», очевидно мелкій заводскій служащий, — ихъ всѣхъ перевѣшать слѣдоваетъ, потому — мошенники, особливо баҳаревцы! Они как-даго проѣзжаго человѣка ободрать готовы, какъ лицу; теперь вотъ господа хорошие на Полюдѣ ѻздѣть, любопытствуютъ, потому видъ тамъ хорошій, природа, значитъ, любознательная, такъ сколько денегъ они переплачиваются баҳаревцамъ зря, такъ за показъ дороги. Свильи они неблагодарныя: заводъ имъ благоѣніе дѣлаетъ, а они заводскихъ служащихъ нисколько не уважаютъ. Мнѣ вотъ нужно было изъ Баҳа-

рой на Вижкаиху попасть, всего версты три въ лодкѣ сдѣлать, такъ эти стервецы два рубля съ меня сдули, чтобы имъ пусто было! Теперь вотъ пароходы зачали до Усть-Улса бѣгать, за три рубля отъ Чердыни Ѣдешь, а раньше въ лодкахъ 15—20 рублей надо припасать...

Дѣйствительно, развитіе пароходства лишило витперцевъ выгоднаго заработка— перевоза пассажировъ въ душегубкахъ. Зарбатывали же этимъ путемъ они не мало, такъ какъ съ развитіемъ заводской дѣятельности, конечно, усиливалось и движеніе. Рѣка Вишера раньше считалась судоходной на очень незначительномъ протяженіи, но въ послѣдніе годы инженеръ Великановъ на средства, ассигнованныя правительстvомъ и отчасти заводомъ, настолько улучшилъ ея русло, что въ настоящее время пароходы могутъ безпрепятственно доходить до Усть-Улса, т. е. 200 верстъ отъ Чердыни. Надо отдать полную справедливость дѣйствіямъ г. Великанова: тамъ, гдѣ прежде съ трудомъ проходили душегубки, теперь проходятъ большія суда съ кладью. Для улучшения русла онъ употреблялъ двѣ мѣры: взрывы и устройство дамбы. Главнымъ препятствиемъ пароходству служили громадные подводные камни, о которые вода разбивалась съ страшной силой, пѣнилась и образовывала настоящій водоворотъ; бѣда для судна наскочить на такой камень! При помощи динамита въ настоящее время всѣ опасные камни уничтожены. Искусно же сооруженные многочисленныя дамбы подняли уровень воды въ мелкихъ мѣстахъ на должную высоту и Вишера можетъ теперь красоваться въ учебникахъ географіи въ числѣ судоходныхъ рѣкъ, причемъ протяженіе ея судоходности подвигается, благодаря работамъ г. Великанова, все выше и выше.

Начиная съ Бахарей, рѣка принимаетъ настоящій горный характеръ. Какъ красива эта кристальная вода, позволяющая различить дно, устланное разноцвѣтными камнями, какъ красивы эти прибрежныя скалы и эти одинокія деревца, Богъ вѣсть, какъ забравшіяся на выступы скалъ!. Но всеразрушающая рука человѣка коснулась даже этихъ гигантскихъ камней: много ихъ разрушено и куски известняка сложены на берегу въ правильный кубический массивъ,

который потомъ грузятся на барки и плавятся до Вижкаихи.

Между тѣмъ, небо обложилось тучами, заморосило мелкій дождикъ; пришлое удалиться въ рубку. Тамъ нашъ любезный капитанъ приказалъ сервировать обѣдъ, что для нашихъ проголодавшихся желудковъ оказалось весьма кстати. Оживленного разговора за столомъ завязаться не могло: французы почти не говорили по-русски; но это никакъ не препятствовало обѣимъ сторонамъ обмѣниваться мелкими услугами и чувствовать себя вполнѣ непринужденно. Оба француза оказались европейцами въ самомъ благодородномъ смыслѣ этого слова. Особенно привлекателенъ былъ monsieur P. Сильный брюнетъ, съ черными ласковыми глазами и роскошными усами, онъ при своемъ богатырскомъ сложеніи и высокомъ ростѣ производить чеotразимое впечатлѣніе. Голосъ его, съ легкимъ грассированиемъ въ выговорѣ, чрезвычайно музыкаленъ. Особенно хорошъ т. Р. бываетъ когда смеется, видя, что его «русскаго» языка не понимаютъ. Тогда онъ такъ мило улыбается, его черные глаза такъ искрятся, что вы невольно поддается очарованію этой симпатичной личности... Воображаю, какое впечатлѣніе онъ долженъ произвести на женщинъ...

Другой французъ хотя и не обладалъ физическими данными т. Р., но его карие глаза, въ которыхъ свѣтится грусть, быть можетъ о покинутой Франціи, располагаютъ въ его пользу. Оба француза все время усердно изучаютъ русскій языкъ и изъ ихъ кармановъ постоянно выглядываетъ франко-русскій словарь.

Съ собой они везутъ большой запасъ краснаго вина, безъ которого почти не могутъ существовать.

Послѣ обѣда капитанъ, чердынскій чиновникъ, сѣвшій также на Вижкаихъ и monsieur P. начали играть въ винтъ, сопровождаемый массой недоразумѣній самого комического характера. Monsieur P. передъ игрой вынуль изъ кармана изящную книжечку, а изъ нея листокъ бумаги, аккуратно разграфленный и записанный русской терминологіей виата. Конечно, при такихъ обстоятельствахъ игра не могла идти съ желательной скоростью и партнеры вскорѣ прекратили ее.

Чѣмъ выше поднимался нашъ пароходъ по Вишерѣ, тѣмъ переборы становились чаще и теченіе стремительнѣе. Но пароходъ, казалось, былъ приспособленъ для такой воды и несмотря на двѣ баржи, которыя онъ тянулъ на буксирѣ, мы шли со скоростью семи верстъ въ часъ. Вас. Вас. имѣлъ полное право гордиться своей по-винкой. Пароходъ ему обошелся всего въ 28 тысячъ рублей, а между тѣмъ, этой-же зимой французы заказали на заводѣ Любимова специальный пароходъ для Вишеры по своимъ чертежамъ и обопредѣлѣлся имъ, кажется, въ 70 тысячъ. Пароходъ носилъ название «Воецъ» по имени самого опаснаго здѣсь перебора, но при первомъ же рейсѣ потерпѣлъ полное фiasco: онъ не могъ поднять даже самъ себя по этой быстрой рѣкѣ. А между тѣмъ, представлялось изъ себя послѣднее слово науки и построеніе было по образцу пароходовъ, которые работаютъ на порогахъ Нила. Но какъ «хлѣбъ русскій на англійскій манеръ не родится», такъ и для русской рѣки оказалась непригодной пароходная система Нила... Пришлось французамъ отдать свой пароходъ для передѣлки его на обыкновенный типъ нашихъ буксирныхъ пароходиковъ.

Въ настоящее время заводы владѣютъ тремя пароходами: «Велсомъ», «Александромъ Невскимъ» и «Сормово», но такъ какъ ихъ не хватаетъ для работы, то заводы еще арендуютъ и другіе. Черныхъ, учрежденіемъ постояннаго сообщенія между Чердынью и Усть-Улсомъ, оказалъ большую услугу не только заводу, но и всему краю, попасть въ который раньше зависѣло отъ тысячи случайностей. Теперь же при урегулированномъ движениі можно вполнѣ располагать своимъ временемъ. Отъ Чердыни до Усть-Улса и обратно пароходъ «Василій» употребляется всего трое сутокъ. Отъ Чердыни до Вижайки то-же установилось правильное движеніе: тамъ работаетъ пароходъ купца Юрганова «Обвинецъ». Такимъ образомъ, вишерскій край въ настоящее время, благодаря правильно установленному судоходству, примкнулъ къ остальной культурной Россіи, тогда какъ всего два года тому назадъ попасть сюда можно было съ большими затрудненіями. По всей вѣроятности, заводъ обратитъ должное вниманіе на дѣятельность г. Чер-

ныхъ и поощрить его, какъ піонера судоходного дѣла по Вишерѣ.

Несмотря на дождь, и до самой ночи, закутавшись въ кожанный плащъ проводилъ время на верху и любовался картинами вишерской природы. Рѣка замѣчательно извилиста, течетъ среди высокихъ скалъ, покрытыхъ лѣсомъ. Деревень очень мало. Мы прошли мимо величественнаго «Говорливовскаго» камня, стѣной подошедшаго къ самой водѣ. Голова кружится, когда смотришь снизу на этотъ каменный массивъ. Въ ясную погоду здѣсь раздается замѣчательное эхо, особенно на зарѣ. Замѣчательенъ также «Сыпучій» камень своей конструкцией; онъ весь состоитъ изъ нѣсколькихъ, рельефно обрисовывающихся пластовъ, идущихъ дугообразно. Песчаникъ, изъ которого онъ состоитъ, постоянно осипается и мелкія гальки летятъ въ воду. А вотъ громадный, въ видѣ стѣны крѣости, «Писаный» камень, со своими таинственными іероглифами.

Въ одной деревнѣ мы остановились для грузки дровъ. Толпа мужиковъ въ своихъ характерныхъ лузанахъ и бабъ въ платьяхъ домашнаго синяго холста высыпала на берегъ.

— Вотъ она чучь (чудь) непросвѣщенна! — съ ироніей воскликнула «спинжакъ», врагъ вишерцевъ, — ровно дикари глаза вытаращили.

Печально созерцали прежніе хозяева Вишеры пароходъ, отбившій у нихъ заработокъ.

— Принимай чалку! властно крикнулъ капитанъ.

Нѣсколько вишерцевъ съ покорностью бросились къ чалкѣ, но по неопытности не могли съ ней справиться. Градомъ посыпались на нихъ ругательства. «Спинжакъ» страшно возмущался: «вотъ чучь безтолковая!». Наконецъ, кое-какъ прикрѣпили буксиръ.

Пассажиры высыпали на берегъ для закупки сѣастныхъ припасовъ. Нѣсколько бабъ принесли по десятику яицъ и они въ мигъ были раскуплены. Больше ничего не оказалось въ деревнѣ и пассажиры роптали.

Я подошелъ къ кучкѣ бабъ, среди которыхъ одна пассажирка третьаго класса что-то жалобно говорила.

— Такъ и потерялся онъ,—услышалъ я протяжные слова,—ушель на заводъ изъ Покчи и слухъ обѣ емъ пропалъ. Не видали ли вы его, голубоньки?

— А испивалъ онъ у тебя? спросила одна изъ бабъ.

— Ой, испивалъ бабоньки, страсть какъ испивалъ! Раньше не такъ пилъ, а какъ вошли эти заводы, да стала онъ на ихъ работить и бѣда зачалъ пынствовать. А теперь вотъ и пропалъ совсѣмъ.

— Нѣть, бабонька, не видали мы твоего сынка, много у насъ нонича чужестранного народа ходить, гдѣ всѣхъ упомянуть! И страсть какъ нонича одурѣлъ народъ! Всѣ мужики таперича, щепица имъ въ хайло, всѣ пьютъ не по Божьему... Но гибель наша приходитъ...

Вечеромъ добрѣйший капитанъ угостилъ насъ ужиномъ. Проведенный вмѣстѣ день сблизилъ наше разнородное общество и мы чувствовали себя еще лучше, чѣмъ за обѣдомъ. Василій Васильевичъ принесъ нѣсколько бутылокъ и обратился къ французамъ:

— Вотъ не хотите-ли, это водка; водка, еще разъ повторилъ онъ членораздѣльно для пущаго вразумленія.

— Водка! улыбнулся monsieur R. и подставилъ рюмку, прибавилъ: «пошлиста!» Онъ началъ ее смаковать, какъ ликеръ заѣдалъ хлѣбомъ. Но нашъ отечественный «ликеръ» не по вкусу пришелся французу и сморщился онъ, къ великому удовольствію Вас. Вас. Предложили другому французу.

— Ему можна: онъ молода шалевѣкъ! шутилъ monsieur R. Но «молода шалевѣкъ» предпочелъ свое красное вино нашему национальному напитку.

Утромъ слѣдующаго дня мы достигли большой деревни Акчимъ (36 дворовъ), противъ которой построены заводскія зданія. Здѣсь живеть завѣдующій развѣдочной партіей г. N, къ которому французы имѣли дѣло. Заводскія строенія расположились на мысѣ, образовавшемся отъ впаденія р. Акчимъ въ Вишеру. Видимо, что мѣстность недавно только освобождена отъ лѣса, о чѣмъ свидѣтельствуютъ торчащіе всюду пни. N живеть въ прекрасномъ по мѣстительномъ домѣ. Тутъ же находятся нѣсколько строеній для рабочихъ и домъ

для таксаторской партіи, производящей отводъ лѣсовъ заводамъ. Акчимъ стоитъ почти въ серединѣ заводской территории и т. д. N удобно дѣлать отсюда поездки во все концы.

Онъ дожидался прїезда французовъ и встрѣтилъ насъ на берегу. Скажу нѣсколько словъ обѣ этой замѣчательной личности.

Человѣкъ энергичный, несомнѣнно умный, незамѣнимый горный ищѣка, онъ представляется изъ себя типъ штегеровъ старой школы, тѣхъ штегеровъ, которые создавались на Уралѣ во время крѣпостничества; типъ этотъ въ настоящее время исчезаетъ и N является, быть можетъ, «послѣднимъ изъ могиканъ» этой породы закаленныхъ людей. Вся жизнь его прошла въ горахъ и лѣсахъ Урала въ поискахъ разныхъ рудорожденій. При своей опытности онъ человѣкъ незамѣнимый для заводовъ. Всѣ вишерскія открытія обязаны, главнымъ образомъ, его умѣнію ориентироваться, его выносливости, а главное, его уму и глубокому знанію практической стороны дѣла. Недаромъ получиль онъ прозвище «горнаго духа», прозвища, всего болѣе подходящаго къ нему. Самая его наружность замѣчательна: массивный статикъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами и бородой, съ ясными голубыми проницательными глазами, тѣми глазами, которые, по народному выражению, «на три аршина въ землю видѣть», онъ своей наружностью вполнѣ оправдываетъ данное ему прозвище.

Одѣтый въ простой азямъ, подпоясаный поясомъ, въ длинныхъ сапогахъ, стоялъ передъ нами этотъ «горный духъ», любезно приглашая насъ въ домъ, гдѣ мы и провели нѣсколько времени за веселымъ завтракомъ. Французы начали дѣловoy разговоръ съ N. Разговоръ этотъ едва-ли привелъ къ какимъ-либо практическимъ результатамъ: обѣ стороны говорили на разныхъ языкахъ... Вообще, дѣло много проигрываетъ отъ незнанія французами языка народа, среди котораго они ведутъ свое грандиозное предпріятіе...

N. нужно было показать вновь открытую имъ руду французамъ и онъ отправился съ нами на пароходъ.

Въ этотъ день мы прошли «Боецъ», са-
мый сильный изъ всѣхъ переборовъ. На
пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ са-
женъ вода съ страшной силой бурлитъ,
пѣнится и образуетъ настоящій водопадъ.
Шумъ отъ этого перебора слышанъ за вер-
сту. Теперь, при большой водѣ, теченіе было
еще стремительнѣе. «Боецъ» до Велика-
новскихъ работъ былъ гораздо опаснѣе и
часто суда здѣсь разбивались совершенно
о подводные камни.

Мы на этомъ переборѣ промаялись нѣ-
сколько часовъ, но въ концѣ-концовъ по-

бѣдоносно одолѣли его. Конечно, пароходу
немыслимо было вести заразъ обѣ баржи
и ихъ провели по одиночкѣ. Ночь застигла
насъ ужъ за переборомъ и мы, въ виду
густого тумана, неизропицаемой пеленой оку-
тавшаго всю окрестность,бросили якоря
и започевали у какой-то скалы.

Утро слѣдующаго дня было отвратитель-
но: холодъ, туманъ и дождь на половину
со снѣгомъ не позволяли намъ высунуть
носа изъ рубки, гдѣ мы и протомились
вплоть до прибытія въ Усть Улсъ.

IV.
Усть-Улсъ.
Vae victis!

Направо — горы и рѣка,
Налѣво — темный лѣсъ...

Невольно пришли мнѣ на память слова
поэта, когда я увидалъ Усть-Улсъ, послѣд-
нюю деревню въ верховьяхъ Вишеры. Я
зналъ, что это деревня осѣдлыхъ вогулъ,
которые совершенно ассимилировались съ
русскимъ населеніемъ и утратили свои
природныя черты. Слышалъ я мелькомъ,
что усть-улсинские вогулы есть истинные
аборигены края и его законные владѣльцы,
что подтверждено грамотами «старыхъ па-
рей» и что эти грамоты имѣются въ ру-
кахъ вогуль и въ настоящее время. Съ
любопытствомъ, вполнѣ понятнымъ, смо-
трѣль я на деревню и ея окрестности.

Передо мной раскинулась мрачная, по-
давляющая картина! Низкія, свинцовыя
тучи темныхъ флеромъ окутали весь небо-
склонъ и спрятали отъ любопытныхъ взо-
ровъ верхушки обнаженныхъ горъ. Мокрый
снѣгъ хлояями валилъ на землю. На пра-
вомъ берегу пѣнявшейся отъ переборовъ
рѣки, по склону высокаго холма, разбро-
саны въ хаотическомъ безпорядкѣ жалкие
домишкі. У самаго берега стоять нѣсколь-
ко новыхъ зданій, построенныхъ недавно
поселившимися здѣсь торговцами. Мрачный,
хвойный лѣсъ обступилъ деревню съ трехъ
сторонъ, перекинулся черезъ холмъ и ушелъ
въ даль, взираясь опять на холмы и го-
ры... На противоположномъ берегу завод-
скія строенія расположились на узкомъ
пространствѣ, какое осталось отъ лѣси-

стаго холма съ одной стороны и рѣки съ
другой. Дымъ отъ массы углежечныхъ не-
чай виситъ въ воздухѣ; порою, когда онъ
разсѣвается, въ туманной дали на минуту
открывается видъ на верхушки обнажен-
ныхъ горъ съ полосами снѣга...

Но жизнь кипить вокругъ. У заводскаго
берега рѣки стоять нѣсколько десятковъ
широкихъ, на которые рабочіе съ пѣснями
таскаютъ чугунъ. Несмотря на отврати-
тельную погоду слышно пиликанье гармо-
никъ, и разноязычный говоръ татарь, зы-
рянъ, русскихъ не умолкаетъ ни на
минуту.

Усть-улсинская пристань играеть весьма
важную роль въ дѣятельности вишерскихъ
 заводовъ. Отъ этой пристани всего 35
верстъ до Кутимскаго завода, на который
отсюда ведеть конная желѣзная дорога,
почти все время идущая по берегу Улса,
а потомъ Кутима. Постройка этой дороги
стоила не малыхъ трудовъ и обошлась въ
150 тысячъ рублей. Все время дорога лѣ-
пится къ крутымъ скаламъ, которыхъ при-
ходилось выравнивать, взрывать. Съ одной
стороны передъ глазами путника крутая,
отвесная стѣна, а съ другой прощесть, на
днѣ которой бѣшено клокочетъ Улсъ. У
непривычного человѣка голова закружится
отъ такого зрѣлища. А тутъ еще вагонет-
ки постоянно соскаиваютъ со скверниль-
шихъ рельсовъ, или же нарочно приходится
опрокидываться, чтобы пропустить поѣздъ
съ углемъ или чугуномъ...

Самая пристань растянулась по берегу
Вишеры на протяженіи цѣлой версты. На
этомъ пространствѣ помѣстились амбары,

казармы рабочихъ, контора, домики служащихъ, углежечная печь; въ концѣ же пристани отведено мѣсто для чугуна, который складывается здѣсь въ видѣ полѣнницъ и до которого проведены рельсы конки.

Всѣ клады, идущая на Кутимскій заводъ или съ него, первоначально складываются здѣсь и потомъ уже слѣдуетъ далѣе, вслѣдствіе чего па пристани царствуетъ постоянное оживленіе. Нѣсколько сотъ рабочихъ, большей частью татаръ, заняты перегрузкой товаровъ. Весь транспорть доставляется сюда на шитикахъ, которые поднимаются по Вишерѣ съ помощью лошадей. Въ обратный путь они спускаются съ грузомъ чугуна.

Коренные обитатели вишерскаго края, главнымъ образомъ, заняты въ настоящее время доставкой этихъ шитиковъ до Усть-Улса отъ пристани Черной и обратно. Работа эта хорошо оплачивается и имѣя одну лошадь, исправный рабочій зарабатываетъ до 300 рублей въ лѣто, а безъ лошади, въ качествѣ простого рабочаго, до 100 рублей. На специально-же заводскихъ работахъ вишерцы не привились и тамъ дѣйствуетъ, главнымъ образомъ, пришлый элементъ, особенно татары, преобладание которыхъ бросается въ глаза и въ послѣднее время здѣсь назрѣваетъ «татарскій» вопросъ, все болѣе обостряющійся, такъ какъ татары гораздо выносливѣе русскихъ и болѣе способны къ «огненной» работѣ...

Имѣютъ вишерцы еще заработокъ на лѣсной работѣ, т. е., на доставкѣ лѣса и дровъ, но въ послѣднее время и здѣсь имъ приходится отступать на заднѣй планъ такъ какъ они не могутъ конкурировать съ вахлынущими сюда зырянами, специалистами во всякомъ лѣсномъ дѣлѣ.

— Да и избаловались танерича вишерцы! жаловался мнѣ одинъ изъ чердынскихъ торговцевъ, имѣющій постоянныя дѣла съ заводомъ, и такие подлецы стали, что только и норовятъ какъ бы кого обмануть. И все не въ прокъ имъ идетъ: что заработаютъ, сейчасъ прошлютъ. Особливо усть-улсинцы. Эти вогулы и бабы своихъ прошли!..

Въ первый день своего прѣѣзда въ Усть-Улье я изъ-за отвратительной погоды

остался на заводскомъ берегу и отложилъ осмотръ деревни.

— Ничего любопытнаго вы не встрѣтите въ этой деревушкѣ,— говорили мнѣ заводскіе служащіе,— только пьянство одно, да развратъ; можете еще и неизрѣятность получить отъ зимогоръ, а ихъ теперь съ пріисковъ вернулось очень много и страсть какъ дебоширять...

А одинъ изъ частныхъ подрядчиковъ даль еще болѣе интересную характеристику обитателей Усть-Улса, именуя ихъ «самыми подлыми людьми во всемъ свѣтѣ».

— Безъ рубля ихъ танерича изъ дома не выманишь, а то подавай два или три въ дѣны; съ голодухи, окалинны, будуть пропадать, а на работу не пойдутъ. Вѣдь они, подлецы и пашпо совсѣмъ забросили, всѣ поля у нихъ деревьями давно поросли и охотой не занимаются, а когда-то были первые охотники по Вишерѣ. Совсѣмъ прошацій народъ сдѣлался, кругомъ заработка больши, а они и домовъ поправить не могутъ, живутъ среди лѣса, а избы рѣшето-рѣшетомъ. Только и знаютъ, что зимогоръ облапошивать!..

— А это зимогоры кто такие? спросилъ я.

— Это ужъ совсѣмъ прошацій народъ. Это, значитъ, горные рабочіе, которые совсѣмъ отъ дома отбились. Примѣрно сказать и справный человѣкъ можетъ зимогоромъ сдѣлаться если слабость характера имѣеть. Найдеть, значитъ, человѣкъ робить на заводы, робить робить, а потомъ заработокъ прошель и опять безъ всего останется и опять робить, а тамъ ужъ пьянство такъ его затянетъ, что онъ норовить всякий заработокъ скорѣй пропить, только для водки и робить. И забудеть такой человѣкъ, что на родинѣ у него имѣется семья, домъ, все забудеть и дѣлается настоящимъ зимогоромъ, значитъ зими въ горахъ проводить... И вѣдь до того дошьется, что все съ себя спустить, чуть не голый ходить и когда ужъ совсѣмъ до тюки дойдетъ, опять робить зачнетъ; да ужъ на заводахъ-то плохая ему пѣча, потому знать тамка, что такое зимогоры есть... А вотъ эти проклятые усть-улсинцы все около зимогоръ околачиваются.

— Какимъ-же это образомъ?

— А вотъ какимъ: заробить зимогоръ кошѣйку гдѣ нибудь на Кутимѣ, али на пріискахъ и является въ Усть-Улье, потому миновать ему этого мѣста никакъ нельзя. А усть улсинцы и рады гостю; сей-часъ его на фатеру къ себѣ тащутъ, ви-номъ угощаютъ. Ну, человѣкъ и одурѣвѣтъ Робиль, значитъ. пѣлу зиму, мерзъ, голода-даль и за человѣка его тамъ не считали, а тутъ такое раздолѣе, ну и закутитъ. Въ одну недѣлю весь годовой заработокъ спу-скаютъ. А vogулишки-хозяева его облапо-шиваютъ всячески и сами съ нимъ пиру-ютъ и всячески угожаютъ, женъ, дочерей своихъ даютъ безчестить... А черезъ недѣ-лю у зимогора гроша не остается, бывали случаи рублей по полтораста спускали; рожа вся распухнетъ, а пить до смерти ох-ота, ну одежду, обуй спустить, а потомъ хозяева увидятъ, что у гостя ничего, какъ есть, не осталось—турятъ на улицу... По-бродить бѣдный зимогоръ, изголодается весь и пойдетъ куды-ко за безцѣнокъ ва прі-иски, али на заводъ и за каторжный трудъ получить гроши и опять явится въ Усть-Улье пропивать, а потомъ и сгинетъ, какъ собака...

Улучивъ ясный день, что въ Усть Улье большая рѣдкость, я отправился посмо-трѣть деревню. Для этого мнѣ нужно было перѣѣхать Вишеру. Пройдя выше завод-скихъ строеній, я достигъ мѣста, съ кото-рого усть-улсинские ребятишки перевозятъ въ душегубкахъ заводскихъ служащихъ въ деревню. Желающихъ перѣѣхать и теперь было много. Не малое количество возвра-щалось и изъ Усть-Улса, такъ что три-четыре лодки находились въ непрерывномъ движении. Всѣ возвращавшиеся съ того бе-рега были пьяны и, въ большинствѣ слу-чаевъ, держали въ рукахъ бутылки съ вод-кой и разныи закупки. Вотъ кучка татарь, одѣтыхъ въ невообразимыя лохмотья, съ исхудалыми, блѣдными лицами, вылѣзаетъ изъ лодокъ и пьяной походкой идутъ къ пристани.

— Куда, знакомы, идете? окликаетъ ихъ какой то оборванецъ зимогоръ.

— На пріискъ къ Шайдурову пойдемъ, говорятъ, работа есть.

— А што мало гостили?

— Деньга кунчаль!

Перевозчики-ребятишки, завидѣвъ меня,

на перебой стали приглашать каждый въ свою лодку.

— Ко мнѣ, баринъ, иди ко мнѣ! кри-чали они.

Я сѣлъ въ одну изъ лодокъ. Двое маль-чиковъ лѣтъ, 11—12, стоя на ногахъ въ носу и кормѣ, начали работать шестами. Дѣло было для нихъ, видимо, привычное и стремительное теченіе Вишеры быстро ими одолѣвалось.

— А много ли, ребята, вы въ день за-рабатываете? спросилъ я во время переправы.

— По рублю, а то и по полтора при-ходитса!

— И каждый день такъ?

— Ежиденъ. А въ праздники и по три заробливамъ. Толды пьяныхъ больше, по пятаку платятъ.

— Куда-же вы деньги дѣваете?

— А ты куда дѣвашь?—нагло спросилъ меня малецъ,— знамо дѣло проѣдамъ, а то и пропивамъ.

— Не ладно дѣласте, лучше-бы родите-лямъ отдавали.

— А ножъ виѣ въ хайл! Мы будемъ робить, а родители на наши деньги широ-вать! Мы и сами сумѣмъ!..

Чѣмъ больше бесѣдовалъ я со своими юными лодочниками, тѣмъ наглѣе обнару-живался ихъ цинизмъ, ихъ развращенность до мозга костей. Да «гнилая цивилиза-ція» уже отразилась роковымъ образомъ на этихъ несчастныхъ существахъ. Какое будущее ихъ ожидаетъ! Быть можетъ, мнѣ не придется увидать разцвѣтъ этого «пле-мени младого и незнакомаго», но легко могу предсказать, что «разцвѣтъ» этотъ будетъ очень и очень печальнымъ..

Но вотъ и самый Усть Улье. На берегу красуются солидныя постройки чердынскихъ торговцевъ, бойко ведущихъ здѣсь свои торговыи операциіи. Три или четыре лавки настежь открыты. Я зашелъ въ одну изъ нихъ. Настоящая американская универсаль-ная лавка. Тутъ было все: предметы пер-вой необходимости и предметы роскоши. Кучка покупателей толпилась около при-лавка. Какія тутъ были лица, костюмы! Воинъ вѣсколько зимогоръ, оборванныхъ, босыхъ, съ распухшими отъ пьянства ли-цами. На вѣсколько копѣекъ они покупа-ютъ себѣ какую-то тухлую рыбу. А воинъ

и конторской франтъ, прибывшій изъ за рѣки. Этаъ больше налагаетъ на пряники, конфекты и прочіе деликатесы, «для бары-шень». какъ объясняетъ онъ съ цинкомъ высидывая на прилавокъ золотой. Протискались къ прилавку и мои лодочники.

— Дайко ся на пятакъ махорки, фабрики Феникса! — охрипшимъ диксаундомъ кричитъ одинъ изъ нихъ, — да вотъ ешо изюму на гравенникъ!

Грязными руками кладутъ они купленный изюмъ въ карманы, свертываютъ себѣ «цигарки» и закуривъ ихъ, съ важнымъ видомъ удаляются изъ лавки, не возбудивъ ни въ комъ удивленія. Только братъ ла-вочника, молодой еще человѣкъ, съ прозрѣніемъ обругалъ ихъ «сопляками». Я завизжалъ съ нимъ разговоръ объ обитателяхъ Усть-Улса.

— Страсть, какъ развратился здѣшній народъ. — охотно отвѣчалъ онъ, — вонь, на что малые парнишки, и тѣ водку лачатъ и табачище курятъ. А про большихъ и говорить нечего, всѣ иронились. Вотъ, пройдетесь по нашему селенію, увидите, каковъ есть Усть-Улье.

Я вышелъ изъ лавки и принялся обозревать деревню.

Усть-Улье расположился по скату кругого холма и только позднѣйшія постройки торговыхъ людей стоять на берегу Винперы.

Тутъ-же находится и винная лавочка, около которой, главнымъ образомъ, и сосредоточивается жизнь. Мнѣ сообщили, что въ прошломъ году изъ этой лавочки вина было выпито на 28,000 рублей! И это въ селеніи, состоящемъ всего изъ 34 лачугъ! Здѣсь процветаютъ деньги зимогорами и рабочими, идущими съ золотыхъ присковъ.

Странное дѣло! Вѣдь этотъ кабакъ возникъ благодаря заводу, а, между тѣмъ, онъ находится не на той сторонѣ рѣки, не на заводской территории, а въ деревнѣ, кото-рая, благодаря ему, спилась и разврати-лась окончательно. Заводоуправление умы-ваетъ себѣ руки: пьянствуютъ усть-улсинцы и это его не касается: не можетъ-же заводъ отвѣтить за нравственность обита-телей края! .

Около лавочки я увидалъ кучки пьяныхъ зимогоръ; о костюмахъ ихъ не гово-рю, тутъ скорѣе было полное отсутствіе

всякихъ костюмовъ. Зимогоры горделили безобразныи пѣсни, пили водку прямо изъ бутылокъ, угощали сю обитательницѣ Усть-Улса, находящихся тутъ же. Циничные раз-говоры, пьяныи пѣсни, гармоники произво-дили такой шумъ, что я поспѣль за лучшее убраться по добру по здоровью.

По крутой троцинкѣ добрался я до усть-улсинскихъ избъ. Боже, какій жалкій, полу-развалившійся лачуги! И это въ краѣ, где строевого лѣса не оберешься! гдѣ въ на-стоящее время можно зарабатывать до 40 рублей въ мѣсяцъ! Съ перваго-же взгляда видѣнъ во всемъ угадокъ. Огороды воздѣланы кое-какъ, а большинство изъ нихъ и совсѣмъ не засажены и поросли бурьяномъ. За деревней идутъ заросшія деревцами поля. Вотъ ужъ лѣтъ пять, какъ усть-улсинцы бросили хлѣбопашество, бросили охоту, а было время, когда они считались первыми охотниками по Вишерѣ. Теперь ихъ со-хи заброшены далеко ружья, если не про-питы, то ржавѣютъ безъ употребленія гдѣ-нибудь на сарайахъ, а сами хозяева спи-лись окончательно... Вотъ во что обрати-лись смѣлые немвроды чердынскихъ лѣ-совъ! Sic transit gloria mundi!..

У одной избы я встрѣтилъ сильно охмѣ-лѣвшую дѣвку, она, съ пустой четвертью въ рукахъ, быстро бѣжала по направлению къ кабаку; на встрѣчу ей попадается дру-гая обитательница Усть-Улса въ такомъ-же состояніи. Между ними начался раз-говоръ.

— Ты куда это, стерваолосатая, летиць?

— Въ кабакъ, милая, въ кабакъ. У насъ Митрошка вятской бѣды расходился!

— Эфто который съ прісковъ-то при-шелъ?

— Че ино!

— Счастье вамъ, косорылымъ, Господь послалъ.

— Да ты, курва, слушай, что только онъ творить то у насъ: онъ у насъ трое сутокъ живеть, 70 чалковыхъ прошиль. Пѣсни поетъ, скачеть, страсть!. Вчера сень Ванька зимогору баєстъ: «вези меня на себѣ въ кабакъ, я-де енералъ!» Слыши ты! Ванька и повезъ! Сколько смѣху было! Такъ на себѣ и повезъ! А седни стоить передъ имъ четвертуха, почитай полная, только стаканъ изъ ее отпили, а онъ и

кричить: тутока прутухлое вино, не хочу пить! да какъ чинкнеть ее, четвертуху-то, только звякнеть она, вся разлетѣлась! вотъ за новой бѣгу! Вольно баско! — и дѣвка помчалась дальше.

Зашелъ я въ избу одного ссыльного поляка. Курэлайтыса, живущаго въ Усть-Улсъ больше 30 лѣтъ. Онъ здѣсь женился на vogulkѣ и сроднился совершенно съ новой своей отчизной. Менѣ еще раньше про него говорили. Изба его нисколько не отличается отъ другихъ избъ, пожалуй, еще хуже. Я былъ пораженъ грязью, какая царствовала въ избѣ. Жена Курэлайтыса, пьяная баба, ругалась съ двумя зимогорами, лежащими на полу. Она требовала съ нихъ водки. На грязномъ столѣ дѣочки ея грязными руками дѣлали сочини для цельменей. Тутъ-же на лавкѣ лежалъ сынъ Курэлайтыса, мальчишка лѣтъ 14, совершенно пьяный. Изножденное лицо его носило на себѣ отпечатокъ окончательного вырожденія и страшной распущенности. Глава этой милой семейки лежалъ на печкѣ и при моемъ входѣ слѣзъ съ нея. Это былъ старикъ лѣтъ 70, худощавый, но еще сохранившійся. Говорилъ онъ съ польскимъ акцентомъ. Странное впечатлѣніе произвѣдиль этотъ представитель культурной расы, опустившійся теперь почти до животнаго состоянія. Мы разговарились. О своемъ прошломъ онъ мало говорилъ и я могъ только узнать, что онъ крестьянинъ, кажется, виленской губерніи и почти совершенно забыть теперь свой родной языкъ. Вицерскій край знаетъ хорошо и считаетъ, что теперь началось его возрожденіе.

— А прежде, что было! Такъ, тьма не-вѣжества. Жили, какъ звѣри. Занимались охотой, рыболовствомъ. На деревню въ годъ добывали до 6,000 паръ рыбковъ, соxатыхъ до 40, ну-да пушини. А теперь охоту бросили: потому звѣри и штица ушли да леко; народъ вездѣ въ лѣсу, испугали ихъ. Прежде сколько лѣсныхъ избушекъ было, а теперь всѣ онѣ гниютъ. Хлѣбопашество то же бросили, а теперь настоящимъ дѣломъ занялись на заводахъ; вонъ какіе заработки. За заводскихъ вицерцовъ Бога должны молитъ, потому свѣтъ теперь увидали; лапти бръ сили, сапоги надѣли, а вмѣсто лузановъ въ спинжаки одѣлись. Кто съ умомъ — теперь можетъ деньги нажить.

Вотъ я собираюсь завтра въ контору сходить: руду открыть очень хорошую. А вы, баринъ, не золото-ли копать прибыли? — неожиданно спросилъ отъ меня, сверкнувъ хитрыми своими глазками, — да вы сказывайте правду, я одно мѣсто знаю, такъ тамъ самородки, какъ тараканы въ избѣ, богатство..

Въ это время съ шумомъ ввалилась кучка зимогоръ и Кур. началъ прислуживать имъ. Онъ исключительно пронигивается около зимогоръ и въ домѣ его царитъ страшный развратъ.. Я носѣшиль уйти.

Посѣтиль я мѣстного аборигена Петра Сысоича Усанина. Семья его считалась раныше, до заводовъ самой зажиточной, а самъ онъ одинъ изъ славныхъ вицерскихъ охотниковъ. Слѣды былой зажиточности видны и въ настоящее время въ хозяйственныхъ постройкахъ Усанина, но вѣнѣніе нѣаго времени наложило па все свою разрушающую печать и видимо, что хозяева не озабочены поддержаніемъ дома въ должномъ порядкѣ. Самъ Усанинъ крѣпкій старикъ 90 лѣтъ; онъ сохранилъ свою память, глаза его ясны; вообще, изъ себѣ онъ является типъ вицерца-охотника, таинъ сожалѣнію, быстро исчезающій.

У Усанина сидѣли гости: мѣстный vogуль Данило, горкій пьяница, съ опухшимъ лицомъ и нѣсколькою мелкими заводскими служащими. Меня Усанинъ принялъ за конторщика, пришедшаго въ деревню изъ-за рѣки «погулять», какъ это здѣсь водится. Старикъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался ярымъ консерваторомъ, защитникомъ старыхъ порядковъ, и съ умилениемъ вспоминаль о прошлой жизни:

— Прежде, до заводовъ, лучше было, занимались охотой и хлѣбъ сѣяли. А какъ настали заводы — народъ пустился пьянствовать и пошершаль (бѣднѣль). Хлѣбопашество бросили промыслы то-же и всѣ пирують.. Чѣ заробить — все пропьютъ!

— Ты много-то не болтай! — крикнулъ вдругъ Данило-вогуль, — ты вогъ ему болташъ, а намъ вреда отъ этого выйти можетъ! Богъ его знать, что онъ за человѣкъ такой! Ты што старо то время хвалишь. Таперича гли (глядя), каки заработка! Доужеъ того мы какъ звѣри, жили, а теперь мы бѣлый хлѣбъ щедимъ, чай пьемъ; гли — въ кажномъ домѣ самоваръ!..

— А кака тресья въ самоварахъ-то! сказаль старикъ и смолкъ.

Тутъ началось угощеніе Заводскіе слушащие лиши сами и подносили присутствующимъ. Данило вогулъ хмѣльть все болѣе и болѣе; вдругъ онъ заплакалъ.

— Продаль я курбинскій лугъ, не видать мнѣ его больше!—жалобнымъ голосомъ сквозь слезы говорилъ онъ, растягивая слова,—продалъ Н за 18 рублей въ годъ. А лугъ-то какой, братцы мои, верста съ лишнимъ. Сѣна-то, сѣна двѣ тысячи пудовъ тамока ставится... Сирота я горе горькая!.

— Дуракъ ты, дуракъ!—захмѣльшимъ голосомъ упрекнулъ его старикъ,—ты-бы съ семьей своей сыть былъ эфтимъ-то лугомъ на вѣки-вѣковъ. А онъ, нако-ся, что сдѣлалъ...

— Зачѣмъ же ты его отдалъ? спросиль я Данилу.

— Нужда пришла, деньги занадобилисьшибко.

— Пропилъ онъ его,—вмѣшался одинъ изъ заводскихъ служащихъ,—они, вѣдь, здѣсь наппются, отца родного продадутъ. Тутъ, у нихъ, торговцы-то вѣзжие, всѣ луга законтрактовали а сѣно имъ выгодно: на заводъ по 50. а то и по 70 копѣекъ пудъ ставятъ, а эти дураки имъ-же за водку и скосятъ его. Ловко ихъ тутъ обѣгорили. Совсѣмъ стервецы, спились. Теперь почти безъ всего остались, только на зимогорахъ и выѣзжаютъ. А вѣдь по правдѣ-то, если разобрать, то эти самые вогулишки и есть настоящіе здѣсь хозяева.

— Знамо дѣло хозяива!—ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ Данила,—эфто супротивъ закона у насъ землю отобрали. Все наше. Мы управу найдемъ. Намъ матушка Екатерина царица жертвовала всю землю отъ Полюдова камня до верховьевъ Винчери, все въ нашу пользу, а насъ таинища тѣснятъ. Мы найдемъ управу, у насъ старая гумага есть; мы докажемъ...

— А ты знаешь, какимъ образомъ вамъ дарована эта земля? спросилъ я.

— А то какино. У насъ допрежь того былъ свой князь, его, значитъ мы слушались. Только у князя такой былъ обычай: если я, значитъ, женюсь, то перву ночь князь съ моей женой спитъ, такой, значитъ, обычай. Вотъ одинъ вогулъ въ

та поры женился. Князь послалъ за его бабой; на утро князь положилъ свою голову на колѣни къ вогулѣ и велить вшей искать. А мужу-то не въ терпежъ это пришлось, онъ схватилъ ножъ и пырнуль князя. Потомъ вогулы и передались русскимъ. Екатерина царица и дала намъ эту землю. Вотъ какъ было дѣло. Только толды не всѣ вогулы покерились русскимъ; много семей ушло за камень въ Березовъ, а здѣсь осталось мало.

Во время нашей бесѣды гости выпивали да выпивали и, наконецъ, совершенно опьянившись; началась руготня, нескладныя пѣсни и я вышелъ на улицу. Наткнулся на хороводъ. Несколько дѣвушекъ играли кругомъ и пѣли фабричныя пѣсни циничнаго содержанія, занесенные сюда зимогорами. Во время перерыва грызли кедровые орѣхи, бѣли конфекты и вели откровенные разговоры. Одѣты были всѣ въ ситцевыя платья, а на одной было даже какое-то подобіе шляпки.

— Глико ся, дѣвки!—воскликнула одна изъ дѣвицъ,—Ванька съ Микиткой идутъ, да—пья—яные! Вотъ смѣхота-то! Отъ земли парнишкѣ не видно, а они, налакались, ровно большіе!

Въ самомъ дѣлѣ къ хороводу подвигались два мальчика въ которыхъ я безъ труда узналъ моихъ лодочниковъ. Въ какомъ они видѣ! Оба шли пошатываясь. Визитки у нихъ были накинуты на одно плечо, въ зубахъ «цыгарки». Они всячески старались показать, что пьяны до послѣдней степени. Шатались изъ стороны въ сторону, искали, дѣлали видъ, что имъ дурно, ругались самымъ плохаднѣмъ языкомъ, словомъ, продѣливали всѣ манипуляціи, какія продѣливаются заправскія пьяницы.

Хороводъ встрѣтилъ ихъ веселыми восклицаніями и юнцы, подиѣвая циничной пѣсни, пошли съ кругомъ.

Грустно стало послѣ такой сцены и я пошелъ къ перевозу. Но мнѣ суждено было еще разъ наткнуться на безобразную картину. Проходя мимо одного огорода, я увидалъ совершенно пьяную старуху, которая во весь голосъ горланила: «Кругомъ я такъ осиротѣла!...

— Хорошо-ли я пою?—обратилась она ко мнѣ, прерывая свою пѣсню,—это всѣ

гряды мои, я лукъ хочу рѣзать, а тамъ Медвѣдихи гряды, она сволочь!.. А ты конторской, иди ко мнѣ, за виномъ сбѣгаю, деньги дай... У меня дочь есть!.. Хорошая дѣвка! баская! Она тебя разуважитъ... Иди...

Я спѣшилъ скрыться, старуха пришла въ ярость.

Подлецъ ты, конторской! Всѣ вы подлецы, споили насть. Перебить васъ надо, стервецовъ!..

Довольно, читатель! Прошу прощенія за описанныя сцены. Что-же дѣлать, если такова дѣйствительность, если такъ сложилась жизнь, а закрывать на нее глаза едва ли разумно, а главное—едва ли гуманно...

Еще нѣсколько разъ послѣ этого поѣхалъ я Усть-Уль. Миѣ хотѣлось увидать vogульскія грамоты, о которыхъ они такъ много говорятъ и на которыхъ съ дѣтскимъ легковѣріемъ возлагаютъ фантастическія надежды. Но до грамотъ было трудно добраться. Сами vogулы не знали, у кого въ настоящую минуту хранятся бумаги и при безшабашномъ пьянствѣ, ни на минуту не прекращающемся, трудно было добиться какого-нибудь толку. Наконецъ, я рѣшился обратиться къ своему знакомцу Даниилу. Зашелъ къ нему утромъ и засталъ его въ мухахъ жестокаго похмѣлья. Онь мрачно поѣдалъ какую-то тюрю изъ кваса и хлѣба. Въ его маленькой избушкѣ было грязно и дымно. Нѣсколько ребятишекъ играли на полу; сѣвшая старуха-мать качала въ люлькѣ ребенка.

— Да, у тебя, Данило, большая семья, заговорилъ я.

— Много, батюшка, у Данилы насть на хлѣбахъ живеть, только вотъ хлѣбушка нѣту, отвѣтила за него мать.

Данило мрачно молчалъ.

Я понялъ, что для достижения моей цѣли надо разогнать эту мрачность болѣе дѣйствительнымъ средствомъ.

Немного погодя съ повеселѣвшимъ Данииломъ я началъ обходить vogульскіе дворы въ поискахъ за грамотами; не легкое это было дѣло. Грамоты куда-то запропали. Наконецъ, пришли въ избу къ какому-то Федору Соловарову, гдѣ сидѣла пьяная компания. Грамоты оказались тутъ. Хозяинъ приказалъ своей женѣ привести ихъ;

она пошла въ «голбецъ» и вынесла деревянную шкатулку, въ которой беспорядочно кучей лежали разныя бумаги. Я принялъ ихъ разматывать. Присутствующіе vogулы заинтересовались моими поисками и пьяными голосами упрашивали меня:

— Ты ужъ похлопочи за насть! Мы тебѣ заплатимъ!..

Настоящихъ документовъ тутъ не оказалось: были копіи и притомъ самого сомнительного качества. Видимо, что онѣ нѣсколько разъ переписывались и смыслъ ихъ постоянноискажался. Такъ, напримѣръ, тутъ находился одинъ длинный свитокъ, съ потеряннымъ концомъ, переписанный не раньше 30-хъ годовъ нашего столѣтія. Это была человѣтная на имя государей Ioanna Алексѣевича, Петра Алексѣевича и Софы Алексѣевны (sic). Въ ней били челомъ «ниція бѣдныя сироты чердынскаго уѣзда вишерскіе и верхъ-печерскіе ясашные во-гуличишки сотникъ Ивашко Тулковъ, де-сятникъ Самсонко Дѣйковъ съ товарищи на обиды, чинимыя имъ russkими низовьевъ Вишеры». Въ человѣтной указывалось, что раньше vogулы ясакъ свой, состоящей «изъ четырехъ сорока семи соболей въ годъ», они платили аккуратно. Но нынче настали тяжелыя времена: «въ чердынскихъ vogульскихъ ясашныхъ угодьяхъ звѣри и рыбы стало менѣе; сверхъ того, въ тѣ ясашные старыя угодья russkie люди учинились ходить для звѣриной добычи за Кваркушъ и за Березовскій камень и для рыбной ловли отъ Морчану по Вишерѣ рѣкѣ до вершины и въ тѣхъ ясашныхъ угодьяхъ почали рыбу вылавливать большими неводами и отъ тѣхъ, государи, неводовъ въ рѣкѣ Вишерѣ стало бѣзрыбно и мы, сироты, отъ russkихъ людей въ томъ стали изобижены и голодны»...; далѣе сообщалось, что «раньше этого не было и по писцовъмъ книгамъ мѣста эти значатся за vogулями, а теперь стало совсѣмъ плохо и мы задолжали сибирскимъ vogуличамъ большими неоплатными долгами звѣри ушли отъ насъ за камень въ пармовыя мѣста, многія собаки у насъ померли и промышлять стало нечѣмъ»...

Придавать этой человѣтной какую-либо историческую цѣнность—рисковано. Она вся переполнена анахронизмами: помѣчено, что писана въ 1775 году, а обращена къ

государямъ Иоанну, Петри Алексѣевичами и Софию Алекс. (?)...

Другой-же документъ имѣеть болѣе цѣнности и достовѣрности. Такъ какъ вогулы имъ очень дорожатъ и на основаціи его считываютъ себя собственниками края, то я привожу его цѣликомъ:

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ соликамской воеводской канцеляріи. Чердынского уѣзда ясашные новокрещенные вогулы сотникъ Егоръ Андреевъ Соловаровъ и Кондратій Семеновъ Бахтиаровъ съ товарищи сего мая, поданнымъ въ соликамскую канцелярію вы доношениемъ представили прошлага-де 1774 года августа 3 дня во время бытности въ жительствѣ вашемъ села Верхъ-Язвы Рождественской церкви священника Госифа Собянина для исправленія подлежащихъ по духовности и для крестъ-лянъ потребъ, отдали вы ему, священнику, имѣющююся у васъ жалованную въ давнихъ годахъ грамоту и просили его, священника, чтобы совершенно за ветхостью съ оной списать вамъ точную кошю, который для списыванія и увезть въ домъ свой, а въ томъ мѣсяцѣ онаго священника домъ со всѣмъ строенiemъ и пожитками невѣдомо какимъ случаемъ сгорѣлъ и какъ вы ту жалованную грамоту у него, священника, стали требовать, оѧь вамъ объявилъ, что и реченная ваша грамота въ тотъ случаившійся пожаръ сгорѣла и для подлинной въ томъ вѣроятности дадъ вамъ за свою рукою объясненіе, которое вы на разсмотрѣніе приложили при томъ доношеніи и просили, чтобы о владѣніи показанными уже въ данномъ отъ священника Собянина объясненіи вогулитскими звѣриными промыслами и чтобы паче чаянія не могъ кто посторонній оными завладѣть дать вамъ отъ здѣшней канцеляріи письменное позволеніе также и данное отъ вышереченного священника объясненіе подлинное или съ него съ засвидѣтельствомъ канцеляріи точную кошю, дабы вы, въ случаѣ какихъ либо въ тѣхъ угодьяхъ съ кѣмъ споровъ, могли себя оправдать: справедливо въ ономъ приложенномъ объясненіи показано, что та грамота дана была просителемъ Рычкову да Ивану Елесину въ ней упомянуты были вогулитскими владѣньями съ востоку по вершинамъ рѣкъ: Лоззы, Койвы и Карт-

вы, съ полудня въ низъ по Лоззы отъ деревни Якишины до Половинной и деревни Квасовой верхотурского вѣдомства на Удыль и Черной горѣ по Шелегуру, отъ Усть-Чурка къ Шагалтау по Сосьвенской гравѣ въ верхъ Колышки до Усть-Олены рѣчки по верхнему озеру на Турью и Какву, съ западу: по язвинскимъ вершинамъ по Кваркашу и Помяненному камню, съ сѣверу: съ Усть-Банной рѣчки до вершины Печеры, того ради по указу Ея Императорскаго Величества и по резолюціи соликамской воеводской канцеляріи велѣно вамъ — сотнику Соловарову съ товарищи съ прописаніемъ вышеписанного дать указъ, чего ради сей по означеному отъ священника Собянина засвидѣтельствованію съ прописаніемъ вышеписанного и давъ, съ тѣмъ, что ежели въ оныя дачи кто будетъ вступаться, то вамъ съ тѣми ступальщиками ссоръ и дракъ отнюдь не чинить подъ жестокимъ наказаніемъ, а просить на тѣхъ вступальщиковъ въ соликамской канцеляріи, почему всякое законное удовольствіе вы получите, ибо вамъ сей указъ опредѣлено дать, такъ и съ явочныхъ чеболбентъ копіи даются по единому засвидѣтельству отъ священника. Мая 19 дня 1775 года. Воевода Алексѣй Борисовъ.

Изъ разспросовъ у стариковъ мы удались выяснить слѣдующее.

Лѣтъ 60 тому назадъ Усть-Улья насе-ляли исключительно осѣдлые вогулы. Но потомъ къ нимъ начали переселяться рус-скіе охотники изъ деревень Акчима и Писаной. Вогулы стали смѣшиваться съ рус-скими, утратили свой языкъ, свои национальные черты и совершенно ассимилировались съ пришельцами, которыхъ потомъ оказалось большее количество. Въ насто-ящее время вогульскихъ дворовъ числится всего 12, а всѣхъ, ведущихъ свое проис-хожденіе отъ вогуль, не болѣе 100—120 человѣкъ. Потомки вогуль отличаются отъ русскихъ большей красотой. Это все брюнеты съ прекраснымъ цѣвтомъ лица. О вогульскомъ ихъ происхожденіи свидѣтельствуютъ широкій носъ и выдающіяся скучлы. Но теперь, когда все вишерцы сдѣлались злостными алкоголиками, илемя это быстро вырождается. Въ особенности за-мѣтно вырожденіе на молодомъ поколѣніи, возбуждающемъ самыя грустныя мысли...

Вообще, усть-улсинцы народъ обреченный. Только два могучих фактора могли бы реставрировать народную нравственность, вывести ихъ изъ скотского состоянія, въ какомъ они теперь обрѣтаются. Факторы эти: церковь и школа. Но не воздвигается ни того, ни другого. За то процвѣтаетъ кабакъ, дающій годового дохода около тридцати тысяч!.. Да, усть-улсинцы обречены на погибель.. Жили они до сихъ порть тихо, смироно, занимались охотой, хлѣбопашествомъ, не знали роскоши и считали себя счастливыми людьми. Но вотъ циви-

лизациія внезапно врывается въ ихъ дикий край, коверкаетъ и ломаетъ жизнь обитателей, развращаетъ ихъ, понемногу стираетъ съ лица земли. Вѣдныя дикари ошеломлены, они не понимаютъ, что такое творится вокругъ нихъ; они видятъ только приманки цивилизациіи: богатую поденьщицу, самовары, бѣлый хлѣбъ, ситцы и водку, водку, водку... Они жадно бросаются на эти приманки и гибнутъ отъ нихъ.. Таковъ неумолимый закопъ природы и вae vicis!..

V.

На шитикѣ съ зимогорами.

— Однако, братъ, насчетъ сквернословія-то у васъ злѣсь свободно! обращаюсь я къ одному изъ обозчиковъ.

— Отъ самого Селижарова и вплоть до Астрахани у насъ эта рѣчъ идетъ!

— И понимаете другъ друга?
— Въ лучшемъ видѣ!..

Н. Шедриц.

24-го мая.

— Да будетъ вамъ ругаться-то, черти вы этакіе! не выдержаль, наконецъ, Андрей Ивановичъ.

Но голосъ его оказался «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Зимогоры, оборванные, грязные, пьяные, продолжали осипать другъ друга самыми отборными ругательствами. Они вошли въ азартъ и едва ли сами ясно сознавали кого и за что ругаютъ; но потребность, хоть въ сквернословіяхъ, выпить всю накопившуюся горечь въ ихъ душахъ заставляла ихъ произвести весь этотъ невообразимый шумъ.

— Ну, и народецъ! Что ты тутъ съ нимъ подѣлаешь! разводилъ руками Андрей Ивановичъ.

Два слова о герояхъ этой сцены.

Андрей Ивановичъ Ф. уроженецъ торгового села Покчи и служить у крупныхъ чердынскихъ купцовъ — Алиныхъ. Какъ большинство зажиточныхъ покчинцевъ, онъ очень степененъ и всякое дѣло совершаеть обдумавши, а главное, съ молитвой. У него масса примѣтъ и онъ имъ свято вѣритъ.

Какъ служацій — незамѣтны: преданъ хо-
зяевамъ и свято стоитъ за ихъ интересы. Онъ носить широкую окладистую бороду, въ глазахъ его свѣтится умъ и веселость; особенно нравится мнѣ его добродушная улыбка. Одѣвается онъ въ простой мѣщан-
ской костюмъ. Разговоры его интересны и показываютъ бывалаго, наблюдательного человѣка.

Въ настоящее время купцы Алины занялись, между прочимъ, золотопромышленностью. Ихъ пріиски находятся на одномъ изъ притоковъ Велса, въ 100 верстахъ слишкомъ отъ Усть-Улса. Андрей Ивановичъ обязанъ доставить туда съѣстные припасы. Порученіе это, благодаря отда-
ленности края и отсутствію дорогъ, не изъ легкихъ. До Усть-Улса припасы на шитикѣ были доставлены пароходомъ, теперь же надлежало двигать ихъ дальше, пока возможно на шитикѣ, а потомъ на болѣе лег-
кой лодкѣ. Главное затрудненіе состояло въ отысканіи рабочихъ. Два дня бился Андрей Ивановичъ и кое-какъ подрядилъ 12 человѣкъ зимогоръ. Не легкое это было дѣло! Объясненія приходилось вести съ пьяными людьми, которые едва-ли отдавали себѣ въ чёмъ нибудь отчетъ.

И вотъ, назначенный для отвала день наступиль, а зимогоры все еще плохо собирались. Да и собравшіеся — въ какомъ видѣ представали! Я видѣлъ такъ называемыхъ «золоторотцевъ» въ большихъ городахъ, но тѣ имѣли болѣе человѣческие облики и были франтами сравнительно съ вишерски-
ми зимогорами... Босые, въ изорванныхъ

рубахахъ, съ расщухшими отъ пьянства лицами, они производили ужасающее впечатлѣніе. Главное, поразительно было полное отсутствіе теплого платья и это въ климатѣ, гдѣ сѣть даже въ юнѣ мѣсяцѣ обычное явленіе!. Но зимогоры все прошли и, благодаря этому, вновь должны приняться за тяжелую работу, а заработанные деньги, конечно, вновь пропить

— Да скоро ли, черти этакіе, соберетесь? Еще троихъ не хватаетъ! волновался Андрей Ивановичъ.

— А ты что нами командуешь!—вдругъ накинулся на него одинъ изъ болѣе пьяныхъ зимогоръ,—ты думашь напялъ насъ. Такъ мы рабы твои стали, нѣть, врешь! Ты честью проси, такой-сякой, и посыпался цѣлый залпъ отборныхъ ругательствъ.

— Ну, вотъ, что съ ними подѣлаешь! повторялъ Андрей Ивановичъ. Онъ видимо боялся, что зимогоры разбѣгутся и пока мирволилъ имъ.

А время шло. Нашъ шитикъ исподвижно стоялъ у берега около деревни, а рабочіе все еще не всѣ собрались. Наконецъ, двоихъ выволокли съ сосѣдяго сѣновала, гдѣ они прикурнули, а третьяго привели въ самомъ растерзанномъ видѣ Андрей Ивановичъ торопился отправленіемъ. Но какъ истый покчинецъ онъ не могъ безъ обряда совершить это. Онъ въ носу шитика прикрыпилъ икону, которая все время путаница находилась тутъ, и крикнулъ зимогорамъ:

— Молитесь Богу!

По призыву его затерялся среди немолкавшихъ ни на одну минуту ругательствъ, которыми зимогоры осыпали другъ друга. Нѣкоторые изъ нихъ что-то варили на берегу, а другіе опрокинули это варево и подняли страшный шумъ.

Андрей Ивановичъ выходилъ изъ себя. Безъ общей молитвы онъ ни за что не рѣшался тронуться въ путь. Наконецъ, съ большими трудомъ удалось ему усадить въ шитикъ зимогоръ и водворить минутное молчаніе, послѣ чего было совершено молитвословіе. Намъ надо было переправиться на ту сторону Вишеры и идти послѣ бечевой. Поднялась страшная суматоха. Всѣ схватили шесты и безъ толку стали толкаться ими. Брызги воды летѣли во всѣ стороны и мочили насъ и багажъ. Страшно было за рабочихъ: того и гляди, упа-

дуть въ воду. Кое-какъ переправились на ту сторону и по слѣ долгой перебранки зимогоры виряглись въ бечевую. Андрей Ивановичъ стоялъ у руля. Крики, пѣсни, сквернословія... Нѣкоторые падали, ругались и опять шли. Черезъ сто шаговъ остановились.

— Андрей Ивановичъ! пора на почевку: воинъ сколько тутока дровъ!

— Погодите, окаянные! Дайте уйти отъ пьяной деревни.

Онѣтъ сыплются градомъ ругательства.

Версты черезъ двѣ, когда непавистный Усть-Ульск скрылся изъ глазъ Андрея Ивановича онъ далъ знакъ остановиться на ночлегъ. Еще не успѣли пьяные бурлаки прикальти шитикъ и развести огни, какъ обступили со всѣхъ сторонъ своего лоцмана и стали требовать водки. Но А. И. зналъ, съ кѣмъ имѣть дѣло.

— Хоть разорвите меня—не получите сегодня, а вотъ завтра въ обѣдъ подамъ.

Крики, шумъ, ругательства.

— Да ты хоть одежду дай намъ, хоть бахилы, что мы босикомъ што-ли по камнямъ пойдемъ!

— Бахилы я вамъ дамъ, и онъ желающимъ роздалъ одежду и обувь.

— Чочему-же вы въ деревнѣ имѣ не дали этихъ вещей? спросилъ я у Андрея Ивановича.

— Да вы не знаете этихъ людей! Въ прошломъ году самъ хозяинъ съ намиѣхалъ, такъ испугался, увидавши этихъ оборванцевъ, ему въ диковинку было. Вотъ онъ отъ доброго сердца и приказалъ выдать имъ одежду и обувь. А они что сдѣлали? Сѣжали въ село, да моментально пропили все съ себя, а на утро опять оборванцами явились. Знаю я ихъ!..

Вечерокъ становился холодноватъ. Отъ Вишеры пошелъ бѣлый туманъ. Даже въ мѣховомъ полушибѣ было не тепло. Шитикъничѣмъ отъ дождя не защищенъ и спать мы должны на землѣ. Андрей Ивановичъ около одного костра разложилъ одѣяльницу, подушки, щубу и пригласилъ меня лечь съ нимъ. Мы потомъ все время спали вмѣстѣ. Я не зналъ еще суроваго характера горныхъ почей и не былъ къ нимъ приготовленъ и не зналъ, что-бы мнѣ пришлось дѣлать безъ моего любезнаго спутника.

Долго еще вокруг меня шумели зимогоры, долго не могъ я освоиться съ новой обстановкой, но усталость взяла свое и подъ утро я забылся благодатнымъ сномъ.

25-го мая.

Роскошное безоблачное утро не могло разогнать мрачного настроения зимогоръ отчаянно страдающихъ муками похмѣлья; куда и дѣвалась вчерашия оживленность! Молчание нарушалось только какимъ-нибудь отдѣльнымъ ругательствомъ недовольного бурлака. Утренняя свѣжесть давала себя чувствовать и, пронимаемые дрожью, мы столпились около огня. Зимогоры начали просить опохмѣлиться. Въ особенности наставлялъ на этомъ одинъ, по фамилии Макаровъ. Онъ родомъ нижегородской губерніи и уже бѣлѣть «зимогоръ» на Вишерѣ. Это длинный мускулистый мужикъ лѣтъ сорока, съ рыжими волосами и опухшимъ лицомъ. Онъ первый началъ:

— Пожалуста, Андрей Ивановичъ, дай опохмѣлиться! въ галавѣ харчить!

Но Андрей Ивановичъ уже перемѣнилъ свой тонъ и сурово отвѣчалъ:

— Здѣсь вамъ не Усть-Уль! Это вы тамъ, какъ встанете, сейчасъ за водку. Быть лучше, да пейте чай.

— А чортъ-ли намъ въ чаю! Дай пожалуйста по стаканчику.

Ан. Ив. былъ неумолимъ. Зимогоры начали отчаянно ругаться, грозили уйти, но ничто не могло поколебать рѣшенія лопцмана. На первый разъ онъ позволилъ бурлакамъ прохладиться до 10 часовъ утра. Наконецъ, закусивши и напившись чаю, тронулись въ путь. Но плохо спорилась работа! Шли мы такъ: Андрей Ивановичъ стоялъ у руля, четыре зимогора длинными шестами «пехались» съ щитика, а остальные 8 человѣкъ шли бечевой. Видя съ какимъ трудомъ совершается передвиженіе, я все время съ ружьемъ за плечами шелъ берегомъ. Двигались тихо, не болѣе трехъ верстъ въ часъ.

Верстъ черезъ пять была сдѣлана остановка для обѣда. Зимогоры оживились: они знали, что передъ обѣдомъ Андрей Ивановичъ подастъ имъ водки. Не успѣли они хорошенько повѣсить надъ кострами котелки съ солониной и кашей, какъ обсту-

пили со всѣхъ сторонъ лопцмана, требуя немедленно водки. Съ какимъ наслажденiemъ они пили ее! Не прошло пѣсколько минутъ, какъ она оказала свое дѣйствіе на усталыхъ и голодныхъ зимогоръ: они начали изъ-за пустяковъ затѣвать другъ съ другомъ ссоры, кричать и ругаться самымъ отчаяннымъ образомъ.

— Ну, и народецъ! выпили и сразу зашагло въ башкахъ. Да замолчите-же, черти этакіе! возмущался Андрей Ивановичъ.

— Ребята, давайте еще по стаканчику просить! Андрей Ивановичъ подастъ, опъ добрый! крикнулъ одинъ изъ зимогоръ.

— Вѣрно, вѣрно! — вторили ему другие, — ребята, давайте качать Андрея Ивановича!

Насилу тотъ спасся бѣгствомъ, а вина больше, несмотря на ругательства, все-таки не далъ.

Часа два ушло на обѣдъ и пустую болтовню; съ большими трудомъ Андр. Иван. заставилъ двинуться дальше.

А какими красивыми мѣстами мы проходили! Да, чудно хороша эта холодная красавица Вишера! Какія скалы, горы! А эта свѣжая зелень, эти распустившіяся березки!.. Солнце съ безоблачного неба отражалось въ кристальныхъ водахъ Вишеры, освѣщая дно, усыпанное разноцвѣтными камешками... Но зимогоръ не трогали красоты природы, они шли мрачно и черезъ пять верстъ опять зароптали:

— Не хотимъ больше идти! Водки мало даются! Мы не лошади, что бы черезъ силу работать...

Принужденъ былъ Андрей Ивановичъ сдѣлать привалъ на ночлегъ.

Опять задымились костры, повисли надъ ними чайники, котелки. Вокругъ огней рабочие развѣсили свою промокшую обувь, одежду.

Я внимательно присматривался къ своимъ спутникамъ. Это была самая разно-калиберная компанія. Тутъ находились и молодые и старые, и всѣ съ разныx концовъ матушки Руси. Чуть не всѣ губерніи имѣли тутъ своихъ представителей. Большинство, конечно, были крестьяне, по имѣлъся одинъ поповичъ, два мѣщанина, а одинъ даже личный гражданинъ. И все это спившійся, потерянный людъ. Особенно

типичнымъ зимогоромъ былъ Макаровъ, о которомъ я уже упоминалъ. Его исторія, похожая на исторію другихъ зимогоръ, даетъ представление объ этой категоріи людей.

Около шести лѣтъ тому назадъ Макаровъ прибылъ на Кутимскій заводъ въ качествѣ рабочаго. Въ первый годъ ему удалось скопить изрядную сумму и онъ отослалъ на родину своей семьѣ часть заработка. Ему и на родинѣ жилось не дурно, онъ тамъ имѣлъ свое хозяйство, большую семью, но соблазнился заработками здѣшнихъ заводовъ. Проработавъ годъ, онъ уже хотѣлъѣхать на родину, но на свою бѣду пошелъ въ Усть-Ульсъ. Пьяная, разнуданная жизнь этого мѣстечка втянула его и онъ въ нѣсколько дней пропилъ свой годовой заработокъ. Опять пошелъ работать и на этотъ разъ, сколотивъ нѣсколько десятковъ рублей, прямо явился въ развеселый Усть-Ульсъ. Денегъ, конечно, хватило не на долго и несчастный быстро спился окончательно и превратился въ заправскаго «зимогора», т. е. совсѣмъ въ погибшаго человѣка. Года черезъ два къ нему явилась жена со старшимъ сыномъ, парнемъ лѣтъ восемнадцати. Она, не получая вѣстей отъ пропавшаго мужа, страшно встревожилась и изъ нижегородской губерніи рѣшилаѣхать въ такую даль! Но не на радость она прїехала! Нечего описывать ее отчаяніе при видѣ спившагося мужика... А затѣмъ... затѣмъ усть-улсинскій развратъ втянулъ и ее, и вотъ теперь около четырехъ лѣтъ вся эта семейка пробивается въ Усть-Ульсъ и всѣ трое пьютъ отчаянно. Сынъ также вошелъ во вкусъ этой жизни и сдѣлался тоже зимогоромъ и теперь находится въ нашей артели вмѣстѣ со своимъ отцомъ, съ которымъ они постоянно ругаются.

Обогрѣвшись и обсушившись около костровъ зимогоры принялись за ужинъ. Сытый желудокъ привель ихъ въ болѣе веселое настроеніе духа и они на время прекратили свои ругательства. Посыпались забористыя, бурлацкія шутки.

— А ты, Андрюха, которую зиму зимогоришъ? добродушно спрашивалъ одинъ зимогоръ другого.

— Да третью ешшо. Все хочу день-жонками подсѣрѣться, да проинвало, лѣшакъ его возьми!..

Веселый хохотъ покрываетъ это признаніе.
Бѣлая, холодная ночь тихо спустилась въ долины; смолкли разговоры, всѣ спали.

26-го мая.

Какъ непріятно просыпаться на свѣжемъ воздухѣ въ холодное утро! Вылѣзаешь изъ подъ теплой шубы, мокрой отъ росы, дѣлаешь нѣсколько отчаянныхъ сальтомортале и, дрожа, бѣжишь къ костру, гдѣ уже толпятся пророгшіе зимогоры. Сегодня они проспустились раньше. Одинъ разсказываетъ про свой сонъ:

— Видѣлъ я, братцы, будто домой попалъ. А сынишка у меня уже подросъ и спрашивается у меня: гдѣ это ты, тятка, шлялся столько лѣтъ? А я его какъ хвату корчагой по башкѣ—онъ и упалъ бездыханно!.. Я испугался и проснулся, давай скорѣй къ огню грѣться!

Но зимогоры не обращаютъ вниманія на его сонъ, они мрачны. Одинъ накинулся на молодого парня, родомъ изъ Усолья.

— Ты, чертовъ сынъ, куды мой топоръ дѣвалъ?

— Никакого лѣшаго я не видаль. Убирайся!

— Ахъ ты усольскій стрижъ! Да я тебя какъ хвачу!

— Да ты што ругаешься здря! Самъ ты чердынскій вѣкшоѣдъ!

— А такъ я вѣкшоѣдъ? наступаетъ онъ на парня.

— Знамо дѣло вѣкшоѣдъ! Всѣ вы чердынцы вѣкшой подавились, проклятые!

— А ты вотъ какъ! и начинается драка; насили розняли...

Въ путь тронулись въ десять часовъ; все прохлаждались за чаемъ и не слушали упрашиваній Андр. Ив.

Вишера становится все живописнѣе. Видѣнъ вдали «Пропацій» камень со снѣжной вершиной. На пути часто попадаются дамбы, устроенные инженеромъ Великановымъ. Благодаря имъ русло рѣки углублено достаточно. Какъ бѣшено клюкочть вода обѣ эти дамбы!

Все время параллельно рѣкѣ въ лѣсу проложена довольно обширная тропа.

— Это все рабочіе идутъ на золотые приски,—объяснилъ мнѣ Андрей Ивановичъ,—они и проторили эту тропу. За

льто то ихъ тутъ нѣсколько тысячъ пройдетъ.

Частенько попадали вамъ такіе путники, большей частью татары. Идеть такой бѣдникъ, нагруженный какъ лошадь, идеть сотни верстъ по пустынному лѣсу и часто возвращается обратно ни съ чѣмъ: рабочихъ на пріискѣ много и для него нѣть мѣста!..

Сегодня зимогоры идутъ лучше, видимо втягиваются въ работу. Передъ обѣдомъ имъ опять подали по стаканчику; опять они зашумѣли и начали требовать прибавки. Особенно властивъ Макаровъ.

— Ты вищему на паперти не подай,— умоляетъ онъ Андрея Ивановича,— а зимогору вина дай!

Во время обѣда съ сосѣдней горы спустились два всадника; когда они подѣхали къ намъ, Андрей Ивановичъ узналъ въ нихъ пріисковыхъ служащихъ, посланныхъ для помоши намъ.

— У васъ тутъ лѣто,— удивлялись они, — вонъ травы какія, а тамъ на пріискѣ еще снѣгу въ лѣсу не оберешься!

Наши бурлаки первымъ долгомъ справились, есть-ли на пріискѣ зимогоры.

— Есть, есть!— съ улыбкой отвѣчали вновь прибывшіе, — два человѣка: Яшка Пропацій, да Сенька.

— Вотъ работаютъ же наши, — разсуждали зимогоры, — можетъ и насъ примутъ.

Андрей Ивановичъ началъ разспрашивать какъ идеть добыча золота.

— Да все ешшо на настоящую точку нащастъ не могутъ. Хорошенько-то не принимались, торфа пока снимаются.

Въ этотъ день прошли немножко больше вчерашняго. На ночлегъ остановились въ очень живописномъ уголкѣ, у подножія скаль. Около костровъ началась обычная суета и долго воздухъ оглашался ругательствами. Наконецъ, усталые рабочие погрузились въ сочу и все смолкли.

Но я не могу спать въ эти дивныя, бѣллыя ночи. Я влѣзъ на одну изъ прибрежныхъ скалъ и стала любоваться раскинувшейся передо мной картиной. Вокругъ громады горъ высоко подымали свои вершины на встрѣчу свѣтло голубому беззвѣздному небу. Внизу темнѣть лѣсъ и Вишера, журча на переборахъ, вѣтется бѣлой лентой. Чудное зрѣлище! О, великая матерь-

природа! Какъ часто утомленный житейской борьбой и житейскими невзгодами я прибѣгалъ къ тебѣ разстроенный, мрачный и въ тебѣ одной черпаль бодрость и силу для дальнѣйшей борьбы за существованіе!..

А вонъ у самаго берега дымится огонекъ потухающаго костра. Вокругъ чернѣютъ фигуры спящихъ зимогоръ. Спите, дѣти несчастія и порока! Спите! Вамъ нужно сонъ, чтобы возстановить силы на завтрашнюю тяжелую работу... Я вижу, какъ нѣкоторые изъ васъ корчатся отъ холода подъ дырявыми запушишками, другие о чѣмъ-то вскрикиваютъ во снѣ, то

Сны тяжелые витають

Надъ ихъ безпутной головой!..

Спите-же спокойно! Хотя и погибшія вы созданія, но все же вы люди, вы мои братья! И много надо взять на себя, чтобы кинуть въ васъ камнемъ, что бы съ презрѣніемъ отъ васъ отвернуться. Пусть такъ поступаютъ фарисеи, а я братски протягиваю вамъ свою руку, ибо увѣренъ, что еще не окончательно погасла въ васъ «искра Божія!»

27-го мал.

Часто на пути намъ встрѣчаются громадныя площиади съ выжженымъ лѣсомъ. Мѣста эти поросли молодымъ березнякомъ. Андрей Ивановичъ передавалъ мнѣ, что лѣса раньше жгли сами вишерцы, чтобы отогнать подальше кочующихъ инородцевъ, какъ соперниковъ по охотѣ.

Заводская администрація старается захватить по Вишерѣ всѣ мѣста съ признаками рудорожденій, и мы встрѣтили на пути нѣсколько развѣдочныхъ партій. Въ болѣе богатыхъ рудорожденіяхъ заводъ поставилъ дома, къ которымъ проведенъ телефонъ, все времія идущій по берегу вилотъ до верхняго Чувала. Какая масса дровъ и лѣса заготовлена заводомъ! Заботится заводъ также и о пріобрѣтеніи луговъ и многіе острова теперь очищаются подъ сѣнокосы.

Сегодня передъ нашими взорами появилась знаменитая гора Юбрышка. Словно киль гигантской лодки высоко поднимаетъ она свою круглую, совершенно лишенную растительности, голову къ небу. Сѣроватый цвѣтъ этого гиганта, съ полосами снѣга, ярко выдѣляется на голубомъ фонѣ. Тутъ

мы должны оставить красавицу Вишеру и продолжать путь по стремительному Велсу, при устье которого расположены постройки бывшаго «Общества привицерских заводовъ», принадлежащія нынѣ французской компанії. «Общество», оказавшееся мертворожденнымъ, думало начать эксплоатацию юбрышкинскій руды и съ этой цѣлью возвело много построекъ для будущаго завода у подножія Юбрышки; выбранное мѣсто по пѣкоторымъ соображеніямъ оказалось неподходящимъ и заводъ думали основать при устье Велса но построивъ вѣсколько жилыхъ домовъ, амбаровъ, «общество» ликвидировало свою дѣла.

Теперь на Велсинской пристани живутъ служащіе французской компаніи—смотритель и телефонщикъ.

Мы съ Андреемъ Ивановичемъ зашли къ смотрителю. Дорогой я могъ убѣдиться, какъ много здѣсь потрудились надъ мѣстностью, чтобы сдѣлать ее обитаемой. Въ скалистомъ берегу были вырублены ступени; вѣсколько скаль взорвано, а къ Юбрышкѣ вела прекрасная дорога съ канавами по обѣимъ ея сторонамъ. По этой дорогѣ и должна была доставляться руда къ доменнымъ печамъ, мѣсто для которыхъ тоже было выбрано. Болото кругомъ осушено и былъ устроенъ прекрасный кирпичный сарай и распланированъ весь заводъ. Но всѣ замыслы рушились и французы часть построекъ переплавили теперь на Вижайху, а остальная разрушаетъ время и непогоды. Кирпичный сарай сгорѣлъ, подожженный, говорятъ, подрядчикомъ, которому отказали въ работѣ... И воцарилась здѣсь «мерзость запустѣнія»...

Изъ окна смотрительского дома открывался чудный видъ на окрестности. Внизу, отражая въ себѣ солнечные лучи, змѣялась Вишера среди скалистыхъ береговъ; на той сторонѣ шли лѣсистые холмы, а на горизонтиѣ голубѣлъ хребетъ Березовскаго камня, весь покрытый бѣлымъ, блестящимъ снѣгомъ. Картина была такъ чудно хороша, такъ величественна, что не хотѣлось отъ нея отрываться.

Послѣ чаю мы отправились осматривать знаменитую велсинскую пещеру. Начинается она въ долинѣ и входъ въ нее очень просторный. Когда мы зажгли свѣчи, то увидели такую картину: потолокъ, сажени въ четыре вышины, весь усыпанъ кристаллами

снѣга, который таялъ и каплями падалъ на полъ, гдѣ опять замерзалъ, и образовывались громадные сталактиты льда. Весь полъ также былъ покрытъ мокрымъ льдомъ, такъ что идти было опасно. Пещера углублялась ниже и мы отправились дальше. Своды все возвышались и коридоръ становился шире. Дальше ужъ не было сырости и полъ весь усыпалъ обломками камней, а большою частью мелкимъ известиекомъ. Дойдя до середины пещеры, мы невольно залюбовались представившимся зрѣлищемъ: потолокъ въ видѣ купола уходилъ далеко кверху; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ спускались до самой земли каменные столбы; полъ былъ чистый и сухой. Вся установка напоминала средневѣковый, готический храмъ. Зрѣлище привяло еще болѣе эффектный видъ, когда мы зажгли факелы. Тысячи огоньковъ заблестѣли въ сталактикахъ потолка... Дальше пещера поднималась выше и мы скоро дошли до ея конца; тутъ образовалась небольшая комната съ низкимъ потолкомъ, сплошь испещреннымъ русскими и французскими фамилиями бывшихъ здѣсь туристовъ. Тѣмъ-же порядкомъ вернулись мы на свѣтъ Божій, гдѣ нась сразу обдало и свѣтомъ и тепломъ. Длина пещеры имѣеть 103 сажени. Не далеко отъ нея для заводской надобности копали землю и нашли старинную кольчугу и шлемъ. Не служила ли эта пещера когда-нибудь убѣжищемъ для чуди?

Отдохнувъ немногого на велсинской пристани, мы двинулись дальше. Подвигаться по Велсу было въ тысячу разъ тяжелѣе, чѣмъ по Вишерѣ. Тутъ теченіе гораздо быстрѣе, а главное, все дно усыпано камнями, стояненіе о которые грозить шишки большими опасностями. Но главная бѣда въ томъ, что здѣсь нѣть бечевника, какой на Вишерѣ. Кусты часто стоять у самой воды и бѣднымъ зимогорамъ надо или перекидывать веревку черезъ нихъ или идти по холодной, какъ ледъ, водѣ. Выбирали болѣе удобныя мѣста, приходилось часто переправляться съ одного берега на другой. При переправахъ нась быстро сносило внизъ по теченію и опасность разбиться о камни была велика. Андрей Ивановичъ совсѣмъ охрипъ отъ криковъ.

— Поддѣрживай! Поддѣрживай! все времѧ безъ устали кричать онъ.

Несчастные зимогоры совсѣмъ выбились изъ силъ и только ругательствами отводить себѣ душу.

Промаявшись по Велсу версты двѣ, расположились на ночлегъ. Опять костры, опять сушка одежды и опять звонкая ругань разносится въ вечернемъ воздухѣ и эхомъ отдается въ сосѣднихъ горахъ. А съ боку на насъ смотрѣть Юбрышки, или вѣрнѣе двѣ Юбрышки, одна большая, а другая малая, очень похожая строенiemъ своимъ на большую. Онѣ, подобно хамелеонамъ, мѣняли въ продолженіе сутокъ свои цвѣта: днемъ сѣрыя, вечеромъ голубые и синія, синія при свѣтѣ блѣющей ночи...

28-го мая.

Какая холодная ночь! Погода хочетъ портиться. Показались тучи. Сегодня насы, кроме того, беспокоили комары.

Тяжело пришелся этотъ день для бѣдныхъ зимогор! Нынче мы сдѣлали всего пять верстъ, да и то удивительно, какъ одолѣли это разстояніе. Постоянно натыкались на мели, которыми богато низовье Велса. Бурлаки должны были соскакивать прямо въ воду и стапкивать штицъ. Всѣ страшно перезябли и вымокли до костей. Каждый шагъ давался съ боемъ. Безъ помощи лошадей едва-ли-бы мы могла пройти Бѣдный животныя! Онѣ все время тянулись бечевую и идутъ по колѣна въ холодной водѣ!

Къ вечеру запахло дымомъ. Видимо гдѣ-то лѣсной пожаръ.

Остановились въ избушкѣ сторожа, караулящаго постройки юбрышкинского завода. Отъ этой избушки до горы Юбрышки около двухъ верстъ прямой, какъ стрѣла, дороги. Было еще не особенно поздно и я рѣшилъ сдѣлать восхожденіе на знаменитую гору Дорога до нея прекрасно утрамбована камнемъ, черезъ болота перекинуты мости, теперь уже не поддерживаемые и разрушающіеся. Не дешево, вѣроятно, обошлась эта дорожка!

Вотъ передо мной показались зданія предполагаемаго завода. Онѣ расположены у самой подошвы горы. Вотъ обширный домъ управляющаго съ проведеніемъ къ нему водопроводомъ, а вотъ десятка полтора домовъ для служащихъ, амбары, бараки. И мертвая тишина царитъ вокругъ.

Не видно ни одного живого существа. Мрачный хвойный лѣсъ обступилъ со всѣхъ сторонъ эти безжизненные жилища, да громада сѣрої Юбрышки холодно и сурово смотрѣть на нихъ...

Съ какимъ-то страннымъ чувствомъ безотчетного страха бродилъ я между мертвыми домами и невольно въ памяти моей воскресала сказка, читанная мною еще въ детствѣ, о городѣ, въ которомъ, по мановенію волшебника, всѣ живыя существа сразу обратились въ каменные статуи... И чудилось мнѣ, что вотъ, вотъ я увижу окаменѣлыхъ людей...

По надо было торопиться восхожденіемъ на Юбрышку. Перебрѣль сначала рѣчку того же имени, каскадомъ низвергающуюся откуда-то съ горы въ долину, а затѣмъ началъ по камнямъ карабкаться вверхъ. Всѧ гора сплошь состоитъ изъ розыски мелкихъ камней и надъ уровнемъ Велса возвышается около 300 саженъ. Руда здѣсь настолько богата, что выступила на поверхность и всѣ плиты издаютъ металлическій звукъ. Раньше до самой вершины здѣсь были устроены ступеньки, но потомъ, при динамитныхъ взрывахъ, ихъ разрушили, а потому подъемъ въ настоящее время очень труденъ. Изъ подъ моихъ ногъ часто обрывались камни и съ шумомъ катились внизъ. Въ впадинахъ горы лежали много сиѣгу. Въ ложбинкахъ росли карликовые кедры, сосны, березки. Вѣтръ и холодъ дѣлали чувствительнѣе Къ сожалѣнію, времени въ моемъ распоряженіи было мало и я дошелъ всего до половины горы. Дымъ отъ лѣсного пожара скрылъ отъ меня окрестности и пришлось пуститься въ обратный путь.

Юбрышкинскую руду французская компания въ настоящее время не разрабатывается такъ какъ она очень плохо поддается плавкѣ и заключаетъ въ себѣ титаническій желѣзнякъ; пока у французовъ будетъ въ распоряженіи магнитный желѣзнякъ, до тѣхъ поръ юбрышкинская руда останется въ резервѣ.

На сегодняшнюю ночь мы пріютились въ избушкѣ сторожа и въ первый разъ за наше путешествіе заснули не подъ открытымъ небомъ.

Передъ сномъ сторожъ, весьма мрачный и сосредоточенный субъектъ, рассказалъ

намъ о тѣхъ ужасахъ, какіе онъ испыталъ нынче во время весеннаго половодья. Вода тогда сразу поднялась сажени на двѣ и льдины съ страшной силой двинулись на прибрежныя строенія и своротили съ основаніемъ амбаръ. Большая опасность угрожала и домику. Сторожъ съ женой въ испугѣ выскочили изъ дома и такъ какъ была ночь, то не знали, что имъ предпринять. Грохотъ напирающихъ льдинъ эхомъ разносился по сосѣднимъ горамъ и казалось, что тысячи орудий открыли канонаду...

— Вотъ она какова наша жисть-то тутока! закончилъ нашъ хозяинъ свой рассказъ.

29-го мая.

«Куда какъ упоренъ въ трудѣ человѣкъ!»

Да, удивительно упоренъ! Кажется невозможно и въ легкой лодкѣ пробраться по этому шумящему водопаду—Велсу, а наши зимогоры, между тѣмъ, тянутъ шиты съ 200 пудовъ багажу! Въ часъ мы одолѣваемъ не болѣе версты. Идемъ на двѣ бечевы. Одну тянуть лошади, а другую зимогоры. Дѣлаются частыя остановки.

— Стой, ребята, покуримъ! чуть не чрезъ каждыя сто саженъ раздается крикъ. Андрей Ивановичъ возмущается:

— Да будетъ вамъ, этакъ мы во вѣки вѣковъ до мѣста не доберемся.

— Мы вѣдь не скотины!—протестуютъ бурлаки,—самъ видишь — изъ силъ выбиваемся! останавливаются и курятъ.

Разъ двадцать, по крайней мѣрѣ, наскачивали мы на камни и тогда вся артель съ ругательствами лѣзла въ воду.

Когда сдѣлали привалъ для обѣда, никто не хотѣлъ раскладывать огни: такъ всѣ утомились. Но холодъ ихъ пронималъ въ мокрой одеждѣ и пѣкоторые зимогоры начали кричать на своихъ товарищѣ:

— Эй вы, несогласна артиль, добывайте огонь, мерзнуть мы чѣ-ли будемъ!

— А вы сами, варяки, што не раскладываете? Кричать-то всликъ умѣть!

Кое какъ развели огонь и навѣсили чайники, котелки; тутъ-же на прутьяхъ стали сушить мокрую одежду. Когда выпили свою порцію вина, то окончательно озвѣрѣли и ругательства посыпались градомъ. Одинъ зимогоръ имѣлъ неосторожность уронить

въ общій котель со щами свою портянку. Боже, какой поднялся шумъ!

— Ахъ ты черть одноглазый!—насту-пали на него,—да тебѣ и другой глазъ надо выткнуть! Вѣдь ты шти наши испо-ганилъ! Ребята! давайте бить его стер-вца!

Пришлось вмѣшаться Андрею Ивановичу. Но послѣ обѣда они опять пришли въ бла-годушное настроеніе и начали шутить.

Сегодня сдѣлали всего 8 верстъ и по-раньше расположились на ночлегъ: надо было дать вздохнуть и людямъ и жи-вотнымъ.

Къ нашей стоянкѣ подѣхали на душегубкѣ двое заводскихъ рабочихъ. Они ве-зутъ хлѣбъ для развѣдочной партии, рабо-тающей по Велсу.

Рѣка на нашихъ глазахъ все прибываетъ и прибываетъ; видимо въ верховьяхъ идутъ дожди и таетъ снѣгъ.

30-го мая.

Утромъ мы были разбужены въ четыре часа отчаяннымъ крикомъ. Когда я от-крылъ глаза, то въ первую минуту не могъ сообразить, что такое творится вокругъ меня. Во-первыхъ, меня поразила бѣлая пелена, покрывшая и землю и всѣ окру-жающіе предметы, а во-вторыхъ, какіе-то крики тамъ у рѣки. Когда я выскочилъ изъ-подъ шубы, то почувствовалъ страш-ный холодъ: за почь напало съ вершокъ снѣгу. Скорѣе побѣжалъ къ костру, гдѣ толпились нѣсколько дрожащихъ зимо-горъ

— Кто это такъ отчаянно кричалъ? спросилъ я.

— Да вчерашніе-то лодочники. Просто смѣху подобно что съ ими случилось!

Оказывается, что лодочники были такъ беззечны, что пичѣмъ не прикрыли свои ковриги хлѣба и не озабочились вытащить лодку подальше. За ночь рѣка прибыла и весь ихъ хлѣбъ смокъ. Всѣ труды, кото-рые они употребили на подъемъ, пропали даромъ. Они чуть не плакали, а вокругъ зимогоръ громкимъ хохотомъ и насмѣшками выражали имъ свое сочувствіе...

Трудности пути все болѣе и болѣе уве-личиваются. Сегодня отѣшили отъ шитика большую лодку и сложили въ нее часть багажа; лодку эту ведеть отдѣльно одна лошадь.

Я все время иду п'ышкомъ, часто удаляясь въ стороны въ надеждѣ встрѣтить какую-нибудь дичь. Но птицы всѣ теперь сидятъ на яйцахъ и мои охотничыя реко-гностировки безуспѣшны. За все время пути я застрѣлилъ только двухъ чирковъ!

Теперь мы дѣлаемъ еще болѣе частыя остановки. Хорошо, что на пути часто встрѣчаются избушки бывшихъ вишерскихъ охотниковъ. Къ сожалѣнію, большинство этихъ избушекъ предается зимогорамъ безжалостному истребленію. Ихъ жгутъ вмѣсто дровъ, а иногда и просто изъ удовольствія разрушенія. Зимогоры сами въ этомъ сознаются и глубоко возмущаются Андрея Ивановича.

Вѣдь выспится, обогрѣется, стервѣцъ, въ такой избѣ, а потомъ запалитъ ее, а того не понимаетъ, что самому еще можетъ пригодиться...

Погода сегодня насъ не баловала: ходно и мороситъ мелкій дождь.

31-го мая.

Прекрасное утро, прохладный солнечный день были намъ наградой за вчерашнее непогодье. Но масса комаровъ отравляетъ впечатлѣніе хорошаго дня.

Ну и путь! Подводные камни еще чаще, мели еще опаснѣе. Оказалось невозможнымъ тащить тяжело нагруженный шитикъ и мы часть багажа оставили на берегу, а потомъ вернемся за нимъ.

Зимогоры сегодня все время почти работаютъ въ холодной водѣ, а потому расположение духа у нихъ самое прескверное и ссоры на привалахъ становятся чаще и опаснѣе. Мнѣ кажется, что еще дней пять такого пути и дѣло безъ катастрофы не обойдется. Андрей Ивановичъ положительно смучился съ ними. Да, не легко ему приходится. Я положительно удивляюсь, глядя на него: оказывается, что онъ прежде никогда не былъ лоцманомъ и въ первый разъ нынче ведеть посуду, да еще по такимъ рѣкамъ и какъ умѣло ведеть!

— Да какъ-же вы рѣшились взяться за такое дѣло, Андрей Ивановичъ? удивился я.

— Хозяева приказали, а послушаться нельзя.

— Вотъ она удивительная приспособ-

ляемость русскаго человѣка! «Прикажутъ — завтра же будетъ акушеромъ!» припомнится мнѣ разсказъ нашего незавѣннаго сатирика...

1-го июня.

Наконецъ, сегодня въ десять часовъ днія добрались до устья рѣчки Почмога (праваго притока Велса), по которому пролегаетъ нашъ дальнѣйшій путь. Тутъ мы должны оставить шитикъ и багажъ будуть перевозиться по частямъ въ большой лодкѣ при помощи лошадей.

Мѣстность здѣсь очень красива. Какіе богатѣйшіе луга тутъ можно расчистить.

Сдѣлали привалъ и начали разбирать вещи.

Большинство нашихъ бурлаковъ рѣшило идти до пріска, гдѣ Андрей Ивановичъ обѣщалъ имъ работу, а нѣсколько человѣкъ, получивъ разсчетъ (по 1 руб. въ день), мечтаютъ обѣ удовольствіяхъ Усть-Улса и отправляются обратно.

— Что же вы п'ышкомъ пойдете? спросилъ я.

— Попрошай п'ышкомъ-то! Мы вотъ изъ сухопостоя изладимъ плотикъ и поплынемъ, внизъ-то хорошо!

Лѣсу здѣсь гибель и такой способъ передвиженія практикуется очень часто.

Отъ устья Почмога всего шесть верстъ до избушки Алиса и мы п'ышкомъ отправились къ ней. Путь пролегалъ живописной мѣстностью. То мы шли прекраснымъ боромъ черезъ холмы и скалы, то спускались къ громко шумящему и пѣнящемуся Почмогу. На пути по берегу встрѣчались старыя чамбы, памятникъ былыхъ охотъ вишерцевъ. Чамбы эти уже давно не видятъ оленьяго мяса и постепенно разрушаются.

По Почмогу много разныхъrudорождений. Такъ, напримѣръ, каменка Алинской избы сложена изъ прекраснаго желѣзного блеска, подобранныаго по близости. Теперь на томъ мѣстѣ сдѣланы заливки. Кромѣ того, Алины-же окрыли здѣсь присутствіе мѣдной руды и намѣрены заняться ея разработкой. Вообще, эта рѣка богатаго будущаго.

Сегодня позволили себѣ продолжительный отдыхъ и почумѣть въ избѣ, отъ которой до пріска 12-ть верстъ сухого пути.

2-го июня.

Грустное пробуждение: ручьи воды текутъ сквозь худой потолокъ на наши грѣшныя тѣла! Небо кругомъ окутано тучами и дождь видимо зарядилъ на долго. Грустно. Но надо трогаться въ путь. Андрей Ивановичъ уѣхалъ верхомъ, онъ торопится попасть скорѣе на пріискъ. Зимогоры пока остаются въ избѣ ждать прихода лодки. Я одинъ отправляюсь въ путь. Тутъ тропа одна и заблудиться трудно. Къ своему несчастію, я забылъ въ шитикѣ кожаный илацъ и скоро на мнѣ не было сухой нитки. Тропа шла сначала боромъ, а по-

томъ спустилась къ Почмогу, который предстояло перейти въ бродъ. Рѣчка вздулась отъ дождя и страшно клокотала. Я съ палкой въ рукѣ пошелъ осторожно впередъ. Быстро и сила теченія были такъ стремительны, что я съ трудомъ устоялъ на ногахъ, но все-таки переходъ совершился благополучно, только зачерпнуль полные сапоги воды. Но на это не стоило обращать вниманія. Я бодро двинулся дальше и черезъ три часа весь измокшій, страшно усталый и голодный достигъ Алинского пріиска, гдѣ былъ радушно принятъ управляющимъ г. В.

VI.

На золотыхъ пріискахъ.

...Сюда-то жадный человѣкъ
За золотомъ идетъ!
Оно лежитъ по русамъ рѣкъ,
Оно на днѣ болотъ.
Трудна добыча на рѣкѣ,
Болота страшны въ зной...

Некрасовъ.

Золотопромышленное дѣло на чердынскомъ Уралѣ имѣть за собой болѣе древнюю исторію, чѣмъ чугунолитейное. Какъ только въ концѣ 50-хъ годовъ правительство открыло Уралъ для частной золотопромышленности, такъ тотчасъ-же дѣло это здѣсь и развилось. Въ первое время оно вступило въ фазисъ серъезного и солиднаго предприятия, но спустя нѣсколько времени стало быстро падать и въ настоящее время кое-какъ держится. Причинъ упадка его много. Одной изъ главныхъ является отдаленность края, отсутствіе рабочихъ и соприженная съ громадными хлопотами и затратами доставка на пріиски съѣстныхъ припасовъ.

Первые золотоискатели наткнулись на очень удачные розсыпи, лежащія по рѣчкѣ Сайменкѣ (левый притокъ р. Кутима), вершина которой пересѣкала богатую розсыпь золотоносныхъ песковъ. Пріискомъ этимъ завладѣлъ крупный золотопромышленникъ Б. Добыча песку производилась имъ тремя способами: открытымъ разрѣзомъ торфа

(глубины 1—2 сажени), ортами изъ разрѣза и, наконецъ, посредствомъ шахтъ. Золото было крупное, богатое. Б. сдѣлалъ здѣсь себѣ большое состояніе. Но потомъ у него вышли недоразумѣнія съ его управляющимъ К. и хозяинъ вздумалъ его разсчитать, обвиняя въ неблаговидныхъ поступкахъ. К. не снесъ позора и застрѣлился подъ однимъ изъ громадныхъ кедровъ, который вишерцы и въ настоящее время показываютъ любопытнымъ Б., считая себя виновникомъ смерти К., прекрасно свое дѣло по Сайменкѣ и навсегда удалился изъ чердынского края. Послѣ того, другіе золотопромышленники принимались было за разработку этого пріиска, но неудачно: пески были потеряны, а для нахожденія ихъ требовалась серьезныя затраты, на что не имѣлось средствъ.

Но по рѣчкѣ же Сайменкѣ нашлось золото и въ другихъ мѣстахъ. Кромѣ того, найдено было золото въ верховьяхъ Кутима, а потому по притокамъ Велса: Почмогу, Маржайкѣ, Буртымкѣ, Чуролу и Шудьѣ. Во многихъ изъ этихъ мѣстъ золото было очень богатое. Но уже солидныхъ предпринимателей не являлось и разработка пріисковъ производилась самыми безобразными способами. Большинство пріисковъ не дало и десятой доли того, что могли бы они дать при разумно поставленныхъ работахъ. И все-же несмотря на это въ 70 хѣ годахъ въ раззвѣтъ здѣшней золотопромышленности, въ чердынскомъ Уралѣ добывалось

въ годъ до 16 пудовъ золота. Но потомъ пріиски истощились и дѣло это быстро стало клониться къ упадку. Новыхъ развѣдокъ уже не производилось и большинство разочарованныхъ золотоискателей откынули изъ этихъ краевъ ни съ чѣмъ.

Въ настоящее время въ чердынскомъ Уралѣ работаетъ всего пять—шесть золотоискателей, изъ которыхъ нѣкоторые занимаются перемывкой старыхъ эфелей. Въ общемъ, золота добывается не больше пуда въ годъ.

Но несомнѣнно, что при развитіи заводскаго дѣла, когда улучшатся пути сообщенія и доставка предметовъ первой необходимости не будетъ сопряжена съ такими затрудненіями,— золотопромышленность въ чердынскомъ Уралѣ получить широкое развитіе.

Алинский пріискъ, на который я прибылъ, расположены по рѣчкѣ Буртымкѣ въ двухъ верстахъ отъ ея впаденія въ Почомгъ. Пріискъ этотъ въ 70-хъ годахъ принадлежалъ вѣкоему Резанову, но былъ потомъ имъ заброшенъ благодаря трагическому обстоятельству. Дѣло въ томъ, что въ первый годъ онъ поставилъ здѣсь работы на лѣто, а съ приближеніемъ зимы рѣшилъ самъ возвратиться домой по Вишнерѣ черезъ Усть-Улсъ, а партию рабочихъ въ количествѣ 40 человѣкъ отправилъ черезъ Богословскій заводъ, отстоящій отъ пріиска въ 70—80 верстахъ. Осенью эти рабочіе, нагруживъ 12 верховыхъ лошадей, тронулись черезъ тайгу и горы по направлению къ богословскому заводу. Но ни одинъ изъ этихъ несчастныхъ не достигъ дому и все они исчезли безслѣдно... Случай этотъ навелъ панику на золотопромышленниковъ и Резановъ навсегда бросилъ свой пріискъ.

Года три-четыре тому назадъ пѣсколько старателей начали здѣсь не безъ успѣха производить свою хищническую работу. Слухъ о золотѣ распространился и, какъ водится, былъ сильно преувеличенъ молвой. Вѣсть объ этомъ достигла Алиныхъ и они вздумали пачать эксплоатацию пріиска. Эта фирма, видимо, рѣшила поставить дѣло на разумныхъ началахъ и первое время не скучится на затраты.

Не привѣтливый и въ высшей степени мрачный и дикій видъ имѣть мѣстополо-

женіе пріиска. Лежитъ онъ въ долинѣ отъ пологового Урала верстахъ въ шести. Со всѣхъ сторонъ обступили его высокіе лѣсистые холмы. Болотистая почва, поросшая темнымъ хвойнымъ лѣсомъ, еще болѣе усиливаетъ мрачный колоритъ картины. Среди торчащихъ пней стоять пѣсколько строений, носящихъ временный бивуачный характеръ. Домикъ управляющаго, пекарня, два барака контора, черная бани— вотъ и всѣ постройки. Объ эстетикѣ заботиться здѣсь никогда и кругомъ строеній кучами валяются разные отбросы.

Работы на пріискѣ пока заключаются въ развѣдкахъ и сосредоточены въ двухъ мѣстахъ долины по течению ключа; между верхними и нижними работами $2\frac{1}{2}$ версты разстоянія. На первый, даже неопытный взглядъ, видно, что работы поставлены правильно и направляются опытной рукой. Въ верхнемъ концѣ пріиска, ведалеко отъ строеній, пока работаютъ на одномъ вашгерѣ, а въ нижнемъ пока ставятъ «бутару».

Работа на пріискѣ отдается отрядами рабочій можетъ заработать въ мѣсяцъ отъ 25 до 40 рублей на свое содержаніе. Надо отдать полную справедливость Алинымъ—они не прижимаютъ своихъ рабочихъ и цѣны на припасы, несмотря на дороговизну и трудность доставки, весьма умѣренныя: хлѣбъ печенный 1 руб. чудь, масло коровье 30 к. фунтъ, сахаръ 22 к., просо 5 к., крендели 8 к., рыба соленая 13 коп.

Работаетъ здѣсь, между прочимъ, пѣсколько зимогоръ, о которыхъ управляющій г. В. отзываются очень плохо, какъ о негодныхъ работникахъ.

— Неблагонадежный это народъ!—говорилъ В.—постоянно съ нимъ происходятъ непріятныя столкновенія, да и работаютъ лѣниво. Вѣдь многіе изъ нихъ являются сюда чуть не въ чёмъ мать родила, даже зимой. Вотъ такого рабочаго нужно одѣть, потомъ онъ начинаетъ въ долгъ забирать припасы, а тамъ вдругъ прийтѣтъ ему блажь въ голову, онъ и уходить; терять зимогору нечего. Они такъ все время и проводятъ въ путешествіяхъ. Пропьется зимогоръ въ Усть Улсѣ, идетъ на Кутимъ, надѣясь тамъ, къ намъ на пріиски, здѣсь наскучить—на Чувалъ, а

тамъ на плотикѣ въ свой Усть-Ульсъ сплыть...

Г. В. прекрасно изучилъ чердынскій Ураль и его кочующихъ инородцевъ. Онъ совершилъ путешествіе по всѣмъ вершинамъ здѣшняго Урала и сдѣлалъ массу интересныхъ фотографическихъ снимковъ мѣстной природы и жизни. Есть у него снимки оленыхъ стадъ, чумовъ и инородцевъ: самоѣдовъ, остиakovъ, ногулъ.

— Остиаковъ я хитростью снялъ,—рассказывалъ онъ,—а то они страшно суетѣри и добровольно ихъ снять ни въ какомъ случаѣ нельзя.

Инородцы частенько осеню и зимой являются на пріиски, куда доставляютъ оленье мясо, а взамѣнъ того берутъ предметы цивилизациі: ситцы, саюги, калачи, а главное водку, до которой дикари такъ падки.

Въ весьма обязательно показалъ мнѣ всѣ пріисковыя работы и объяснилъ ихъ сущность. Рабочіе помѣщаются въ баракахъ; это зданія до 5 саж. длины и 3 ширины, сложенные изъ бревенъ; по бокамъ, около стѣнъ, идутъ сплошныя пары для 40—50 человѣкъ; два окна у самого потолка освѣщаются透过窗子的光. По срединѣ стоятъ громадный очагъ, сплошь уставленный металлическими чайниками. Когда рабочіе возвращаются съ работы, то свое мокре платье и обувь развѣшаиваютъ около очага для просушки. Въ одномъ баракѣ помѣщаются вмѣстѣ русские и татары; послѣднихъ преобладающее количество. Обѣ эти національности, столь различныя и по вѣрѣ и по temperamentу, уживаются прекрасно. По всей вѣроятности, этому способствуетъ отсутствіе на пріискѣ спиртныхъ напитковъ.

— Мирна живемъ!—говорили мнѣ татары,—вина пѣтъ — дѣлить намъ нечего. Только вина надо бы въ недѣлю по сороковѣ, это пьяна никогда не дѣлаетъ...

— А Магометъ то что скажеть?

— Эта работа бульна тяжела безъ вина. Магометъ молчать будетъ

А работа, дѣйствительно не легкая. Сначала снимается слой торфа, подъ которымъ лежитъ золотопоспый песокъ. Торфъ встрѣчается глубиной болѣе сажени. Послѣ торфа копаютъ пески, которые везутъ для

промывки къ вангерту. Работать, особенно пески, приходится въ сырыхъ канавахъ, иногда по колѣна въ водѣ. Тяжело достается также катаніе тяжелыхъ тачекъ съ пескомъ. За кубъ святаго торфянника рабочій получаетъ 3 р. 50 к., а за песокъ 4 р. 50 коп. Двое сильныхъ и умѣлыхъ рабочихъ въ день могутъ вынуть торфу 1 кубъ, а песковъ $\frac{2}{3}$ куба.

У вангерта, большей частью, работаютъ женщины. Эти несчастныя, я видаль и беременныхъ среди нихъ, стоя чутъ ве по колѣна въ холодной водѣ, цѣлый день перебираютъ лопатами землю, подставляя ее подъ струю воды.

Работа на пріискахъ начинается очень рано, часа въ 4—5, а кончается въ восемь вечера. Можно себѣ представить до чего утомляются рабочіе! Но всѣ лихорадочно работаютъ, всѣ надѣются наткнуться на самородокъ, за который выдается награда.

Каждый вечеръ г. В. дѣлаетъ «снимку» золота. Работа къ этому времени обыкновенно кончаютъ работу и ему никто не мѣшаетъ. На деревянной и наклонной доскѣ, перегороженной планочками, лежитъ куча мелкихъ галекъ, все, что осталось отъ промывки. быть можетъ, нѣсколькоихъ кубовъ земли. Среди этихъ-то галекъ и заключается золото. Его надо осторожно выдѣлить. Пускается небольшая струя воды; гальки отодвигаются рукой и подставляются подъ струю. Песокъ уносится тихонъко водой, а золото, вслѣдствіе своего удѣльного вѣса, остается внизу съ болѣе крупными гальками; кучка уменьшается до ничтожества: ее можно помѣстить въ горсть. Но неопытный глазъ все еще не увидѣтъ золота, развѣ ужъ встрѣтятся самородки золотника въ два. Кучку эту надо еще промыть нѣсколько разъ. Наконецъ, остается черный порошокъ — это шлихи, а среди него желтѣютъ какія то крупинки — это золото. Въ эту кучку кладется немного ртути, около которой группируются шлихи, а золото желѣзной лопаточкой тихонъко сгребается. Я былъ изумленъ, когда увидалъ въ первый разъ такую ничтожную частицу «презрѣннаго металла!» И для такой-то ничтожной кучки нуженъ каторжный трудъ чутъ не ста человѣкъ, нужно перерыть нѣсколько кубовъ торфа, песковъ!..

Такъ какъ работы на Алинскомъ прі-
искѣ пока имѣютъ развѣдочный характеръ,
то и золота добывается очень мало. Г. В.
жаловался, что залеганіе песковъ здѣсь
крайне неспокойное и идетъ валунами; но
все-же онъ не теряетъ надежды наткнуть-
ся на болѣе богатое золото.

Мы много говорили съ нимъ о положе-
ніи пріисковыхъ рабочихъ. Я выразилъ
мысль, что для нихъ было бы гораздо
удобнѣе жить на хозяйствомъ содержаніи
ибо на приготовленіе пищи у рабочаго ухо-
дитъ много времени, располагать которымъ
ему нельзя. Но В. возсталъ противъ мо-
ихъ словъ:

— Я изъ личнаго опыта знаю, что хо-
зяйское содержаніе повлечетъ за собой мас-
су недоразумѣній и недоразумѣній, могущихъ
окончиться плохо. Судите сами: мы у себя
пробовали кормить рабочихъ на свой счетъ.
Тогда у меня ихъ было 20 человѣкъ. И
насмотрѣлся я тутъ безобразій. Напримѣръ,
варятся щи изъ свѣжаго мяса, а въ об-
щій котелъ кладется его по $1\frac{1}{2}$ фунта на
человѣка, наваръ прекрасный, но зимого-
рамъ что-то не понравилось и они вылили
щі тутъ же на полъ казармы. Или пекутъ
хлѣбъ хорошій, имъ покажется плохъ. Они
плюютъ на ковриги, бросаютъ ихъ подъ
ноги, словомъ, бунтъ настоящій. Я велѣлъ
стрипкѣ подобрать хлѣбъ, обтереть его и
положить завтра къ обѣду. А потомъ спра-
шивалъ: хорошо-ли хлѣбъ? Они въ одинъ
голосъ кричали: «седыи хорошій, не то что
вчера!» Вотъ и подите съ ними. Нѣть. мы
отказались навсегда кормить ихъ на свой
счетъ...

Въ пяти верстахъ отъ Алинскаго прі-
иска по р. Мартайкѣ расположено дѣй-
ствующій пріискъ Н—на. Во время моего
здѣсь пребыванія явился къ намъ отъ
Н—на фельдшеръ. На каждомъ пріиске
по закону должна быть аптека и фельд-
шерскій пунктъ. Съ этимъ фельдшеромъ,
весьма молчаливымъ и несообщительнымъ
субъектомъ, я отправился на Н—кій прі-
искъ. Трона шла глухой пармой; въ лѣсу,
несмотря на іюнь мѣсяцъ, еще снѣгу было
достаточно. Когда кончился лѣсъ, то пе-
редъ моими глазами открылся чудный видъ
на Мартайскій камень, одинъ изъ числа
самыхъ звачительныхъ въ чердынскомъ
Уралѣ. Его сырый массивъ,увѣнчанный

блѣмъ, сверкающимъ снѣгомъ, какъ-то
легко поднимался кверху и царилъ надъ
окрестностью. Пониже начался лѣсъ, на
краѣ котораго и расположился пріискъ,
около котораго бурлила Мартайка, вливаю-
щая свои воды въ Велсъ.

Н—нъ одинъ изъ старѣйшихъ золото-
промышлениковъ въ здѣшнихъ мѣстахъ.
Кромѣ пріиска у Мартайскаго камня, у
него есть еще другое недалеко отъ Кутим-
скаго завода. Нѣкоторые изъ своихъ прі-
исковъ онъ сдалъ старателямъ, а самъ
занимается пока на одномъ. Нельзя ска-
зать, что на его пріискѣ работы постав-
лены образцово. Напротивъ, изъ всего вид-
но, что хозяинъ старается затратить какъ
можно меньше средствъ. Конечно, отъ этого
онъ много теряетъ.

Хозяйскія работы у Н—на ведутся на
два небольшихъ вишгерта, какіе употреб-
ляются только при развѣдкахъ. Видимо,
что больше всего для него имѣютъ значе-
ніе старательскія работы. Старатели мо-
гутъ золото на маленькихъ ручныхъ стан-
кахъ. Мартайскій пріискъ эксплоатируется
давно и, по всей вѣроятности, истощится
въ недалекомъ будущемъ. Въ настоящее
время онъ даетъ хозяину отъ 20 до 30
фунтовъ золота въ годъ.

Постройки здѣсь болѣе убогія, чѣмъ у
Алина и казармы рабочихъ едва-ли удовле-
творяютъ требованіямъ гигіены. Среди ра-
бочихъ, которыхъ во время моего посѣще-
нія было 45 человѣкъ, много женщинъ и
дѣвушекъ. Служащихъ у Н—на немного:
всего два человѣка: «смотритель»—бойкій
мальчикъ, лѣтъ 18, да молчаливый фельд-
шеръ, играющій роль запасчика. Видимо,
что здѣсь царить принципъ какъ можно
большаго сбереженія денегъ.

Самъ Н—нъ помѣщаются въ убогой избѣ
и бываетъ на своемъ пріискѣ не больше
2 хъ мѣсяцевъ въ годъ. Я засталъ его за
утреннимъ чаємъ, послѣ котораго онъ от-
правился слѣдить за работами, пригласивъ
меня отобѣдать чѣмъ Богъ послалъ. Въ
моемъ распоряженіи оказывалось свобод-
ныхъ 6 часовъ и я рѣшилъ употребить
ихъ на восхожденіе на Мартайскій камень.
Пройдя версты двѣ лѣсомъ и вслѣдствіи
на пути рабчиковъ, я достигъ подножія
гиганта чердынскаго Урала. Вблизи онъ
имѣть еще болѣе величественный видъ.

Цепельного цвета каменные громады, въ видѣ отдельныхъ сопокъ, парить надъ окрестностью. У самого подножія камня бурлитъ рѣчка Мартайка, которую мнѣ съ грудомъ удалось перейти.

Я началъ восхожденіе. Сажень 50 шель лѣсъ; какъ поздно наступаетъ здѣсь лѣто! Въ долинахъ Вишеры, когда мы шли шитикомъ, все цветло и благоухало, а тутъ еще только почки на березахъ распускаются. травы почти не поднялись, въ каждой впадинѣ снѣгъ. Лѣсъ кончился и пошла обычная розсыпь. При отсутствіи инструментовъ я не могу съ точностью указать высоту камня, но, приблизительно, надъ уровнемъ Велса онъ возвышается около версты. Какъ труденъ подъемъ! Главное, какъ обманчива эта гора! Вы поднимаетесь и видите передъ собой вершину: сейчасъ конецъ, думаете вы, не тутъ-то было! Поднимаетесь на видимую высшую точку и опять передъ вами вершина и опять тотъ же обманъ... Чѣмъ выше взбирался я, тѣмъ становилось холодче, а вѣтеръ усиливался. Что бы, по возможности, избѣжать острыхъ камней, обсыпающихся съ шумомъ за мною, я старался идти тѣми немногими площадями мха и снѣга, которыя встрѣчались на пути. Часа два длился этотъ трудный подъемъ. Сердце бѣсѣдѣло усилилось и я выбивался изъ силъ, тѣмъ болѣе, что съ утра ничего неѣлъ. Но вотъ еще цѣлько шаговъ и я на высшей точкѣ Мартайского камня... Чудное, не поддающееся описанію, зрѣлище было мнѣ наградой за мою настойчивость. Очарованый, словно заброшенный въ сказочное царство, безмолвно созерцать я эту дивную картину... Я попалъ въ самую середину горъ. Вокругъ меня со всѣхъ сторонъ стремились къ далекому небу исполнены Урала. Какія формы и очертанія, какія краски и тона! То въ видѣ круглыхъ шапокъ, то острыми пиками, то конусами то самыми фантастическими башнями всѣ эти вершины выдѣлялись на голубомъ фонѣ неба. Ближнія изъ нихъ были сѣраго, цепельного цвета, болѣе отдаленныя голубаго, а еще болѣе далекія совсѣмъ синяго. Въ особенности сказочной красотой своей привлекалъ взоры Тулынскій камень, съ острой, въ видѣ гребня, вершиной. Онъ почти весь покрытъ бѣлымъ

снѣгомъ, отражающимъ лучи солнца. А въ долинахъ чернѣли лѣса; казалось что они взбѣгали на эти горы, но, не достигнувъ и половины ихъ, порѣдѣвъ и измельчавъ, останавливали свой дерзкій бѣгъ... Отведя очарованный взоръ отъ горъ, я началъ разматривать долины. Съ трудомъ нашелъ я игрушечная, крохотная строенія Н—го пріиска. Какъ ничтожны казались сверху эти сѣренъкія пятнышки! Среди лѣса вилась тоненькая серебряная ленточка: то былъ Велсъ.

Поверхность Мартайского камня, состоящая изъ трехъ отдельныхъ сопокъ, пересѣкаемыхъ долинами, составляетъ площадь приблизительно въ 15 кв. верстъ. Вся она поросла мхомъ и кочевники нерѣдко пасутъ здѣсь стада оленей.

Часа четыре бродилъ я по плато. Тутъ были и тундры и сухія мѣста. Въ одномъ мѣстѣ простило небольшое озерко, съ чистой, кристальной водою. Вокругъ царило цолявшее безмолвіе. Вдругъ изъ-подъ моихъ ногъ вспорхнула бѣлая куропатка и, уѣдѣвшись въ цѣлькошагахъ, смотрѣла на меня съ удивленіемъ. Это было единственное живое существо, единственная обитательница камня. Она показалась мнѣ его таинственнымъ духомъ и какъ-будто спрашивала меня: «дерзкій человѣкъ! зачѣмъ ты забрался въ это царство сафага и камня?»..

Усталый и голодный началъ я спускаться съ камня. Дѣло не легкое. Я избралъ себѣ лощину, салошь покрытую снѣгомъ, и началъ по ней свой спускъ. Снѣгъ отвердѣлъ и надо было его продавливать, чтобы не скатиться внизъ съ этой импровизированной катушкѣ, длиною сажень въ 500.

Солнце скрылось за горами, когда я возвратился подъ кровъ Н—на, обезпокоенъ наго моимъ долгимъ отсутствіемъ.

За ужиномъ, гдѣ главную роль играли пельмени изъ солонины, у насъ завязалась бесѣда о золотопромышленности. Н—нь сильно жаловался на здѣшнихъ рабочихъ, приписывая имъ, главнымъ образомъ, упадокъ золотопромышленности.

— Неудивительно, что золотое дѣло въ чердынскомъ краѣ приходить въ упадокъ,— говорилъ онъ,— съ рабочими здѣсь возня большая. Старательскія работы здѣсь не-

возможно поставить на правильную ногу, какъ въ среднемъ Уралъ. Тамъ, обыкно-
венно, золотопромышленникъ объявляетъ
на своемъ пріискѣ такую-то площадь от-
крытой для старательскихъ работъ и наз-
начаетъ извѣстную цѣну за золотникъ. Сей-
часъ же является масса желающихъ и на-
чинается работа. Хозяину о рабочихъ за-
ботиться нечего, его дѣло только приви-
матъ золото. Здѣсь-же совсѣмъ другія усло-
вія. Сюда рабочій является чуть не наги-
шомъ и его надо одѣть, да давать ему
въ долгъ припасы; онъ влѣзеть у хозяина
въ долги и, такимъ образомъ, держить его
въ своихъ рукахъ. А потомъ повздорить
съ нимъ и безъ всякаго разговора уходить
или на Чувалъ, или на Кутимъ гдѣ по-
вторяетъ ту-же исторію. А то еще такія
вещи откальваютъ: наберется ва пріискѣ
много рабочихъ, сбанишь имъ цѣну, вотъ
тѣ, которые похитрѣе, стануть другихъ
смущать: «дескать здѣсь плохо, а на за-
водѣ хорошо», дураки повѣрять и уходятъ.
а оставшіеся бунтуютъ и требуютъ повы-
шения заработка...

— А какъ у васъ велика заработка
рабочихъ?

— Дѣльный рабочій можетъ исполнить
свой урокъ, у меня здѣсь обыкновенно
задаются уроки, часамъ къ 2 дня и за-
работать до рубля, а потомъ можетъ за-
няться старательской промывкой и зара-
ботать столько же. За лѣто нѣкоторымъ
приходится до 100 рублей. У меня нѣ-
сколько лѣтъ работаетъ одна семья, со-
стоящая изъ мужика, бабы и дѣвки и имѣ-
въ лѣто приходится до 150 рублей; когда
они благополучно минуютъ Усть-Улсъ, то
всѣ деньги приносятъ домой въ камыш-
ловскій уѣздъ.

— А случается, что и не приносятъ?

— Да, бываетъ. Они въ прошломъ году
застряли въ Усть-Улсѣ и неутѣрили: ста-
ли пить. Въ нѣсколько дней прокутили и
деньги и одежду, какая была, и пришло имъ
на зиму вернуться опять на пріискъ.
Много здѣсь такихъ случаевъ бываетъ.

Старателямъ Н—нѣ платить за золот-
никовъ 2 р. 50 к., между тѣмъ рядомъ на
Алинскомъ пріиску за золотникъ объявлена
цѣна 3 руб. 50 коп. Конечно при такихъ
условіяхъ большую часть золота старатели
укрываютъ и сбываютъ въ Усть-Улсѣ, гдѣ

уже завелись хищики. Да и рабочимъ не-
выгодно показывать много золота хозяину:
добычное мѣсто онъ отниметъ у старателя
и поставить свои работы...

Междуд старателями есть специалисты въ
дѣлѣ воровства золота. Минъ на пріискѣ
г. Шайдурова (около Кутимскаго завода) показывали на одного хохла, про ловкость
котораго сложились цѣлыя легенды. На-
ружность этого знаменитаго вора ничего
особенного не представляеть: старикъ, лѣтъ
шеестидесяти, согнутый съ хмурымъ ли-
цомъ и хитрыми, бѣгающими глазками, онъ
не останавливается на себѣ вниманія А,
между тѣмъ, это артистъ въ воровствѣ
золота. Масса разсказовъ ходить про его
подвиги. Разъ онъ верхомъ на лошади воз-
вращался съ пріиска. У рѣки Лямы его
нагоняютъ стражники съ понтыми, чтобы
секвестровать украденное золото. Начина-
ютъ обыскивать Но самыи старателы
обыкъ не приводить ни къ какимъ ре-
зультатамъ. Скопиженный стражникъ от-
пускаетъ хохла. Онъ спокойно переплы-
ваетъ шумящую рѣчку и на томъ берегу,
въ глазахъ своихъ преслѣдователей под-
нимаетъ хвостъ у лошади, показываетъ при-
вязанный къ хвосту мѣшечокъ съ золотомъ
и кричитъ:

— Что взяли, дьяволы! и ускакать.

Въ другой разъ его стали обыскивать
послѣ дневныхъ работъ на пріиску. При-
казали ему раздѣтъ. Онъ снялъ съ
себя фуражку и даетъ ее стражнику со
словами:

— Подержи пока фуражку, да не изо-
мни: новая

Опять ничего на немъ не нашли. Онъ
одѣлся, взялъ изъ рукъ полицейского фу-
ражку и удалился. Потомъ оказалось, что
нѣсколько золотниковъ песку у него было
спрятано въ фуражкѣ за окольшемъ...

Однѣй инженеръ, пріѣхавшій сюда для
ревизіи пріисковъ, заинтересовался этимъ
субъектомъ и, наблюдая его работу за ваш-
гертомъ, спросилъ:

— Можешь ли ты украсть золота сей-
часъ на моихъ глазахъ, чтобы я не за-
мѣтилъ?

— Съ полнымъ удовольствиемъ, ваше
высокородие!

Инженеръ обѣщалъ ему дать 10 рублей,
если тотъ украдетъ незамѣтно. Прошло ми-

путь пять, хохоль отдалять въ это время золото отъ шлиховъ.

— Ну что — украдъ?

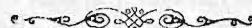
— Такъ точно! и къ великому изумлению инженера ловкій воръ высплюнулъ изо рта пѣсколько крупинокъ золота. Оказывается, что отмахиваясь отъ комаровъ, онъ успѣлъ незамѣтно сунуть его въ ротъ. Инженеръ покалъ плечами и выдалъ свой проигрыш...

Такъ какъ на пріискахъ работаютъ женщины и дѣвушки, то романы между рабочими здѣсь не рѣдкость. И — нѣ передавать мнѣ, что почти всегда, уходя съ пріиска, рабочій уводить съ собой и предметъ своей страсти. часто противъ воли послѣдняго Но въ пустынѣ право на стиронѣ сильного и женщинѣ приходится по коряться. Обыкновенно въ такихъ случа-

яхъ она тихонько говорить своимъ пріятельницамъ:

— Вотъ дойду со своимъ вариакомъ до широкаго мѣста да и убѣгу отъ подлена тамоха!

«Широкимъ мѣстомъ» здѣсь зовется всякий населенный пунктъ, а главное Усть-Улъсъ. Послѣ дня каторжнаго труда, засыпая на жесткихъ нарахъ, почти каждый рабочій мечтааетъ объ этомъ широкомъ мѣстѣ. Въ его воображеніи рисуется рядъ заманчивыхъ картинъ, ожидающихъ его съ заработанными деньгами въ Усть-Улъсъ, этомъ Эльдорадо пьяница.— «Ужъ попирую-же я тамъ, всласть отдохну!» и во имя этой мечты несчастный работаетъ, какъ волъ, ведеть жизнь полуолодную, мокреть подъ дождемъ, ежится отъ холода, дышеть зловреднымъ воздухомъ зловоннаго болота...

VII.

На оленяхъ по Уралу.

По этимъ тундрамъ бѣуждаютсяnomads со своими стадами оленей. О, прелестная, свободная жизнь! Когда захочется кочевнику, онъ разставитъ палатки и соберетъ вокругъ себя одеяй, а надоѣтъ — пойдетъ дальше. Я почти завидовалъ ему: никакой цѣли, никакой заботы, только живи! Я почти желалъ пожить такой жизнью nomada, пожить въ свое удовольствие, не связанный ничѣмъ...

Фриміофъ Нансенъ.

Какъ самъ сѣверный поясовой Уралъ, такъ и вершины его отроговъ представляютъ изъ себя, по большей части, болотистую тундру, поросшую въ изобилії ягелемъ. На этихъ-то вершинахъ кочующіе инородцы Европы и Азіи пасутъ свои стада сѣверныхъ оленей. Въ зимнее время эти возвышенныя тундры представляютъ то преимущество, что на нихъ животными легче отыскивать себѣ мохъ, чѣмъ въ долинахъ, такъ какъ вѣтры выдуваютъ здѣсь снѣгъ. Конечно, морозы въ горахъ свирѣпствуютъ ужасные, но кочевники и ихъ стада не боятся холодовъ.

Собственно въ чердынскомъ Уралѣ вершины съ большими тундрами немногого

зочутие здѣсь не больше семи 10—15 инородцевъ, въ составѣ которыхъ вошли слѣдующія племена: остыки, vogулы, само-ѣды и, въ послѣднее время, ижемцы.

Желая увидѣть вблизи жизнь чердынскихъ кочевниковъ, я еще на золотыхъ пріискахъ собиралъ о нихъ свѣдѣнія. Алинскій управляющій В. сообщилъ мнѣ, что въ эту зиму въ пяти верстахъ отъ его пріиска, на самомъ поясовомъ Уралѣ, кочевала семья остыковъ со стадомъ головъ въ 500. Но остыки мѣсяца два уже не являлись на пріискъ для продажи мяса и В. не знаетъ, тамъ ли они теперь. Видя мое страстное желаніе, онъ мнѣ посовѣтовалъ сходить на Уралъ, попытать счастія: быть можетъ, остыки еще не перекочевали въ другое мѣсто.

— Я вамъ и проводника найду, а то такъ отыскать ихъ кочевые трудно.

Въ тотъ же вечеръ въ контору пришелъ рабочій Василій, уроженецъ Вишеры, котораго любезный хозяинъ давалъ мнѣ въ проводники. Это былъ маленький, невзрачный мужиченокъ, лѣтъ сорока, съ небольшой бородкой, съ угрюмымъ лицомъ, крайне неразговорчивый. Оригинально было его появленіе. Онъ вошелъ какъ-то бокомъ и, устремивъ свой взоръ въ стѣну, медленно и растягивая слова, спросилъ:

— А на что меня звали? — Ему объяснили.

— А гдѣ талеря вогуловъ-то найдешь?

— Да ты скажи только, согласень-ли вести на Ураль, а тамъ ужъ не твое дѣло, найдемъ мы ихъ или нѣтъ.

Мужиченко смолкъ. Въ совершенномъ молчаніи простоялъ съ четверть часа, повернулся и ушелъ, оставилъ насъ въ совершенномъ недоумѣніи. Но въ слѣдующій день утромъ изъявилъ свое согласіе быть проводникомъ. Захвативъ чайникъ, топоръ и ружье, мы двинулись въ путь.

Утро было прекрасное, солнечное Сначала мы шли долиной рѣки Почиога, небольшими лугами, гдѣ уже распустились травы и пташки весело чирикали въ кустахъ ивняка. Мѣстами возвышались рощицы березъ, осинъ, черемухъ. Затѣмъ начался хвойный лѣсъ и дорога замѣтно пошла въ гору. Черезъ лѣсъ къ Уралу ведеть, такъ называемая, «вогульская» дорога, какими здѣсь перерѣзаны всѣ лѣса.

Инородцамъ часто приходится переходить со своими стадами оленей съ одного камня на другой и переходы эти приходится совершать черезъ долины, поросшія дремучими лѣсами; съ незапамятныхъ временъ черезъ эти лѣса проложены ими дороги, известныя у вишерцевъ подъ названіемъ «вогульскихъ», такъ какъ вишерцы вообще всѣхъ инородцевъ называютъ вогулами.

При словѣ дорога мы представляемъ себѣ вполнѣ удобный путь, по которому можно проѣхать и на колесахъ. Но вогульская дорога ничего общаго съ нашими до рогами не имѣютъ. Это просто просѣка, среди дремучаго лѣса, просѣка, на которой торчатъ пни срубленныхъ деревьевъ и которая большей частью пролегаетъ болотомъ, гдѣ оленямъ легче бѣжать. Не дай Богъ цивилизованному человѣку совершить лѣтомъ путешествие на оленяхъ по вогульской дорогѣ! До сихъ поръ морозъ у меня пробѣгаєтъ по спинѣ при одномъ воспоминаніи о прелестяхъ этой дороги, которыя мнѣ довелось испытать... Но я забываю впередъ. Предшествуемый мрачнымъ, молчаливымъ проводникомъ, шагалъ я по болотамъ, перепрыгивая черезъ пни на вогульской дорогѣ, поднимался на холмы, спускался съ нихъ. Пытался я заговорить со своимъ спутникомъ, но безуспѣшно. Ви-

димо онъ не понималъ цѣли, съ какой я стремлюсь къ «вогуламъ» и видѣть въ этомъ одну пустую затѣю, а потому циталь ко мнѣ чувство самаго глубочайшаго презрѣнія.

Наконецъ, подошли мы къ подножію Урала и начали подъемъ. Скоро кончилась полоса лѣсовъ и мы вступили въ царство камня и мха. Въ этомъ мѣстѣ поясовой Ураль не особенно высокъ и представляетъ изъ себя плоскую возвышенность, поросшую мхомъ и мѣстами темными пятнами низкорослого можжевельника. Во всѣхъ ложбинахъ лежитъ снѣгъ. По обѣ стороны Урала раскинулись долины съ темнѣющими хвойнымъ лѣсомъ; отроги Урала поднимали свои,увѣнчанные снѣгомъ, вершины на встрѣчу синему небу... Знакомый, величественный видъ... Находясь на срединѣ кряжа, я стоялъ на рубежѣ Европы и Азии. По одну сторону разстился верхоторукій уѣздъ, а по другую — чердынскій.

На верху дуль вѣтеръ и было очень прохладно.

— Вогулы ушли! сказалъ мой проводникъ.

— А ты какъ знаешь?

— Оленей нигдѣ не видно, значитъ, ихъ вѣту.

Въ самомъ дѣлѣ, на всемъ пространствѣ тундры не виднѣлось ни одного животнаго. Я взлѣзъ на одну розсыпь, выше высокую, и съ высоты ея убѣдился, что окрестность пуста. Но всюду на землѣ виднѣлись признаки недавняго присутствія здѣсь кочевниковъ: валялись обрывки кожи, роговъ, виднѣлись слѣды костровъ, по сами люди отсутствовали... Съ горя вздумалъ чайничать. Нарубили вѣтвей можжевельника и развели небольшой оговекъ; чайникъ набили снѣгомъ и пожѣли надѣгнемъ. Товарицъ мой убѣдительно молчалъ. Я созерцалъ разстилавшуюся передо мной картину. Какое отсутствие жизни кругомъ! Сѣрый мокъ, сѣрые камни утомляли глазъ своей монотонностью. Воинъ надѣ долиной плыветъ облачко. Оно достигло Урала и замедлило свой бѣгъ. Бѣлый туманъ на время скрылъ отъ меня окружающіе предметы. Они медленно, какъ косматое чудовище, ползъ по землѣ, мѣстами сгущаясь, мѣстами просвѣчивая. Ду-

нуль вътерокъ. видѣніе исчезло и спова «далъ голубая видна»...

— Вогулы ёдуть! даже испугалъ меня неожиданнымъ возгласомъ Василий.

Я взглянулъ по направлению его указательного пальца и замѣтилъ вдали тундры шевелящіяся сѣрыя пятна. Надо было обладать хорошимъ, привычнымъ зрѣніемъ, чтобы угадать приближающихся вогуль. Но вотъ пятна становятся ближе и я ясно вижу двѣ четверки оленей, запряженныхъ въ двое саней на которыхъ стоятъ длинными палками въ рукахъ возсѣдаетъ по человѣку. Люди одѣты въ совики. Теперь вся окружающая картина приняла осмыслиенный видъ, она, такъ сказать, оживилась. Эти сѣрые олени, сѣрые совики на дикаряхъ, такъ гармонирвали съ сѣрыми камнями съ сѣрымъ мхомъ, и составляли со всей обстановкой одно цѣлое. Только теперь мнѣ стала понятна дикая красота уральскихъ тундръ...

Кочевники, конечно, давно замѣтили огонекъ и подѣхали прямо къ намъ.

Это были два молодца, одинъ лѣтъ 30, а другой 20, съ лицами славянскаго типа, обрамленными небольшими бородками. Я сразу узналъ въ нихъ ижемцевъ и не ошибся. Мы поздоровались. Я пригласилъ гостей почтанивать и вновь прибывшие привязали оленей кормиться мхомъ. Вѣдьная животная видимо устали и тяжело переводили дыханіе.

Старшаго ижемца звали Изосимомъ; онъ былъ хозяиномъ а младшій, Алексій у него работникомъ. Изосимъ, съ легкимъ зырянскимъ акцентомъ бойко объяснялся по-русски и показался мнѣ человѣкомъ пронырливымъ и хитрымъ. Его глаза быстро бѣгали по сторонамъ и какъ то педовѣрчиво выглядывали изъ подъ бровей. Алексій почти не говорилъ по-русски и болѣе молчалъ. Его дѣтское лицо, съ самой простодушной, дѣтской улыбкой свидѣтельствовало о мягкому характерѣ и не злобѣ.

Изосимъ объяснилъ мнѣ, что его отецъ кочуетъ на Пропашемъ камнѣ со стадомъ въ 1,000 головъ оленей, а самъ онъ со своей семьей и съ 500 оленей перебрался на Чувальскій камень.

— Куда-же вы теперь ёдете?

— Мимо насъ остыкъ шелъ съ оленями изъ моего стада 15 штукъ прошадило, остыкъ воровалъ. Бду къ нему отнимать. Остыки насъ грабятъ. Мы недавно здѣсь, они съ насъ дань просить, говорятъ мнѣста ихнія. Пріѣхало въ прошлый мѣсяцъ ихъ 20 человѣкъ а насъ четверо и отнимли у насъ много шкуръ... Остыкъ тутъ долженъ быть, ты его не видалъ.

Я объяснилъ ему, что тоже отыскиваю остыковъ и не могъ ихъ найти.

— А тебѣ на что остыкъ? спросилъ Изосимъ.

— Хочу проѣхать по Уралу.

— Найми меня. Я провезу по всѣмъ горамъ. Минъ надо въ свой чумъ ёхать на Чуваль. Деньги дай.

Такому предложению я обрадовался и мы съ нимъ быстро условились. Къ вечеру онъ обѣщался заѣхать къ «Владимиру» (г. В.) въ «строеніе», какъ кочевники зовутъ всѣ золотые пріиски, и взять меня съ собой.

— На Чуваль у насъ весело,—продолжалъ говорить Изосимъ,—тундра большой. А внизу подъ горой строеніе построили французскіе люди желѣзо ковыряютъ. Я былъ у француза Глупый человѣкъ: совсѣмъ по-русски не понимать, какъ остыкъ...

Напившись чаю, ижемцы быстро направили оленей, махнули палками и скрылись изъ виду отыскивать остыка.

Намъ оставалось возвратиться домой. Возвращеніе было печальное: поднялся туманъ, краина дождикъ; шли почти опущью, рискуя заблудиться. На пріискѣ пришли подъ вечеръ и промокли до нитки. Но я былъ доволенъ, что достигъ своей цѣли, что увижу бытъ чердынскихъ кочевниковъ.

Вскорѣ послѣ насъ прибыли на пріискѣ и ижемцы. Они не могли отыскать остыковъ.

Весь слѣдующій день Изосимъ гостили у В. и дѣлали разныя закуки. Я, между тѣмъ, въ подсобѣ сти разматривалъ экипажъ, въ которомъ мнѣ надлежало совершить путешествіе. Это были высокія сани, длиной до двухъ аршинъ, а шириной аршинъ. Отъ сидѣнья до земли было аршина полтора, чтобы можно было безпрепятственно ёхать по пнямъ. Упряжь оленей еще при-

митивнѣе: на шею надѣто подобіе хомута изъ оленьей кожи и къ этому хомуту привязаны ремни по одному на каждого оленя. Ремни прикрепляются прямо къ савамъ; — вотъ и все. Вместо плетки олени понуждаются палкой, длиною около сажени и носящей название «харей».

Олени поражали своей худобой: пищетеперь мало, да и большие переѣзды ихъ истомили.

Къ вечеру все было готово. Нашъ багажъ уложенъ въ санъ, крѣпко перетянутъ ремнями и покрытъ сверху оленьей шкурой. Я рас прощался съ гостепримнымъ В. и усѣлся бокомъ на заднія сани. Но ко мнѣ подошелъ Алексѣй и безъ перемоніи перекинулъ мою ногу и усадилъ верхомъ. Самъ онъ сѣлъ впереди меня съ хареемъ въ рукахъ. Изосимъ тронулъ свою четверку. Алексѣй сдѣлалъ какую то манипуляцію хареемъ и наша четверка рванулась впередь.

Мор силь мелкій дождь. Плащъ мой распахнулся; закрыть его было некогда: обѣими руками я изо всей мочи держался за ремни, рискуя каждую минуту вылетѣть. Брызги грязи обдавали меня съ ногъ до головы. Ноги отъ постояннаго напряженія отекли совершенно. Саны наши, ударяясь о пни и кочки, подпрыгивали какъ мячикъ. Въ болотахъ несчастныя животныя увязали по брюхо въ грязи и кое какъ выкарабкивались. Въ лѣсу было еще хуже: сани скакали въ разныя стороны и ударялись о деревья. Каждую минуту приходилось слѣдить за цѣлостью своихъ ногъ и прятать ихъ... Въ моемъ измученномъ и напряженномъ мозгу зародилась зловѣщая мысль: не много ли я взялъ на себя? Въ состояніи ли я перенести эту пытку? Но стыдъ мѣшалъ мнѣ заговорить объ этомъ съижемцами которые бодро переносили дорожныя невзгоды и были совершенно спокойны. Я призвалъ на помощь весь запасъ энергіи, всю силу воли и твердо рѣшилъ выйти изъ этого положенія.

Алексѣй частенько оборачивался ко мнѣ и добродушной своей улыбкой старался поддержать во мнѣ бодрость. Иногда Изосимъ сѣ переднихъ саней по-ижемски справлялся у Алексѣя, какъ я переношу путь, и оба они смыались. Ломанымъ рус-

скимъ языкомъ Алексѣй старался разскать мнѣ про свою жизнь.

— Моя отца въ Ижмѣ четыре ста оленей, объяснялъ онъ — моя мать пропадалъ, отецъ другая баба брала. Баба то мнѣ сказалъ: пошелъ! И теперь работникъ. Плохо мнѣ! и все это передавалось съ самой дѣтской, съ самой чистой улыбкой безъ всякой злобы. Счастливое дитя!..

Но много разговаривать было нельзя: надо слѣдить за дорогой. Дождикъ все усиливался, но ночь была совершенно свѣтлая. Наконецъ, въ 11 часовъ, наша пытка кончилась: мы достигли старой Алинской избушки на берегу Почмога и рѣшили въ ней запечевать. Когда я слѣзъ съ саней, то въ первую минуту прямо сѣлъ на мокрую землю: ноги отказались служить. Мои спутники смылись надо мнѣ и говорили, что это «ничего!» Кое какъ добрался я до избушки. Тамъ стояла желѣзная печка. Изосимъ приказалъ своему работнику нарубить дровъ. Черезъ минуту веселый огонекъ освѣтилъ закоптѣлые стѣны избушки и наполнилъ ее живительнымъ тепломъ. Эта лѣсная, грязная изба, въ настоящую минуту показалась мнѣ краше всякаго дворца. Не могу описать наслажденія, съ какимъ я протянулъ на лавкѣ свои усталые члены! Дрова весело трещали, печка накалилась до красна. въ чайникѣ бурлила вода.. Алексѣй тѣмъ временемъ привязывалъ на ночь оленей и убиралъ сани отъ дождя.

Изъ дорожнаго мѣшка появился хлѣбъ и мы принялись за чаепитіе, послѣ кото-раго моментально погрузились въ сонъ.

На другой день утромъ веселые лучи солнышка привѣтствовали наше пробужденіе. Я быстро вскочилъ со своей лавки; усталости какъ не бывало. Я растворилъ дверь избушки и передъ моими взорами предстала очаровательная картина проснувшагося, безоблачного дня. Но слѣды вчерашняго дождя еще были на лицо: на деревьяхъ, на травѣ «повисли перлы дождевые». На лужайкѣ паслось восемь оленей, привязанныхъ ремнями къ деревьямъ. Бѣдныя животныя! Какъ они плачевно выглядѣть!

Отъ рѣчки подымался туманъ и застипалъ собою темный хвойный лѣсъ, обступившій насъ со всѣхъ сторонъ. Изосимъ и

Алексей возились около саней: онъ сильно пострадали отъ вчерашней юзды и требовали серьезной починки. Ижемцы добродушными улыбками привѣтствовали мое пробужденіе.

— Чай будемъ пить! сейчасъ печка затопимъ, сказалъ Изосимъ, направляясь въ избу.

Я пошелъ къ рѣчкѣ умываться. Несмотря на солнце, было довольно прохладно. Прежде чѣмъ добрался я до воды, промокъ насеквъ въ сырой, высокой травѣ. Но на такіе пустяки въ путешестіяхъ нечего обращать вниманіе.

Послѣ чаю ижемцы запрягли оленей и мы опять двинулись въ путь. Дорога стала еще ужаснѣе. Черезъ полчаса скачки пошли и коренемъ я почувствовалъ себя окончательно разбитымъ. Особенно страдали ноги, которыхъ ежеминутно подвергались опасности раздробиться, сплющиться о стволы деревьевъ. Только собравъ всю свою силу воли, я не издавалъ стоноў. Туши комаровъ еще болѣе ухудшали наше бѣдственное положеніе. Отмахиваться отъ нихъ было некогда: обѣими руками я крѣпко держался за ремни саней и кровожадные варвары безирепятственно сосали кровь изъ моемъ лицѣ. Наши олени страшно устали. Они опустили головы къ землѣ и тяжело, шумно дышали. Надо удивляться ловкости, съ какой они лавировали своими вѣтвистыми головами среди свѣсившихся вѣтвей слей и сосенъ.

Наконецъ, я не выдержалъ и предполѣлъ идти пѣшкомъ, увязая по колѣна въ болотѣ. Все-таки во время ходьбы хоть немножко отдыхали ноги и возобновлялось въ нихъ кровообращеніе.

Къ полуночи достигли подножія Мартайского камня и выѣхали на долину рѣчки Мартайки, гдѣ сѣѣвали привалъ на берегу. Тутъ въ изобиліи росъ ягель и олени могли подкрѣпить свои силы. Несмотря на усталость я не могъ не любоваться видомъ окружающей природы. Съ одной стороны сѣрѣль массивъ Мартайского камня съолосами снѣга; передъ нами журчали ручей, за пимъ разстилалось обширное болото, примыкающее къ горамъ; хвойный лѣсъ и вершины сибирскихъ камней на горизонтѣ. Птахи весело распѣвались въ кустахъ. Въ ложбинахъ долины еще лежитъ снѣгъ, хотя ря-

домъ съ нимъ цвѣтутъ цвѣты и поднимаются травы. Солнышко начало сильно пргрѣвать.

Съ наслажденіемъ ватились мы на мягкому бѣломъ мху. Ижемцы распалились, какъ дѣти, и начали бороться, толкаться и бросать другъ въ друга камнями мокраго спѣга. Ихъ задушевный смѣхъ эхомъ разносился надъ пустыней Солнышко ихъ согрѣло, они были сыты и всей душой отдались веселому настроению, не заботясь о завтрашнемъ днѣ... Счастливцы!..

Когда олени насытились, мы двинулись дальше. Снова лѣсь, снова пытка ужасной vogульской дороги!.. Вдругъ Изосимъ съ переднихъ саней обернулся къ намъ и крикнулъ:

— Вонъ остыкъ съ оленями!

И въ самомъ дѣлѣ намъ преградили путь двѣ четверки оленей, стоявшихъ въ упряжи около саней. Животные подняли отъ земли свои вѣтвистыя головы и въ недоумѣніи смотрѣли на настъ. Черезъ дорогу лежало упавшее дерево. Два остыка старались перерубить его и очистить путь. Мы остановились Изосимъ быстро заговорилъ со старшимъ остыкомъ на ихъ гортаннымъ языке. Я тѣмъ временемъ съ любопытствомъ разсмотривалъ дикарей. Это были видимо отецъ и сынъ. Ихъ одѣяніе состояло изъ обѣзлыхъ совиковъ, подпоясанныхъ кожанымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ ножъ съ ручкой изъ оленѣаго рога. На ногахъ надѣты «гамаши» — родъ котовъ изъ оленѣей кожи. Гамаши надѣваются на шерстяные чулки, обвязанные до колѣнъ ремешкомъ. Головы ничѣмъ не покрыты. Черные волосы зашлестены въ нѣсколько косичекъ съ красными лентами. На лицѣ отца не было и признака растительности. Глаза съ косымъ разрѣзомъ, маленький носъ не придавали этимъ дѣтямъ пустыни особенной красоты, а морщины, избороздившія даже лицо мальчика вдоль и попоперекъ, дѣлали ихъ похожими на обезьянъ. Но русски они не знали ни одного слова.

— Зовутъ его Петромъ — объяснилъ мнѣ Изосимъ, — онъ пастухомъ служить. У него оленей 80 головъ и пасутся теперь на Молебномъ камнѣ, весь мозгъ поѣли, онъ хочетъ перевести стадо на Мартайский камень и дорогу чистить. Спрашивается

водки нѣтъ ли у тебя — олена за водку отдать.

Но мнѣ пришлось разочаровать дикарь — водки у меня не было.

— Шибко остыкъ водка пить, — продолжалъ Изосимъ — все за водку отдать, отца родного.

Дикари, между тѣмъ, продолжали рубить дерево. Нельзя сказать что они лѣвко дѣйствовали топорами это не ихъ специальность. За то охотники они хороши и не побоятся вступить въ единоборство съ медведемъ, а лыжами управляютъ не хуже вишерцевъ. Но печать вырожденія лежитъ уже на этихъ несчастныхъ, а ворвавшаяся сюда цивилизациія не замедлитъ стереть ихъ съ лица земли. Съ грустью смотрѣла я на этихъ «послѣднихъ могиканъ» нашихъ лѣсовъ. Дѣти двадцатаго вѣка уже не встрѣтятъ человѣка въ его первобытномъ состояніи...

Лѣсъ скоро кончился, кончилась и во гульская дорога. Передъ нами возвышалась стѣна поясового Урала, по которому слѣдовала дальний путь. «Слава Богу! — думалъ я, — наконецъ-то подѣмъ мы по ровному мѣсту и я хоть немного вздохну!»

— Теперь бѣда худой дорога будетъ! и съ этимъ сообщеніемъ Алексѣй обернулся ко мнѣ съ добродушной улыбкой на своемъ дѣтскомъ лицѣ.

Да я убѣдился, что именно тутъ-то и началась «худой дорога», передъ которой блѣднѣютъ ужасы вогульского пути. Мы скакали по розсыпи мелкихъ камней. Сани ежеминутно подорыгивали и отскакивали въ разныя стороны. Не буду описывать, что я испыталъ... Но если плохо приходилось сѣдокамъ, то не лучше было и бѣднымъ оленямъ. Ижемцы безъ пощады подбадривали ихъ хареями. Нѣсколько разъ животные ложились на камни, тяжело переводя духъ, но удары харея ставили ихъ на ноги. Къ довершенню несчастія разразилась гроза. Дождь потоками хлынулъ на насть. Мы бѣхали по гребню Урала и тучи неслись низко, низко падь намъ. Ежеминутно сверкали молніи и ужасный громъ эхомъ перекатывался въ горахъ. Но грозовое облако какъ быстро появилось, также быстро исчезло и вновь окрестность купается въ лучахъ животворящаго солнца. Какіе ручи образовались отъ дождя!

Мы спустились съ Урала и передъ нами бурлилъ Вельсъ, который мы должны перебѣхать въ бродъ. Отъ дождя онъ сильно вздулся и ижемцы въ иерѣшительности остановились передъ этимъ потокомъ. Но Изосимъ рѣшился.

— Ничего! сказалъ онъ думая меня подбодрить.

Мы съ ногами усѣлись на верхъ санокъ; и крѣпко старался держаться за ремни. Вотъ Изосимъ на переднихъ сашкахъ крикнулъ на оленей и бѣдная животная иерѣшительно ступили въ холодный стремителійный потокъ. Мы двинулись за Изосимомъ. Сани оказались недостаточно высокими и я тотчасъ-же опустилъ голову влагу. Вокругъ насъ бурлила, пенясь вода, ударяясь о камни и осыпая насть брызгами. Ижемцы громкими криками напугали оленей. Насквозь промокши, мы съ трудомъ выбрались на противоположный берегъ. Развели огонь и не можно обсушиться. Минѣ особенно было жаль ружья, сильно пострадавшаго при переправѣ.

Въ дивную бѣлу ночь достигли мы Пропаща камня, на тундрѣ котораго настется 1,000 оленей отца Изосима. Опять начался утомительный подъемъ и скоро мы оказались въ царствѣ камни, мха и снѣга. Толстымъ пластомъ лежащаго въ каждой разсѣлинѣ. Два оленя изъ нашей четверки легли на землю и совершили были неспособны продолжать дальний путь.

— Надо искать новый олень! сказалъ, почесывая въ затылкѣ, Изосимъ

— А гдѣ-же ты теперь ихъ найдешь? спросилъ я.

— Тутъ у моего отца много. Вонъ сколько быковъ.

Дѣйствительно, между камнями показались вѣтвистыя головы оленей. Изосимъ вынулъ изъ сапогъ длинную веревку — съ петлей на концѣ — лассо и началъ осторожно подходить къ животнымъ. Шагахъ въ двадцати отъ одного быка онъ быстро машинулъ своимъ лассо надъ головой и веревка опутала рога оленя. Такимъ-же образомъ былъ пойманъ и второй. Больныхъ мы оставили на мѣстѣ и продолжали дальній путь.

Вершина Пропаща камня громадна, я думаю, не менѣе 30-ти квадратныхъ верстъ,

и представляет изъ себя настоящий хаосъ. Тутъ есть долины, есть розсыпи, сопки, вывѣтревшіеся столбы сланца... Никогда я не забуду одного мѣста на этомъ камнѣ. Мы въѣхали въ расщелину, наполненную спѣгомъ и идущую горизонтально въ срединѣ отвѣсной скалы. Наклонъ былъ градусовъ въ 60. Слѣва подъ нашими ногами зияла пропасть, а справа каменная стѣна. Я пѣшикомъ ни за что-бы не рѣшился тутъ пройти, а олени мчали насъ во весь махъ. Одинъ невѣрный шагъ, небольшое пространство обледенѣвшаго снѣга — и мы стремглавъ полетѣли бы въ пропасть... На днѣ долины, среди кустиковъ можжевельника, можно было видѣть группы пасущихся оленей. Наконецъ, ужасный путь кончился и передъ нами открылась обширная тундра, среди которой бѣлѣла чумъ.

— Пріѣхали! радостно воскликнулъ Изосимъ.

Мы остановились. Картина была въ высшей степени оригиналная и дикая. Кругомъ высались исполны Урала со своими снѣжными вершинами самыхъ разнообразныхъ формъ. На обширной тундрѣ сотни оленей, загоняемыхъ людьми и собаками. Маленькие оленята съ хрюканьемъ бѣгаютъ за своими матерями, быки съ великолѣпными, вѣтвистыми рогами — всѣ бѣгутъ отъ собакъ и попадаютъ въ кругъ. Люди въ совикахъ забрасываютъ лассо на быковъ, а воженокъ и олешковъ выпускаютъ изъ круга. Восемь оленей поймано и охота прекращается.

Собаки, оставивъ оленей, кинулись привѣтствовать насъ лаемъ. Ехъ намъ подошелъ ижемецъ — отецъ Изосима. Его лицо, съ рѣдкой растительностью, очень красно, особенно носъ. Онъ привѣтливо здоровается со мной за руку и приглашаетъ въ чумъ. Но-русски говоритъ онъ очень хорошо. Зовутъ его Иваномъ Фотвичемъ, но по ижемскому обычаю изъ вѣжливости слѣдуетъ ставить отчество впереди собственного имени. Ижемцы очень хорошиѣ семьянини и этимъ обычаю доказываютъ свое уважение къ старшимъ.

Мы вошли въ чумъ; онъ, какъ лѣтнее помѣщеніе, сдѣланъ изъ бересты, искусно спицой оленьими жилами, и имѣть конусообразную форму. По срединѣ на камен-

кахъ тлѣтъ огонь. Сверху спускаются палки съ крючками на концахъ, куда привѣшиваются чайники и котелки. Вокругъ очага разостланы въ изобиліи оленьи шкуры и разложены подушки. Противъ входа на сундуки придѣланы полочки, на которыхъ стоятъ нѣсколько иконъ.

Иванъ Фотвичъ любезно усадилъ меня на самое почетное мѣсто и приединулъ ко мнѣ сундукъ, долженствующій играть роль стола. Вся его многочисленная семья собралась въ чумѣ. Кромѣ Изосима, у него еще два сына, юноши-погодки, 17—18 лѣтъ, крѣпкіе, румяные, и двѣ дочери-дѣвицы, 15—16 лѣтъ. Жена его, еще свѣжая и довольно красивая женщина, все время безъ умолку что-то говорила. Всѣдѣ за людьми въ чумѣ вползли собаки и, умильно помахивая хвостами, улеглись у входа. Въ котлѣ готовился ужинъ — похлѣбка изъ соленої оленятини. Для меня повѣсили чайникъ.

Ужинъ скоро послѣдѣлъ. Хозяйка передъ всѣми поставила деревянныя миски и вилкой вынула изъ котла мясо, которое раздѣлила на куски по числу присутствующихъ; потомъ большой ложкой начала разливать по мискамъ сѣраго цвѣта похлѣбку. Всѣ ижемцы передъ ёдой прочитали молитву. Похлѣбку начали пить прямо изъ чашекъ безъ помощи ложекъ. Я былъ очень голоденъ и послѣдовательно ихъ примѣру. Похлѣбка оказалась сильно приправлена мукой. Мясо ѿли прямо руками. Иванъ Фотвичъ началъ со мной бесѣду:

— Волки насъ нонicha сильно беспокоить! Страсть, какъ пакостять. Сегодня мы нарочно быковъ приготовили — хочу послѣ ужина ѿхать караулиль.

Надо замѣтить, что эти волки не мѣстнаго происхожденія, а большие, бѣлые волки съверныхъ тундрѣ, откуда они привыкли сюда всѣдѣ за перегоняемыми стадами оленей.

— Нынѣшній годъ очень плохой, — продолжалъ мой хозяинъ, — медвѣди тоже насъ одолѣли. Да вотъ еще орлы, эти разбойники прямо съ неба налетаютъ на маленькихъ олешатъ и заклевываютъ ихъ. Просто совсѣмъ житья не стало. Вотъ въ этотъ мѣсяцъ орлы у насъ 40 олешатъ заклевали, а медвѣди да волки больше 20 большихъ задавили. Все приходится караулиль,

при человѣкѣ они не смѣютъ близко къ стадамъ подходить.

— Привольный у вѣсъ здѣсь мѣста. Тундры большія, много оленей можно пасти, сказаѣлъ я.

— Теперь намъ здѣсь тѣсно становится. Остаки и самоѣды выживаютъ насъ. Вотъ мои олени сѣѣдятъ на Пропащемъ можь, куда я пойду? Вездѣ занято: на Чувалѣ мой сынъ, на Мань Юру — остакъ, на Уралѣ — остакъ, на Муравьевѣ — остакъ, вездѣ остакъ...

— А остаки хороший народъ?

— Всякіе есть. Есть одињ, Василій, онъ около Алинскихъ строеній на Уралѣ —шибко худой: отца убиль. Его спрашива ють: зачѣмъ убиль? а онъ говоритъ: «стара была, куда (худа) была, водку пила!» Онъ, если спорить зачнетъ, ружьемъ стрѣляеть. А мы его боимся. А вотъ самоѣды, тѣ лучше. Тутъ есть Арсеній, у него нынче баба пропадала, вина опилась. Сюда вогулы прїѣхали изъ березовскаго уѣзда и водки привезли 10 ведеръ, по рублю бутылку продавали и на оленей мѣняли. Арсеній боченокъ купилъ и все пилъ, и баба пила. Арсенію жалко стало, онъ легъ спать и обнаѣль боченокъ, а дыру пальцемъ затыкалъ. А баба другой дыра вертѣль и все тянулъ, все тянулъ, тутъ и пропадаль.

— А у остаковъ много оленей?

— Нѣтъ, мало! Оленей по 80 бываетъ, имъ все равно, сильно оленей не нужно. Они охотой живутъ, лосей стрѣляютъ, медвѣдей, куницъ. Одинъ остакъ вѣтъ годъ убилъ 50 лосей, три медвѣдя, до 80 куницъ. Деньги выручаютъ, да пропиваютъ или шайтану отдавають. Они хоть и крещеные есть, а идолопоклонники. У нихъ здѣсь, вонъ на томъ камнѣ, Молебнымъ зовется, моленія бываютъ и идолы есть. Они купятъ вѣтъ строенія лошадь, надо чтобы честная или бѣлая была, и заколютъ тамъ. Нынче одинъ русскій изъ Алинскаго строенія идола у нихъ укралъ и вѣтъ Чердынь увезъ, они его убить хотятъ. Вѣтъ тайныхъ мѣстахъ они шайтану деньги кладутъ, золотыя и серебряныя, изжемцы находятъ эти мѣста и берутъ деньги. Я самъ сколько разъ находилъ.

Тѣмъ временемъ чай послѣдъ и Иванъ Фотѣевичъ принесъ мнѣ топленаго масла,

до котораго кочевники большие охотники и пьютъ его съ чаемъ. Ласково угождалъ меня хозяинъ, приговаривалъ:

— Ю, ю! (пей, пей!).

Съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ я уничтожать калачи, видимо сибирскіе: бѣлые, разсыпчатые.

— По Ивделью вѣтъ строенія покупалъ ихъ, объяснилъ Ив. Фот.

Ему не хотѣлось самому вѣхать караулить стадо и онъ съ этой цѣлью отрядилъ одного изъ своихъ сыновей, который тотчасъ и скрылся. Становилось поздно. Ижемцы стали готовить постели. Я зажегъ свѣчу и принялъ за свой дневникъ. Иванъ Фотѣевичъ положилъ для меня нѣсколько шкуръ и получилось мягкое ложе. Передъ сномъ опять всѣ усердно молились. Скоро водворилась тишина: люди спали. Воздухъ вѣтъ чумѣ безъ огня сталъ холоденъ, но подъ шкурами было тепло. Ночью нѣсколько разъ съ меня слѣзала одѣяльница, но добрый Иванъ Фотѣевичъ укутывалъ меня снова.

Утромъ я былъ разбуженъ страннымъ шумомъ: казалось, что возгѣ меня кто-то сыпалъ дробь на деревянный полъ, кроме того, раздавалось какое-то своеобразное хрюканье. Я вылѣзъ изъ чума и увидѣлъ стадо удаляющихся оленей. Это стучали копытами о камни и производили слышавый мною шумъ. Хрюкали-же маленькие оленята. Я отправился за одну розсыпь и стала умываться снѣгомъ. Чувствую, что по тѣлу ползаютъ какія то наѣкмыя. Когда я освидѣтельствовалъ бѣлье, то оказалось, что оно сплошь покрыто паразитами, захваченными мною во время ночевки вѣтъ чумѣ! Кое-какъ освободился отъ нихъ.

Утро было великолѣпное, солнечное. Тундра Пропаща камня была видна вся, какъ на ладони. Съ одной стороны висила длинная розсыпь, а съ другихъ —шли скаты къ долинамъ. Кругомъ высокія горы...

Скоро проснулись обитатели чума. Иванъ Фотѣевичъ первымъ долгомъ справился у меня — хорошо ли я спалъ? Я поблагодарилъ его, умолчавши о паразитахъ...

Началось чаепитіе. Тутъ я имѣлъ случай наблюдать способъ приготовленія хлѣба кочевниками. На дно большого чугуна,

смазанного масломъ, положили лепешкообразное тѣсто, приготовленное безъ дрожжей прямо изъ муки и воды и котель подвѣсили недалеко отъ огня. Минутъ черезъ десять лепешку перевернули на другую сторону и хлѣбъ былъ готовъ, прѣсный, низкій, закалистый.

Около чума стоитъ нѣсколько саней, съ прифланнными къ нимъ ящиками въ видѣ саней. Въ этихъ ящикахъ, запирающихся замками, заключается все богатство кочевника, всѣ его припасы. И чѣмъ богаче семья, тѣмъ больше такихъ саней вокругъ чума. Ящики окрашены краской, по большей части охрой.

Послѣ чаю Изосимъ и Алексѣй запрягли двѣ четверки оленей и мы распостились съ гостепримнымъ хозяиномъ Иваномъ Фотиичемъ и его семействомъ.

Дорогой Изосимъ началъ объяснять мнѣ, что онъ недавно отѣлся отъ отца и что отецъ этимъ его поступкомъ недоволенъ. Но Изосиму подѣ началомъ жить не хочется.

— Только вотъ оленей у меня мало,— говорилъ онъ,— отецъ даваль сто штукъ, обидѣлъ меня. Я хочу ѿхать къ лопарямъ. Тамъ, говорять, хорошо. Здѣсь тѣсно.

И онъ началъ меня разспрашивать, какъ пробраться въ Лапландію по желѣзнымъ дорогамъ и сколько это будетъ стоить. Онъ еще ни разу въ жизни не видаль города, даже въ Чердыни не былъ.

Теперь ѿхали мы все время по тундрѣ, частью мхомъ, частью по снѣгу и незамѣтно добрались до Чувала. У подножія его, съ восточной стороны, береть начало притокъ Вишеры, рѣчка Мойва, на берегу которой мы увидали остаткую юрту. Я велѣлъ Изосиму приворотить къ ней. Она теперь пуста: остатки тутъ живутъ зимой, когда охотятся на звѣрей. Юрта срублена изъ тонкихъ бревенъ, кое-какъ проконопачена. Дверь высотою всего одинъ аршинъ и влѣзать туда надо на четверенькахъ. Внутри это помѣщеніе представляеть изъ себя квадратъ, сторона которого не болѣе 1 сажени. Два крохотныхъ окошечка по $\frac{1}{4}$ аршина; въ одномъ углу первобытный очагъ. Изба эта изъ себя представляеть помѣтит человѣческихъ потребностей. На полѣ я нашель двѣ четвертныхъ бутыли изъ-подъ водки. Этикетъ на нихъ гласилъ,

что пріобрѣтены онъ изъ казенныхъ складовъ пермской губерніи.

Мы начали подниматься на Чувалъ. Снѣгу здѣсь очень много. Чувальская тундра необозрима и мѣстами поросла карликовыми деревцами и темными, ровными кустиками можжевельника.

— Вонъ мои олени! крикнулъ Изосимъ.

Едва разсмотрѣлъ я движущіяся фигуры животныхъ. Подѣвжаемъ къ нимъ ближе. Около животныхъ я вижу человѣческую фигуру въ совикѣ, съ ружьемъ въ рукахъ.

— Товарищъ мой,— объяснилъ Изосимъ,— мы вмѣстѣ съ нимъ пасемъ, у него тоже штукъ сто есть олешковъ.

Мы подѣвхали къ нему. Это человѣкъ съ длинной бородой, лѣтъ подъ сорокъ. Лицо его напоминаетъ нашихъ великорусскихъ музичковъ. Такъ и кажется, что это ряженый. Изосимъ остановилъ оленей и заговорилъ съ товарищемъ по-ижемски, видимо обмѣниваясь новостями.

Черезъ нѣсколько времени на большой равнинѣ передъ нами забѣлѣлъ чумъ Изосима съ сундуками на саняхъ вокругъ него. Нѣсколько собакъ привѣтствовали насъ лаемъ. Изъ чума выбѣжали два мальчика 6—7 лѣтъ и съ радостными криками бросились къ отцу.

— Тятя, вай каячъ! (тятя дай калачъ) звонкими голосами кричали они.

Изосимъ подхватилъ ихъ на руки и принялъся цѣловать. Это были здоровые, румяные ребятишки, оригинально выглядывающіе изъ своихъ крохотныхъ совичковъ. Скоро въ ихъ рукахъ оказались калачи и они съ веселымъ щебетаньемъ скрылись въ чумѣ. Вышла жена Изосима, молчаливая женщина съ привѣтливымъ лицомъ, за ней показалась еще другая женщина съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ; это была жена товарища Изосима. Въ одномъ чумѣ здѣсь тѣснилось двѣ семьи.

Мужчины распрыгли оленей и отпустили ихъ на волю. Женщины начали выгружать изъ санокъ покупки Изосима и прятали ихъ въ свои сундуки-саны. Изосимъ прігласилъ меня въ чумъ, гдѣ весело горѣль огонекъ. Внутри чума было очень грязно, такъ какъ очень ужъ много народа въ немъ помѣщалось.

Въ чайникъ положили снѣгу и повѣсили

надъ огнемъ. Вскорѣ послышался дробный стукъ копытъ о камни и хрюканье молодыхъ оленятъ: стадо пригнали къ чуму, гдѣ оно и расположилось на ночлегъ. Такъ какъ у Изосима и его товарища стадо немногочисленно, то они его не оставляютъ безъ призора ни на минуту; ночью и днемъ, когда приходятъ обѣдать, стадо пригоняется къ чуму, около котораго и располагается. Собрать такое стадо при помощи собакъ очень не трудно. Жизнь кочевника только и проходитъ въ присмотрѣ за оленями и, такимъ образомъ, безъ особенного труда онъ ведетъ вполнѣ обеззеченную, привольную жизнь. Я уже на столбахъ «Перм. Вѣд.» въ очеркахъ своихъ «Поѣздка на Печору» объяснялъ, насколько выгодно оленеводство, какъ это занятіе, не требуя особыхъ трудовъ и расходовъ со стороны оленеводовъ, обеспечиваетъ имъ материальное довольство и независимое существованіе...

Чай скоро послѣль. Изосимъ называлъ меня гостемъ и видимо гордился передъ товарищемъ, что принимаетъ у себя въ чумѣ жителя города. Милые ребятишки вертѣлись около меня, щупали мое платье, съ изумленіемъ смотрѣли на мой дорожный мѣшокъ. Когда-же я одѣлъ ихъ калачами и сахаромъ—восторгу ихъ не было границъ. Они показывали подарки матерямъ и громко щебетали что-то на своеемъ нарѣчіи. Милые дикарята!

Передъ закуской настъ всѣхъ разсмѣшилъ Алексѣй, вздумавшій вслухъ прочитать молитву; онъ перекрестился и проговорилъ:

— Отца во имя и духа!

— Не ладно говоришь! поправилъ его Изосимъ, всѣ весело засмѣялись и окончательно сконфузили бѣднаго Алексѣя.

За чаепитіемъ застала настъ ночь. Тихо спустилась она на горы, свѣтлая, блаяя, беззвѣздная, холодная.

Изъ боязни паразитовъ я рѣшилъ ночевать на открытомъ воздухѣ, хотя гости-пріимные хозяева приготовили для меня заманчивое ложе. Не далеко отъ чума находились скалы, образовавшія изъ себя нѣчто вродѣ навѣса. Я захватилъ съ собой чайникъ, топоръ, одѣяло и шубу. Эту ночь мнѣ хотѣлось провести въ совершенномъ уединеніи, лицомъ къ лицу съ природой.

Въ верстѣ отъ чума я намѣтилъ сопку — высшую точку Чувала и съ высоты ея мнѣ хотѣлось бросить взгляดъ окрестъ. Сложивъ свое имущество подъ павѣсомъ скалы, я зарядилъ ружье и направился къ сопкѣ. Тихо прошелъ мимо спящаго чума, вокругъ котораго лежали олени, пережевывая жвачку. Собаки, уже ознако-мившіяся со мной, привѣтливо махали мнѣ хвостомъ. Я шелъ по тундрѣ при волшебномъ освѣщеніи бѣлой почі. Разстояніе оказалось гораздо больше, чѣмъ я предполагалъ. Но вотъ и розсыпь. Громадныя глыбы известняка въ хаотическомъ беспорядкѣ навалились другъ на друга. Съ тру-домъ взобрался я на вершину.

Свѣтло-голубое небо обливаетъ бѣлымъ свѣтомъ окрестность. Всюду высятся при-чудливыя верхушки каменныхъ гигантовъ. Сиять на ихъ вершинахъ теперь искрится голубоватымъ свѣтомъ. Вонъ Тулынскій камень, красавецъ чердынскаго Урала! Гребень его остроконечной вершины такъ рельефно выдѣляется на небѣ. Вонъ Маль Юру или Молебный камень, камень свя-щеній для дикарей. Онъ, въ видѣ пирамиды со снѣжной вершиной, одиноко стоитъ въ сторовѣ. Вонъ Муравей, вонъ Ку-рыксоръ и десятки другихъ великановъ. А въ долинахъ черпютъ лѣса.. Внизу подъ моими ногами тундра Чувала, на которой мѣстами разбросаны темные пятна — то кустики можжевельника. Въ сторонѣ бѣлѣтъ, затерявшійся въ этой пустынѣ, чумъ; око-ло него спящіе олени. И тихо, тихо во-кругъ.

Боже! Изъ какой волшебной фееріи взя-ты эти дивныя декорации!.. Только одна всемогущая мать-природа могла подобрать эти краски и въ чудной гармоніи сочетать ихъ съ этой сказочно прекрасной обста-новкой!...

И только въ такой обстановкѣ, передъ лицомъ Всемогущаго Бога, начинаешь про-никаться сознаніемъ, что жизнь не есть «даръ напрасный, даръ случайный» и что всякое явленіе, происходящее передъ на-шими глазами, имѣть глубокое, разумное значеніе. И только при видѣ такихъ кар-тинь природы невольно размягчаешься серд-цемъ и становишься добрѣе, лучше. Не да-ромъ благороднѣйшіе умы человѣчества всегда преклонялись передъ красотой, и

болѣе цивилизованные народы возводили ее въ кульпъ . .

Я быль готовъ всю ночь простоять на розсыпи, но холодъ заставилъ меня вернуться къ моимъ скаламъ. Спать мнѣ не хотѣлось. Я развелъ огонекъ и началъ чайничатъ. Къ великому моему горю, со стороны Тулына поднялся туманъ, обратившійся въ тучи, застлавшія собою небо. Началь вакрапывать дождикъ. Я забрался подъ павѣсь и скоро заснуль на жесткомъ ложѣ изъ камней.

Въ семь часовъ утра меня разбудилъ Изосимъ.

— Вставай чай пить!

Шелъ дождь и мнѣ не хотѣлось вылѣзать на холодъ изъ своей норы. Я лежалъ и слѣдилъ за туманомъ, за его прихотливыми измѣненіями. Мѣстами начало проглядывать голубое небо, обѣщающее хорошую погоду Ребятишки подбѣжали ко мнѣ и громкими голосами крикнули:

— Зонма, локъ таче! (парень, иди сюда!)

Какіе они здоровые, краснощекіе!

Наконецъ, небо прояснилось и я направился къ чуму, гдѣ для меня вскипятили чайникъ. Я сталъ пить чай на свѣжемъ воздухѣ. Опять ребятишки столпились около меня и съ любопытствомъ дикарей слѣдили за каждымъ моимъ движениемъ. Олени подходили ко мнѣ и обнюхивали меня. Я сталъ кормить ихъ хлѣбомъ. Ребятишки послѣдовали моему примѣру. Какъ граціозны эти животныя! Выки съ великолѣпными рогами степенно щипали мохъ, важенки съ маленьками рожками играли другъ съ другомъ, становились на заднія ноги и брыкались передними, рядомъ съ ними рѣзались малютки оленята въ своихъ свѣтло-коричневыхъ шубкахъ. Нельзя было не залюбоваться на эту идиллію тундры.

Изъ чума вышелъ насытившійся Изосимъ и его товарищъ. Въ рукахъ они держали лассо.

— Сейчасъ быковъ станемъ ловить.

Иженцы стали осторожно ходить среди стада, держа лассо на готовый. Олени отбѣгали отъ нихъ. Иногда имъ удавалось близко подойти къ намѣченному быку, они вертѣли веревку надъ головой и она падала на вѣтвистую голову оленя, котораго тотчасъ привязывали къ санямъ. Иногда бывали промахи и вообще ловля оленей

требуетъ навыка и ловкости. Ребятишки подражали старшимъ и играли въ ловлю оленей: у нихъ въ рукахъ было по маленькой веревкѣ и они накидывали изъ на оленята и другъ на друга.

Черезъ пѣсколько времени двѣ четверки запряженныхъ оленей уносили настѣ отъ гостепріимнаго чума. Дорога была хороша; мы вѣхали по мягкому мху, а мѣстами по снѣгу. Къ вечеру достигли конца Чувальской тундры. Камень кончался здѣсь обрывомъ, по которому предстояло спуститься до рудниковъ пѣшкомъ.

Внизу извивалась серебристая ленточка воды между лѣсистыхъ холмовъ, то была Вишера. Среди лѣса можно было разсмотреть, точно игрушечные, домики Чувальскаго рудника. Тонкими струйками вился дымокъ. Тамъ копошился человѣкъ, тамъ цивилизація покоряла природу.

Я бросилъ пронзительный взглядъ на горы. Прямо противъ Чувала высился массивъ Мартайскаго камня. Какъжалки, какъ ничтожны казались затѣи людей передъ лицомъ этихъ двухъ каменныхъ гигантовъ. въ безмолвіи стоявшихъ другъ противъ друга. Невольно пришло мнѣ на память прелестное Тургеневское стихотвореніе въ прозѣ «Разговоръ». Помните, читатель?.. «Среди Альпъ высится двѣ громады: Юнгfrau и Финстерааргорнъ. И спрашивается Юнгfrau сосѣда: что новаго? Прощаются тысячелѣтія: одна минута и грехочетъ Финстерааргорнъ сосѣду: «Чернѣютъ лѣса, среди нихъ копошатся козявки-дувиночки, люди». Опять летятъ тысячелѣтія: одна минута. «А теперь?» спрашивается Юнгfrau. Грехочеть великанъ: «Лѣсовъ стало меньше, козявокъ больше!...» Еще минута: тысячелѣтія — «А теперь?» — «Теперь хорошо, опрятно стало, бѣло вездѣ, вездѣ снѣгъ, куда ни глянь. Опрятно, хорошо. Ну, заболтались мы съ тобой, вздрогнемъ».. Спать громадная горы спить зеленое, свѣтлое небо надъ всегда замолкшей землей»...

И вы смолкните ничтожныя козявки — люди, гордые въ своемъ самомнѣніи, вы, настроившіе тамъ внизу зданія и дымомъ законывшіе дѣственную чистоту горнаго воздуха. Вы съ молотомъ въ рукахъ дерзко прокладываете путь къ сердцу Чувала — но знайте, что всѣ ваши дѣянія ничто

передъ вѣчностью и настанетъ время, ког-||| бѣлой и чистой подъ снѣжнымъ покрыва-
да исчезнутъ съ лица земли ваши дѣла. ||| ломъ!...
исчезните вы сами, а Чувалъ, по преж-|||
нему, будеть гордо выситься надъ землей — |||

Николай Белдыцкій.

Извлечено изъ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1899 года.